

Ж.К. Туймебаев

**ПРОБЛЕМА
АНЛАУТНЫХ ГУБНЫХ СОГЛАСНЫХ
В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ
(Ревизия фонетического закона
Рамстедта – Пеллио)**

РОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Ж.К. Туймебаев

**ПРОБЛЕМА
АНЛАУТНЫХ ГУБНЫХ СОГЛАСНЫХ
В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ
(Ревизия фонетического закона
Рамстедта – Пеллио)**

ПАРАД
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДИМ
МОСКВА 2004

ББК 81.2Алт-1
УДК 811.512
Т81

Ответственный редактор

Тенишиев Э.Р. – член-корреспондент Российской академии наук

Туймебаев Ж.К.

Т81 Проблема анлаутных губных согласных в алтайских языках (Ревизия фонетического закона Рамстедта – Пеллио) / Ж.К. Туймебаев. – М., 2004 – 210 с.

ISBN 5-8061-0087-1

Монография представляет критическую оценку одного из фонетических законов, установленных ортодоксальной алтаистикой на материале тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. В ней рассматриваются вопросы тюркско-монгольского языкового взаимодействия, дается оценка развития протетических согласных в трех основных языковых семьях алтайской общности. В результате критического анализа теории о праалтайском инициальном *р- с учетом богатейшего опыта предшественников намечены пути дальнейшего сравнительно-исторического и сопоставительного изучения общей лексики тюркских и монгольских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, пути выявления тюркизмов в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках и монголизмов в тунгусо-маньчжурских, уточнены и дополнены приемы их опознавания, предпринят решительный шаг в сторону систематического разграничения собственного и заимствованного пластов в лексике тюркских и монгольских языков.

Книга предназначена для широкого круга лингвистов и, прежде всего, для специалистов в области алтайских языков

ISBN 5-8061-0087-1

© Ж.К. Туймебаев, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея написания предлагаемой вниманию заинтересованного в остродискуссионных проблемах алтаистики читателя данной работы зародилась в ходе многолетних разработок более обширной темы «Казахско-монгольские лексические параллели и современные проблемы алтаистики». На первых порах, когда только приступал к разработке названной темы, автор был убежденным приверженцем традиционной алтайской гипотезы, обоснованной Г.Й. Рамstedтом, Н.Н. Поппе и их многочисленными последователями. Решающую роль в этом сыграло огромное число казахско-монгольских лексических параллелей. Согласно предварительным подсчетам Б. Базылхана, в современном казахском языке сходными с монгольскими являются более 1 500 корневых и 24 000 производных слов из 40 000 зарегистрированных в его казахско-монгольском и монгольско-казахском словарях. Однако при ближайшем ознакомлении с фактическим материалом, тем более, когда началось всестороннее компаративно-контрастивное, комплексное историко-этимологическое и типологическое изучение репрезентативного эмпирического материала, сомнения в научной обоснованности алтайской гипотезы все более возрастали, так как практически на каждом шагу возникали серьезные противоречия, неувязки или даже просто натяжки. Не спасло положения и появление большого трехтомного «Этимологического словаря алтайских языков» (EDAL). Более того, чем больше углублялся в изучение взаимоотношений тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и других языков, тра-

диционно объединяемых в алтайскую (шире – урало-алтайскую, ностратическую и т.д.) общность, сомнения в достоверности основных постулатов традиционной алтайской гипотезы становились все более очевидными.

Высказывания о возможном генетическом родстве тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков появились уже в середине XVIII века. Более или менее строгое доказательство предполагаемого родства указанных трех классификационных групп языков было сформулировано в первые десятилетия XX века, когда уже был накоплен значительный корпус межъязыковых лексических, фонетических, морфологических и иных сопоставлений и построен каркас сравнительной грамматики так называемых алтайских языков (ср. работы Г.Й. Рамстедта, З. Гомбоца, П. Пеллио, А. Соважо, Б.Я. Владимирцова, Н.Н. Поппе, Г.Д. Санжеева и др.). С тех пор было значительно дополнено общее число алтайских этимологических предположений в области лексики, получен ряд интересных результатов в исследованиях по сравнительной фонетике и морфологии алтайских языков и т.д.

Между тем, ряд серьезных исследователей алтаистической проблематики до сих пор считает поредполагаемое генетическое родство тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков недостаточно доказанным, оставляя за алтайской общностью лишь ареально-типологический статус. Неоалтаисты (умеренные алтаисты, антиалтаисты) не без основания утверждают, что введенная в алтаистическую компаративистику лексика проще всего и наиболее достоверно объясняется как результат разновременных заимствований, взаимозаимствований и переаимствований. Действительно, тюркско-монгольские контактные языковые взаимосвязи имеют глубокую историю, многообразны и имели место на ог-

ромной территории. Как известно, представители нескольких поколений тюркологов и монголистов были заняты регистрацией и комментированием материальных сходств и совпадений в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и некоторых других языках с заранее заданной целью обоснования гипотезы об их генетическом родстве. «Поиски параллелей являлись главнейшим направлением алтаистики, тогда как разграничения, нередко принципиально важные для правильного понимания характера тюркско-монгольских языковых связей, по существу, были за пределами научных интересов специалистов. Например, обходились молчанием существенные различия в вокализме, в способе распределения согласных, в фонетической структуре слога и слова, в порядке следования морфологических элементов в словоформе...» (Щербак, 1997, 3-4).

Для характеристики современного состояния алтаистики чрезвычайно важным является то, что до настоящего времени, несмотря на титанические усилия многих поколений специалистов, не была разработана четкая методика сравнительного исследования тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков даже такими выдающимися алтаистами, как Г.Й. Рамстедт, Н.Н. Поппе, Б.Я. Владимирцов, В.Л. Котвич, А.М. Щербак и др. Представляется знаменательным и тот факт, что такой крупный и вдумчивый специалист в области алтаистики, каковым является В.Л. Котвич, в последние годы своей жизни признал несостоятельность гипотезы о генетическом родстве алтайских языков.

Предлагаемая благонамеренному читателю работа посвящена всестороннему анализу сложной и до предела запутанной проблемы «алтайского» анлаута и целого клубка более частных вопросов, неразрывно с ней свя-

занных. Прежде всего мы рассмотрим «фонетический закон Рамстедта – Пеллио» и остановимся на проблемах протетических согласных в тюркских (resp. алтайских) языках, концепции Г. Дёрфера о пратюркском **p*-, якобы исчезнувшем в большинстве известных тюркских языков и восстанавливаемом на основании халаджского инициального *h*-, отражения инициального праязыкового **p*- (**p*- ↔ **b*-) в современных тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Кстати, так называемый «фонетический закон Рамстедта – Пеллио», получивший широкую огласку в компаративистских исследованиях, не является основным в системе доказательств генетического родства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, однако, тем не менее, это – единственный фонетический закон, установленный на материалах всех трех языковых групп алтайской общности, и уже потому требует к себе самого пристального и беспристрастного внимания.

В данной работе мы касаемся лишь некоторых конкретных вопросов фонологического изменения лабиальных согласных в начале слов алтайских языков. При этом руководствуемся следующими соображениями: 1) ограничение рамок исследования вопросами исторической эволюции тюркского (resp. алтайского) анлаута в разных ракурсах способствует более детальному и эффективному прослеживанию основных этапов и направлений исторических изменений анализируемых фактов; 2) освещаемые в данной работе проблемы (например, глухость/звонкость анлаутных согласных и их устойчивость; появление протетических согласных и их хронологическая динамика и т.д.) занимают важное положение в эволюции фонологической системы языков агглютинативного строя и в функциональном плане, и в смысле направления динамики исторического развития;

3) рассматриваемые в данной работе вопросы так или иначе затрагивают ряд других проблем, связанных с историей тюркских языков и их взаимоотношений с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими, приближая тем самым к однозначному решению сложного клубка алтаистических проблем.

По техническому оформлению рукописи считаем нужным подчеркнуть следующее. Приводимый иллюстративный материал в целях экономии места документируется избирательно, так как использованные источники хорошо известны специалистам и установление их в каждом конкретном случае не представляет большого труда. Транскрипция примеров – традиционная, с незначительными изменениями, вызванными необходимостью сближения способов передачи одних и тех же слов в тюркологических работах и трудах по монголистике (в необходимых случаях отмечаются редуцированные или гласные неполного образования в казахском, чувашском и монгольских языках).

Автор благодарит Н.И. Егорова за просмотр и критический разбор материалов чувашского языка, А.А. Чеченова – за помощь, оказанную при подготовке рукописи к печати.

Автор также благодарен и признателен Э.Р. Тенишиеву, замечания и пожелания которого приняты с искренней благодарностью и по возможности учтены при окончательном редактировании текста монографии.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ АНЛАУТНЫХ ГУБНЫХ СОГЛАСНЫХ В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Современными исследователями для праалтайского (resp. протоалтайского) состояния реконструируется система из четырех губных согласных: $*p^c$ -, $*p$ -, $*b$ и $*m$ -, причем предполагается, что придыхательный $*p^c$ - в анлаутной позиции в тюркских и монгольских языках практически не сохранился. Распределение губных согласных между основными классификационными группами алтайских языков в интерпретации современных алтаистов представляется следующим образом:

алт. $*p^c$ -: тюрк. $*\emptyset$ -, $*j$ - ~ монг. $*h$ -, $*j$ - ~ т.-маньчж. $*p$ - ~ кор. $*p$ - ~ япон. $*p$ -;

алт. $*p^c$ -: тюрк. $*p$ ~ монг. $*h$, b/b ~ т.-маньчж. $*p$ ~ кор. $*p$ ~ япон. $*p$;

алт. $*p$ -: тюрк. $*b$ - ~ монг. $*b/h$ - ~ т.-маньчж. $*p$ - ~ кор.

$*p$ - ~ япон. $*p$ -;

алт. $*p$: тюрк. $*b$ ~ монг. $*b$ ~ т.-маньчж. $*b$ ~ кор. $*p$ ~ япон. $*p$;

алт. $*b$ -: тюрк. $*b$ - ~ монг. $*b$ - ~ т.-маньчж. $*b$ - ~ кор. $*p$ - ~ япон. $*p$ -;

алт. $*b$: тюрк. $*b$ ~ монг. $*h/[*R]b$ ~ т.-маньчж. $*b$ ~ кор. $*b/p$ ~ япон. $*p[*iV, *j]w$;

алт. $*m$ -: тюрк. $*b$ - ~ монг. $*m$ - ~ т.-маньчж. $*m$ - ~ кор. $*m$ - ~ япон. $*m$ -;

алт. **m*: тюрк. **m* ~ монг. **m* ~ т.-маньчж. **m* ~ кор. **m* ~ япон. **m* (см.: Старостин, 1991, 21; Дыбо, 1996, 43 и след.; EDAL, I, 24 и след.).

В классических трудах Г.Й. Рамстедта (Ramstedt, 1957) и Н.Н. Поппе (Poppe, 1960) в праалтайской системе консонантизма восстанавливаются три лабиальных согласных: **p*, **b* и **m*, а соответствия между основными группами алтайских языков постулируются в таком виде:

алт. **p*: тюрк. (**h*-) > **ø*-, *p*- ~ монг. **p*- > ср.-монг. *h*-, п.-монг. *ø*-; монг. **p*- > -*b*-/-*γ*- (-*ø*-) ~ т.-маньчж. **p*-, *p* ~ кор. *p*-, *ph*-, *p(b)*;

алт. **b*: тюрк. **b*-, *b* ~ монг. **b*-, -*b*-/-*γ*- (-*o*-) ~ т.-маньчж. **b*-, *w* ~ кор. *p*-, *w*;

алт. **m*: тюрк. **b*-, *m* ~ монг. **m*-, *m* ~ т.-маньчж. **m*-, *m* ~ кор. *m*-, *m*.

В.М. Иллич-Свитыч предлагает следующую тернарную схему межгрупповых соответствий праалтайских анлаутных лабиальных:

алт. **p*^с: тюрк. (**h* >) *ø*- ~ монг. **φ* > **h*- (п.-монг. *ø*-) ~ т.-маньчж. **p*-;

алт. **p*: тюрк. (**p* >) **b*- ~ монг. **φ* > **h*- (п.-монг. *ø*-) ~ т.-маньчж. **p*-;

алт. **b*: тюрк. **b*- ~ монг. **b*- ~ т.-маньчж. **b*- (Иллич-Свитыч, 1971, XIII-XIV).

Новым по сравнению с традиционной схемой в реконструкции В.М. Иллич-Свитыча представляется ряд соответствий алт. **p*: тюрк. (**p* >) **b*- ~ монг. **φ* > **h* ~ т.-маньчж. **p*-, который вроде бы раскрывается такими этимологическими сближениями:

алт. **pēli*- «испугаться»: тюрк. **pēli-η* (отглагольное имя на -*η*): др.-уйг. *beliη* «пугливый», др.-уйг., чаг. *balıηla*- «в испуге проснуться», телеут. *peliηdä*- «быть боязливым»; ст.-тур. *belin* «испуг»; тур. *belin* «изумлен-

ный, ошалелый»; диал. *pelin* «заяц» (< «трусливый»), каз. *beleŋ* «норов», *beleŋ al-* «быть напуганным, испугаться (о лошади)» ~ т.-маньчж. эвенк. *hāl-/hēl-* «не по-сметь» (Иллич-Свитыч, 1971, XIV; 1976, 98), однако ср. т.-маньчж. *hē-* «не мочь»: эвенк. *hē-* (~*ā-*, *kē-*, *ho-*) «не мочь, не сметь что-либо сделать»; «не хотеть»; «стесняться»; «отступить, отвернуться от кого-либо»; *hēyil-* «не хотеть, бояться трудностей»; *hēl-* (*hēl-*) «не по-сметь»; «отвергнуть, не захотеть»; *hēcē-* «не сметь, не осмеливаться»; эвенк. *hē-* «не мочь, быть не в состоянии что-либо сделать»; «не решаться, опасаться» (ТМС, II, 358; ср. также Ramstedt, 1949, 180, 207-208), которые указывают на необоснованность данного сближения;

алт. **[p]al'ka* «нога, ступня, шаг»: тюрк. ? **pašmaq* «башмак», «туфля без задника» ~ монг. **[φ]alku-* «шагать, шаг»: п.-монг. *alqu-* «идти, ступать, шагать», *alqu-*, *alqum* «шаг»; х.-монг. *alχam* «шаг», *alχa-* «шагать, ступать, идти» ~ т.-маньчж. **palgan* «подошва, ступня, нижняя часть стопы»: нан. *palgā* ~ *falya*, негид. *χalgan*, солон. *alya(n)* «нога» (см. ТМС, II, 312) ~ кор. *pal'* «нога (ниже щиколотки)»; «шаги» (подробнее см. Иллич-Свитыч, 1984, 66-70; Дыбо, 1996, 46);

алт. **para-(η) / p'ārā-(ηä)* < **parE-(ηa)* «большой палец»: тюрк. **(h) ärñäk:* ст.-уйг. *erñek* «большой палец» || тюрк. **parñaq* (~*parnaq*) «большой палец»: каз. *barmaq* «большой палец», чув. *pürne*, диал. *porne* «палец» ~ монг. **pere(g)ei* «большой палец»: ср.-монг. *heregai* «большой палец»; х.-монг. *erχī*, дагур. *χergī* ~ *ergī* «большой палец» ~ т.-маньчж. **pörāñä:n* ~ **porañān* «большой палец»: маньчж. *ferχe* «большой палец»; нан. *pürü*, орок. *poro(n)* ~ *pero(n)* ~ *pürü(n-)* «большой палец» (см.: Иллич-Свитыч, 1984, 70-77; Дыбо, 1996, 47, 318-321; EDAL, II, 1093-1094);

алт. **palagā* «город, крепость, здание»: тюрк. **Paliq* «город, крепость»: др.-тюрк. *baluq* «город» ~ монг. **balāyā-sun* «город, крепость»; «городская стена»; «поселение»: ср.-монг. *balayasun, balaxasun* «крепость»; х.-монг. *balāys* «город» ~ т.-маньчж. **pal(a)ya* «селение, квартал»: маньчж. *faļa, falga* «квартал, участок», «род» (Иллич-Свитыч, 1984, 89-93; EADL, II, 1092);

алт. **p^сaliņa* «ладонь»: тюрк. **(h)āja* (< **pāñ'a*) «ладонь»: др. уйг. *aja* «ладонь»; каз. *aja* «середина ладони» ~ монг. **φαliņa* «ладонь»: ср.-монг. *halaqan, halaga, alaqaqan* «ладонь», х.-монг. *alga*, монгол. *χaliya, χarya*, дунс. *hanya*, дагур. *χalāya* «ладонь»; каз. *alaqan* «ладонь» ← ср.-монг. *alaqaqan* «ладонь» ~ т.-маньчж. **paliņa* «ладонь»: маньчж. *falaŋgu* «ладонь»; нанай. *pajña, fan'ñā* «ладонь»; ороц. *χаҗа* «ладонь» (Иллич-Свитыч, 1984, 93-95; Дыбо, 1996, 47, 317; 181-182; 178-181).

Реконструкция противопоставления **p-* ↔ **b-* для пратюркского состояния (Иллич-Свитыч, 1971, XIII-XIV) представляется не вполне обоснованной; данный ряд соответствий следует, видимо, представлять как тюрк. **b-* ~ монг. **φ-* > *h-* (п.-монг. *ø*) ~ т.-маньчж. **p-* (см., например, Цинциус, 1984, 17-75).

Относительно тюркских и монгольских рефлексов праалтайского **p^с-* следует также особо отметить интересные замечания С.А. Старостина (1991, 12-13), который выявил специфические закономерности чередования данного звука:

1) праалтайский **p^с-* в анлауте перед переднерядными гласными в тюркских языках обычно исчезает бесследно, ср.:

алт. **p^сimu* «знак, метка»: тюрк. **im* «знак»: карах. *im* ~ *im*, тур. *im*, туркм. *im*, каз. *im* «знак», кумык. *jum* «знак» ~ монг. **(h)im* «знак», «метка (на ушах скота)»: п.-монг.

ime, х.-монг. *im*, орд. *em, im* «знак, метка» ~ т.-маньчж. **pim* «знак, метка»: эвенк. *him, im* «метка, тамга, клеймо» (см. Цинциус, 1984, 38-39; EDAL, II, 1143) и т.д.;

2) праалтайский **p^c*- в анлауте перед гласными переднего ряда в тюркских языках может оставить след в виде **j-*, ср.:

алт. **p^cejné* «кость»: тюрк. **jīn-čik ~ *īn-čik <*(j)ēn-čik* «голень», «кость голени»: карах. *jīnžik*, тур. *inžik*, туркм. *inžik*, башк. *jēnsēk*, алт. *enčik* «голень», «пятка» ~ монг. **ja-su* «кость»: ср.-монг. *jasun*, п.-монг. *jasu(n)*, х.-монг. *jas(an)* «кость» ~ т.-маньчж. **peñ-ηen* «колено»: эвенк., эвен. *henhen*, ульч. *peñe(n-)*, орок. *pene, peñe(n-)*, сол. *eñē* «колено» (EDAL, II, 1131-1132);

алт. **p^ceri* «дно, пол»: тюрк. **jer* «земля»: др.-тюрк. *jer*, каз. *žer*, чув. *šēr* «земля» ~ монг. *hir-* «пол, почва», «дно»: ср.-монг. *hiru'ar* «пол, почва»; п.-монг. *iruyar* «тж.»; х.-монг. *jorōl* «дно», дагур. *χigōr* «пол, почва» ~ т.-маньчж. **pere* «дно, пол»: маньчж. *fere* «дно», «низ, пол»; эвенк. *here, ere*, ульч. *pere(g)*, нан. *pereg, perel* «дно» (см. ТМС, II, 370-371; ср.: Старостин, 1991, 12: тюрк. **jer* «земля» ~ ср.-монг. *hiru'ar*, п.-монг. *iru-yar* «пол, почва» ~ т.-маньчж. **pere* «дно, пол»; EDAL, II, 1136: пратунг. **pere* «дно, пол» ~ прамонг. **hir-* «пол, почва» и т.п. ~ пратюрк. **erneg* «край, кромка посуды»; Цинциус, 1984, 69-70: алт. **p^cereg* «низ»: т.-маньчж.: а) нан. *pegie* «низ»...; б) нан., ульч., орок. *perey* «дно»...; в) орок. *peri, perekse*... «подошва»... ~ монг.: п.-монг. *ergi* «берег»... ~ тюрк.: туркм. *eñek* «край чего-либо»; каз. *ergā* «часть решетки юрты у двери»...);

алт. **p^ciōri* «запад»; «задняя сторона»: тюрк. **jir-* «север», «левая сторона»: др.-уйг. *jir, ir* «тж.» ~ монг. **hōrō-ne* «запад»: ср.-монг. *χorone, χorene*; п.-монг. *ōrōne, ōrūne*; х.-монг. *ōrnō* «запад» ~ т.-маньчж. **per-ki-n* «запад»: ульч.

perçi(n), нан. *perçi, fereçi*, чжурчж. *fūh-li-sīh ~ fu-ri-si* «запад» (Старостин, 1991, 12; EDAL, II, 1157-1158: пратунг. **perki-n/*purkin* «запад» ~ прамонг. **hörö-ne* «запад» ~ тюрк. **ār-t* «спина», «задняя сторона»: каз. *art* «спина») и др.;

3) аналогичное развитие, очевидно, происходило в тюркском перед исконными восходящими дифтонгами: алт. **p^c-* > тюрк. **j-*, ср.:

алт. **p^ciälk^ci* «молния», «гром»: тюрк. **jal-/jal'*- «светить, сверкать»; «блеск»; «молния»: туркм. *jalqım*, каз. *žalqın*, чув. *šulām* «пламя» (см. ЭСТЯ, 1989, 106-107) / др.-тюрк. *jašin* «молния», *jašu-* «сиять», ног. *jasın*, чув. *šizēm* «молния», чув. *šis-* «сверкать» < **jal'(c)-* «сверкать, сиять» ~ т.-маньж.: **pial-* «сверкать (о молнии)»; «молния», «радуга»: эвенк. *hēlki-*, ульч. *piču-* «сверкать» (см.: Старостин, 1991, 13: тюрк. **jal-/jal'*- «светить»... ~ т.-маньж. **pial-* «сверкать (о молнии)»; EDAL, II, 1149: праалт. **p^ciälk^ci* «молния»: пратунг. **pialki- (/rk-)* «сверкать (о молнии)»... ~ пратюрк. **jalKi-* «блестеть, сиять»... ~ праяпон. **pikār-* «сверкать, блестеть»... ~ праор. **pānkái* «молния»...);

алт. **p^ciül'V* «звезда»: тюрк. **jul-du-ř* звезда»: др.-уйг. *julduz*, туркм. *juldız*, каз. *žuldız*, чув. *šälDär* «звезда» ~ монг. **hodu(n)* «звезда»: ср.-монг. *χodu(n)*, *hudun*, п.-монг. *odu(n)*, х.-монг. *od*, дагур. *χod(o)*, монгор. *fōdi* «звезда» ~ праор. **pjār* «звезда» ~ праяпон. *pāsí* «звезда» (см.: Старостин, 1991, 13, 36, 90, 277; EDAL, II, 1155-1156; Miller, 1971, 145-146);

алт. **p^ciägi (~*p^ciäki)* «дождь»: тюрк. **jag-* «идти (о дожде)»: др.-тюрк. *jay-* «идти (о дожде)», *jaymur* «дождь», каз. *žaw-* «идти (о дожде)», *žawın, žaıbır* «дождь», чув. *šu-/šäv-* «идти (о дожде)», *šäväm, šumār* «дождь» ~ монг. **(h)aya-dar* «ливень»: п.-монг. *ayadar*, х.-монг. *ādar* «ли-

вень» ~ т.-маньчж. **pigi-n* «буря, ветер»: эвенк. *hiyin* (~*iyn*, *kiyin*, *siyin*, *hīn*), нег. *χiyin*, *χijin* «вихрь»; «буря», «дождь (с ветром)» (см. ТМС, II, 322) ~ кор. **pi* (< др.-кор. **pji* < **pih* < **pigi*) «дождь» (см.: Старостин, 1991, 13, 34, 283; EDAL, II, 1146-1147);

алт. **p^fire* «берег», «крутой берег», «крутояр»: тюрк. **jār* «обрыв, крутой берег»: карах. *jar*, туркм. *jār*, каз. *žar*, чув. *šir*, якут. *sīr* «крутой берег» ~ монг. **her-gi* «крутой берег»: ср.-монг. (*h*)*ergi*, п.-монг. *ergi*, х.-монг. *ereg*, бур. *erje*, монгол. *χargi*, *jergi*, *χerge* «крутой берег» ~ т.-маньчж. **piri* «крутой (склон, берег)»: эвенк. *hirki* «крутой (о склоне)»; эвен. *hiri-le* «скала»; ср. также: эвенк. *hirikte*, эвен. *hir*, орок. *pīrikte*, маньчж. *fiktu*, *f'eren* «трещина, щель, отверстие, ущелье, расщелина» (см. ТМС, II, 327) ~ праяпон. **pi(n)tipa* «берег» (см.: Старостин, 1991, 13; тюрк. **jār* ~ т.-маньчж. **piri*-, **pirki* «крутой склон»; EDAL, II, 1144: пратунг. **piri* ~ прамонг. **her-gi* ~ праяпон. **pi(n)tipa*);

алт. **p^fjōlo* «дорога», «тропа», «небольшой участок», «обрыв»: тюрк. **jalaŋ* «равнина, поле»: др.-тюрк. *jalaŋ*, др.-уйг., карах. *jalŋ* «голый, обнаженный»; уйг. *jalaŋ dala* «голая степь»; каз. *žalaŋ* «одинокий»; «голый» ~ т.-маньчж. **pile-* «проталина», «открытое место»: эвенк. *hile*, *hilekē*, эвен. *hileŋe*, нег. *χileχe* «проталина»; эвенк. *hilekēn* «открытый» (см. ТМС, II, 324) ~ пракор. **pjār-* «обрыв; дорога над обрывом» (см. Старостин, 1991, 13, 222, 283; EDAL, II, 1155: алтайские формы сближаются с тюрк. **jōl* «дорога») и др.

С.А. Старостин предполагает также, что аналогичное развитие праалтайского **p^f-* > *j-* могло происходить и в монгольском (Старостин, 1991, 13). Свое предположение он пытается обосновать на следующих рядах соответствий:

алт. **p^fiatu-gan* «вид струнного музыкального инструмента»: монг. **hiatu-gan* (→ маньчж. *fituḡan* «бандура»): ср.-монг. *jatu-qan*, п.-монг. *jatu-γan* (→ тюрк.: чаг. *jatuyan*, *čatayan* «лежачая арфа»), тел., кач., койб. *jada γan*, *t'ada γan*, бар. *jadyan*, тув. *čadayan*, хак. *čatḡan*, саг., шор. *čadyan*, кыз. *šādyan* (→ камас. *t'ādyan*) «лежачая арфа»); х.-монг. *jatga* «арфа», калм. *jatḡān* «арфа» (см.: Räsänen, 1969, 192-193; Старостин, 1991, 192-193; ТМС, II, 300; Poppe, 1960, 12, 51, 61: монг. *jatuyan* < **itayan* < **pituyan* < **pituqan* «арфа»);

алт. **p^fejné* «кость»: тюрк. *(j)in-čik «кость, голень» ~ монг. **jan-sun* «кость»: калм. *jan-dā-* «быть костистым», *jan-dā-γār* «костистый» (Ramstedt, 1935, 214); ср.-монг. *ja-sun*, п.-монг. *ja-sun* «кость» ~ т.-маньчж. **peñ-ŋe-n* «колени» ~ ср.-кор. *s-pjǎ* «кость» (Старостин, 1991, 13; см. выше).

Представленные В.М. Иллич-Свитычем и С.А. Старостиным ряды межгрупповых алтайских соответствий подобраны большей частью произвольно и не внушают доверия. Нетрудно заметить, что даже в трудах умудренных большим опытом практической работы алтаистов составные части предлагаемых рядов межгрупповых соответствий очень часто не совпадают. Так, например, предложенные С.А. Старостиным в работе «Алтайская проблема и происхождение японского языка» (1991) ряды соответствий в «Этимологическом словаре алтайских языков» (EDAL) во многих случаях заменены новыми, не говоря уже о том, что в исследованиях разных авторов сплошь и рядом предлагаются все новые и новые межгрупповые соответствия к одним и тем же тюркским, монгольским, тунгусо-маньчжурским и т.д. формам. В этом не трудно убедиться при внимательном ознакомлении с приведенными выше репрезен-

тативными материалами. За основу нами были взяты представленные С.А. Старостиным ряды соответствий, для большей наглядности они дополнены наиболее показательными примерами по каждой классификационной группе, но основное внимание уделено тюркским и монгольским формам; для сравнения приведены краткие указания на альтернативные ряды сближений и отсылки к наиболее авторитетным исследованиям по данной проблеме.

Если на время абстрагироваться от постулируемого фонетическим законом Рамстедта – Пеллио общеалтайского инициального **p-* (**p^ε-*, **φ-* и т.п.) и его предполагаемых межгрупповых и межъязыковых рефлексов, и вести компаративные исследования на уровне корней (resp. неделимых основ), то практически все тюркско-монгольские, тюркско-монгольско-тунгусо-маньчжурские и монгольско-тунгусо-маньчжурские лексические сближения, предпринятые в пользу обоснования данного закона, будут характеризоваться известной фонетической однотипностью, ср.:

тюрк. **ač-* «открывать» ~ монг. **ača* «развилка» ~ т.-маньчж. **ač* «щель, промежуток» (Цинциус, 1984, 36-37; EDAL, II, 1116);

тюрк. **ači-* «быть благосклонным, жалеть» ~ монг. **ači* «милость, услуга» (EDAL, II, 1116-1117);

тюрк. **adi-r* «отделять» ~ монг. **aži-ra-* < **adi-ra-* «пребывать» ~ т.-маньчж. **adi* (маньчж. *fažu*) «отдельно» (EDAL, II, 1117);

тюрк. **ād-* (*ad-il-*) «трезветь» ~ монг. **adi-* (*aži-*) «быть осторожным, внимательным» (EDAL, II, 1118);

тюрк. **adaq* «нога» ~ монг. **adag* «конец», «устье, низ течения» ~ т.-маньчж. **agdi-kī* «ступня, подошва» (EDAL, II, 1118-1119);

тюрк. **ala-* (*alan/η*) «равнина» ~ монг. **ala-m* «лощина» ~ т.-маньчж. **ala-* (маньчж. *fala-n*) «поляна», «ровное место, пол» (EDAL, II, 1120);

тюрк. **apa-* (карах. *abaḥi* «бука», *abaqı* «фигура для отвода глаз»; кар. *abaq* «идол») ~ монг. **ab* «колдовство» ~ т.-маньчж. *ap-* (эвенк. *haptaj*) «шаман, колдун» (EDAL, II, 1122-1123);

тюрк. **ara-* (карах. *aran*) «хлев» ~ монг. **ara-ηga* «сарай» ~ т.-маньчж. **ara-n* (эвенк. *haran*) «площадка для чума» (EDAL, II, 1123-1124);

тюрк. **ār-* (каз. *arī-*) «уоставать» ~ монг. *ari-* «уоставать» ~ т.-маньчж. *aru-* (эвенк. *harū-*) «терять сознание» (EDAL, II, 1124);

тюрк. **arq* «навоз» ~ монг. **aryal*, **aryasun* «навоз, кизяк» ~ т.-маньчж. **arga-* (маньчж. *faḣa-*) «испражняться» (EDAL, II, 1125);

тюрк. **ari-š* (каз. *arīs*) «оглобля» ~ монг. **ara-l* «оглобля» ~ т.-маньчж. **ara* (маньчж. *fara*) «сани», «оглобля» (EDAL, II, 1125-1126);

тюрк. **as-* (каз. *as-*) «висеть» ~ монг. **asa-* «цепляться к чему-либо» ~ т.-маньчж. **asi-* (маньчж. *fasi-*) «повесить, повисать» (EDAL, II, 1126);

тюрк. **er-* «край» (туркм. *erηek* «край», др.-тюрк. *erηek* «большой палец») ~ монг. *ere-* «край» (х.-монг. *irmeg*, ш.-юг. *ermeg* «берег») ~ т.-маньчж. *ere* (эвенк. *here*, эвен. *her*) «дно, пол» (EDAL, II, 1136-1137, 1138);

тюрк. **ič-* (каз. *iš-*) «пить» ~ монг. **ečü-* (*ečüg-le-*) «делать возлияния духам» (← тюрк. **ečkü* «питье», «попойка» + *-le-*) ~ т.-маньчж. **iče-* (нан. *pičkē-*) «брызгать, плескаться» (EDAL, II, 1141);

тюрк. *im* (каз. *im*) «знак» ~ монг. **im* «знак, метка (на ушах скота)» ~ т.-маньчж. **im* (эвенк. *him*) «знак, метка» (EDAL, II, 1143);

тюрк. **oj-* «валять», **ojta* «войлок (для обуви)» ~ монг. **ojtu-sun* «чулки» ~ т.-маньж. **ejm-* (< **ojm-*, ср. эвенк. *hetčurē*, маньж. *fotoči*) «сапоги, унты» (EDAL, II, 1166);

тюрк. **ökür* ~ **öküz* (каз. *ögiz*) «бык» ~ монг. **üker* «бык» ~ т.-маньж. **ükür* (эвенк. *hukur*, эвен. *höken*) «корова» (EDAL, II, 1168-1169) и т.д.

Поразительная структурная сходность тюркско-монгольско-тунгусо-маньчжурских лексических параллелей, охватывающих самые различные тематические пласты словарного фонда соответствующих языков, конечно же, наталкивает на мысль о генетическом родстве сравниваемых языков, репрезентацией чего являются многочисленные параллели в лексике. Однако при более глубоком изучении тюркско-монгольских и, шире, общеалтайских лексических параллелей мысль о гомогенном происхождении обнаруживаемых соответствий представляется весьма проблематичной. Малая контрастность межгрупповых внутриалтайских лексических параллелей, если учесть огромную временную глубину дивергенции предполагаемого алтайского праязыка, вызывает сомнения в правомерности изначальных посылок алтайской теории.

Как известно, В.Л. Котвич относил эпоху существования алтайского праязыка к 3-4 тысячелетиям до нашей эры. Но последние исследования значительно отодвигают время существования предполагаемого алтайского праязыка вглубь истории, и данная эпоха иногда относится даже к 15 тысячелетию до нашей эры. Между тем, эпоха индоевропейского или финно-угорского праязыков намного ближе к нашему времени, но их лексические элементы, сводимые к единым архетипам, особенно специфичны и индивидуальны для каждой классификационной группы внутри этих обширных языковых семей.

Обращая внимание на данное обстоятельство, Э.А. Макаев подчеркивает, что «несмотря на бесспорно огромное различие между отдельными индоевропейскими языками, бесспорным является их единство, так как реконструкция каждого из индоевропейских языков всегда приводит к единому состоянию или праязыку» (Макаев, 1977, 78).

Из богатого опыта индоевропейской компаративистики известно, что исконные для родственных языков генуинные слова в ходе их исторического развития могут видоизменяться до почти полной неузнаваемости, далеко отходя друг от друга как в формальном, так и в семантическом отношениях.

С аналогичным явлением мы встречаемся уже при внутритюркских межъязыковых (не говоря уже о хронологически намного более отдаленных межгрупповых алтайских) сравнениях, например:

общетюрк. **tāš*, каз. *tas* «камень» ~ чув. *čol / čul* «камень»;

общетюрк. **jān*, каз. *žan* «сторона, бок» ~ чув. *šom / šum* «тж.»;

общетюрк. **tīš*, каз. *tis* «зуб» ~ чув. *šāl* «зуб»;

общетюрк. **qāzi*, каз. *qazı* «национальное блюдо из реберной части конины» ~ чув. *jur* в составе парного *jur-var* «мясные продукты» (~ тюрк. **qāzi* и **ö:z* «нутряное сало»);

общетюрк. **ügüre* «просо», якут. *üöre* ~ чув. *vir* «просо»;

общетюрк. **ün*, каз. *un* «мука» ~ чув. *šānāx* «мука»;

общетюрк. *taqrıu*, каз. *tawıq* «курица» ~ чув. *čāx* «курица» и т.д.

Между тем, как это не парадоксально, тюркско-монгольские и даже тюркско-тунгусо-маньчжурские лексические параллели характеризуются поразительно

малой фонетической контрастностью. В этом отношении внутритюркские (особенно общетюркско-чувакские и, в меньшей степени, общетюркско-якутские) лексические соответствия оказываются куда более контрастными, чем, скажем, пратюркско-монгольские и пратюркско-тунгусо-маньчжурские.

Если тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки действительно являются генетически родственными и прямыми продолжениями одного праалтайского языка, как это утверждает ортодоксальной алтаистикой, то тюркско-монгольские и, тем более, тюркско-тунгусо-маньчжурские лексические параллели, ввиду доисторической дивергенции их праязыка, должны были бы значительно расходиться и в структурном, и в семантическом отношениях, а не быть столь однотипными. Материальная близость соответствующих форм тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков указывает либо на недавнее расхождение этих языков (что маловероятно), либо на факты заимствования. Малая контрастность тюркско-монгольских лексических параллелей, незначительная динамика значений и совершенно ничтожные фонетические изменения, наблюдаемые в них, естественным образом вызывают вопрос: а не имеем ли мы дело с контактной общностью (языковым союзом), то есть с заимствованиями? Ведь компаративистам давно известно, что «когда мы встречаем в нескольких языках, родственных и неродственных, слова, похожие и по форме и по смыслу, мы должны прежде всего спросить себя, не результат ли это заимствования одного языка из другого» (Мейе, 1938, 381).

Малая фонетическая и семантическая контрастность выявленных алтаистами тюркско-монгольско-тунгусо-маньчжур-

ских лексических параллелей в противоположность полной контрастности, наблюдаемой во всех остальных случаях – случаях, не имеющих параллелей между указанными языками и касающихся всей бесспорно исконной базовой лексики, делающей их абсолютно непонятными для носителей соответствующих языков, является первым веским доводом в пользу теории заимствований. Приводимые ортодоксальными алтаистами и их приверженцами для обоснования так называемого фонетического закона Рамстедта – Пеллио внутриалтайские межгрупповые лексические параллели при их более глубоком компаративно-контрастивном изучении оказываются тюркскими заимствованиями в монгольских и монгольскими – в тунгусо-маньчжурских языках.

Решение сложной и до предела запутанной проблемы анлаутных губных согласных в алтайских языках возможно лишь на основе тщательного и глубокого изучения соответствующего репрезентативного эмпирического материала всех тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

РЕВИЗИЯ ФОНЕТИЧЕСКОГО ЗАКОНА РАМСТЕДТА – ПЕЛЛИО

Постулируемые современными алтаистами фонетические реконструкции относительно эволюции праалтайских инициальных губных согласных в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и др. языках в сущности своей являются модифицированными вариантами так называемого «закона Рамстедта – Пеллио» – единственного фонетического закона, выведенного в результате сравнительного анализа репрезентативного материала всех трех основных языковых групп алтайской общности. Сущность данного закона выражается в следующей схеме:

общеалт. *p- (*φ): тюрк. ø- ~ тунг. p- ~ маньчж. f-

Проблеме анлаутного глухого губного согласного в монголо-тюркском праязыке (mongolisch-türkischen Ursprache) посвящена одна из ранних работ Г.Й. Рамстедта (Ramstedt, 1916-1920, 1-10, 238-251), которая отличается полнотой охвата языковых материалов, выразительностью методики их подачи и связанных с ними выводов. Г.Й. Рамстедт тонко заметил специфические особенности распределения смычных согласных в начале слова в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Отмечая, что в тюркском праязыке в начале слова из смычных согласных возможны лишь *k-*, *t-*, *b-*, в то время как общемонгольский имеет в данной позиции *k-* и *g-*, *t-* и *d-*, а также *č-* и *ʃ-*, но из губных только звонкий *b-*, Г.Й. Рамстедт приходит к заключению, что в области консонантизма монгольский стоит на более древней, бо-

лее близкой к праязыковой ступени развития, чем тюркский.

Далее, исходя из противопоставления в общемонгольском анлауте смычных согласных по признаку глухой ↔ звонкий ($k \leftrightarrow g$ -, $t \leftrightarrow d$ -, $\check{c} \leftrightarrow \check{z}$ -), он приходит к мысли о правомерности реконструкции глухого губного $*p$ - в паре $*p \leftrightarrow b$ -.

Исходя из этого предположения Г.Й. Рамстедт высказывает идею о том, что в алтайском праязыке в начале слова существовал некий глухой спирант $*\varphi$ -, который в современных языках отразился по-разному или вообще не оставил никаких следов (Ramstedt, 1916-1920, 1-10; 238-251).

Следы этого глухого губного согласного Г.Й. Рамстедт усматривает в случаях соответствия слов с на начальные гласные в монгольском и тюркском языках словам с начальными губными согласными $p \sim \varphi \sim f$ - в третьей – тунгусо-маньчжурской – группе алтайских языков: в гольдском (нанайском) и ульчском p -, маньчжурском f -, которым в тунгусском (эвенкийском), согласно М.А. Кастрену, соответствует $h \sim \vartheta$ -, причем полное выпадение инициального смычного ($*p > \vartheta$ -) отмечается также в манегирском и чапогирском наречиях и в солонском, а чередование инициальных $h \sim \chi$ - представлено в тунгусских материалах по Нижней Тунгуске, Охотску и т.д.

На основании скрупулезного анализа материала, почерпнутого из доступных лексикографических источников по тунгусо-маньчжурским языкам (словари М.А. Кастрена, И. Захарова, А.О. Ивановского, В. Грубе, П. Протодьяконова и др.), а также свои материалы по онкор-солонским говорам, Г.Й. Рамстедт приводит следующую схему развития анлаутного глухого губного

смычного в тунгусо-маньчжурских языках: $p- > f- > \chi-$, $h- \sim \emptyset-$ или $f- > \chi-$, $h- > \emptyset-$ (Ramstedt, 1916-1920, 1-10).

Эта схема впоследствии была переработана, дополнена и уточнена В.И. Цинциус, которая предложила следующую схему эволюции анлаутного губного глухого придыхательного $*p^c-$ (в ее интерпретации $*pf^h-$):

т.-маньж. $*pf^h-$ -> а) северн. $h- > \chi-$, $\emptyset-$;

б) южн. $*pf-$ -> $p-$, $f-$ (Цинциус, 1949, 155).

В рассматриваемой работе Г.Й. Рамстедт приводит 42 ряда тунгусско-монгольско-тюркских лексических соответствий, восходящих, по его мнению, к праязыковым формам с анлаутным $*p- > *q-$; при этом он распределяет их в 7 групп в зависимости от последующего гласного: $*pa- \sim *qa-$; $*pe- \sim *qe-$; $*pi- \sim *qi-$; $*po- \sim *qo-$; $*pö- \sim *qö-$; $*pi- \sim *qi-$; $*pü- \sim *qü-$.

Для доказательства наличия в далеком историческом прошлом анлаутного $*p- \sim *q-$ ($> h- > \emptyset-$) в тюркских и монгольских языках, Г.Й. Рамстедт, помимо сравнительно-исторических фонетических реконструкций, широко использовал доступные в то время среднемонгольские письменные источники XIII-XIV вв., в которых получил отражение инициальный $h-$, якобы исчезнувший в ряде современных монгольских языков.

В 1925 году появилось исследование П. Пеллио «Слова с ныне утраченным инициальным $h-$ в монгольском языке XIII и XIV веков» (Pelliot, 1925, 193-263), в котором содержится компаративный анализ около ста среднемонгольских форм с инициальным $h-$ ($< *p- \sim *q-$), который в большинстве монгольских языков якобы

исчез бесследно, но оставил следы в монгорском в виде *f*- и дагурском в виде *χ*- ~ *ø*-.

В настоящее время известно, что дополнительные инициальные консонанты встречаются, помимо монгорского (*χ*-, *f*-, *š*-) и дагурского (*χ*-, *h*-, *š*-), также в дунсянском, баоаньском и шира-югурском языках (подробнее см. ниже).

В отличие от своего предшественника, П. Пеллио считает, что монгольский *h*- является рефлексом инициального глухого смычного **p*-, а не спиранта **φ*- (Pelliot, 1925, 263).

Не сомневающийся в инициальном генетическом родстве тюркских и монгольских языков П. Пеллио, во многом соглашаясь с Г.Й. Рамstedтом, указывает, что процесс исчезновения анлаутного праалтайского **p*- в тюркских и монгольских языках начался очень рано, однако он не был завершен в протомонгольском языке, так как, например, инициальный *h*- (< **p*-) сохраняется в отдельных монгольских наречиях вплоть до настоящего времени. По мнению этого исследователя, более или менее точно указанный процесс можно датировать общим тюрко-монгольским состоянием (в прототюркском, или общетюркском, языке начальный *h*- уже исчез) (Pelliot, 1925, 253).

При этом П. Пеллио высказывает предположение, что в прототюркском языке в некотором количестве слов инициальный **p*- или **φ*- перешел в *b*- и таким образом сохранился (Pelliot, 1925, 262).

Опираясь на ранее установленные алтаистами фонетические соответствия и принимая во внимание возможное развитие алт. **p* > тюрк. *b*-, П. Пеллио в общей сложности сближает 96 тюркских и монгольских слов (Pelliot, 1925, 209-247), однако критический разбор представленных им лексических сближений показывает,

что многие из них не являются достаточно обоснованными, а подчас не имеют под собой никакой почвы, а корректные сближения представляются заимствованиями из тюркских в монгольские и, далее, через монгольское посредство, в тунгусо-маньчжурские языки.

Суть системы фонетических соответствий, получившей в алтаистической литературе название «закона Рамстедта – Пеллио», заключается в следующем. В праалтайском языке в начале слова существовал билабиальный глухой смычный **p-*, или щелевой губной согласный **φ-*, который в современных тунгусско-маньчжурских языках имеет разные отражения (например, в нан. *p-*, маньж. *f-* и т.д.), в монгольских языках либо исчез, либо сохранился в виде своеобразных рефлексов, отчасти засвидетельствованных письменными памятниками (ср.-монг. *χ-*, п.-монг. *h-*, монгол. *f-*, дагур. *χ-*, *h-* и др.), а в тюркских языках исчез бесследно (алт. **p- ~ *φ- ~ тюрк. φ-*).

Отношение к закону Рамстедта – Пеллио среди специалистов всегда было неоднозначным. С одной стороны, закон этот был воспринят как важнейшее доказательство изначального генетического родства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и неоднократно модифицировался, с другой, – подвергался строгому критическому анализу, пересматривался или просто отвергался.

Динамика отношения компаративистов разных направлений и отраслей сравнительного языкознания к данному закону представляет определенный научный интерес для истории алтаистики в целом и заслуживает детального анализа в рамках заявленной темы.

Закон Рамстедта – Пеллио вскоре подхватывается и перерабатывается А. Соважо и приобретает более развернутый вид за счет включения в него уральских язы-

ков. А. Соважо, в частности, пишет, что «закон Г.Й. Рамстедта, проверенный П. Пеллио относительно древнемонгольского языка, подтверждается, с другой стороны, сравнением с языками, составляющими уральскую группу» (Sauvageot, 1930, 32).

Закон Рамстедта – Пеллио в разработанном А. Соважо применительно к урало-алтайским языкам модифицированном варианте выглядит следующим образом:

урало-алт. **p-*: урал. *p-* ~ тунг. *p-* ~ монг. **p-* > *χ-* > *h-* > *ø-* ~ тюрк. **p-* > **χ-* > **h-* > *ø-*.

В общем урало-алтайском праязыке, по мнению А. Соважо, смычный лабиальный **p-* мог чередоваться со звонким лабиальным согласным **b-* (Sauvageot, 1930, 59-65).

Однако выдвинутая еще в XVIII веке гипотеза о возможном генетическом родстве уральских и алтайских языков до сих пор не является доказанной (по крайней мере на том репрезентативном материале, который был собран ее основателями и сторонниками), поэтому точка зрения А. Соважо с высоты современной компаративистики не может быть принята всерьез.

Еще более пространный вариант закона Рамстедта – Пеллио предлагает Д. Синор, в котором нашлось место не только уральским, но и индоевропейским языкам (Sinor, 1943, 235):

и.-е. **p-*: урало-алт. **p-* > ф.-угор. **p-* ~ алт. **p-*: тюрк. **p-* > *ø-*, *b-* ~ монг. **p-* > *h* > *ø-*; **p-* > *b-* ~ т.-маньчж. *p-*.

Создавая эту схему, Д. Синор опирается на некоторые соответствия, выявленные в свое время Ю.Х. Тойвономом и распространяющиеся, по мнению Д. Синора, и на индоевропейские языки; ср., например:

др.-тюрк. *adaq* ~ *azaq* ~ *ajaq* «нога», каз. *ajaq*, чув. *ura* «нога» || угор. *pid* ~ *pod* || санскр. *pad*, лат. *pedis* «нога» и т.д. (конечный *-aq* в тюрк. **adaq* (см. ЭСТЯ, 1974, 103-105; EDAL, II, 1118-1119) Д. Синор рассматривает как морфологический элемент (Sinor, 1943, 228).

В более поздней своей работе, давая общую оценку закона Рамстедта – Пеллио, Д. Синор, однако, пишет: «...во многих случаях, если не в большинстве, начальный *h-* в среднемонгольском языке является не пережитком протоалтайского **p-*, а протетическим, вторичным элементом». Такого же происхождения, по мнению Д. Синора, и начальный *h-* в халаджском языке (Sinor, 1977, 37). Надо заметить, что соответствующий эмпирический материал тюркских и монгольских языков наиболее корректно соответствует этой последней точке зрения Д. Синора.

Новый вариант закона Рамстедта – Пеллио предлагает монголовед Л. Гамбис (Hambis, 1945, 78), который выражается в следующей схеме:

алт. **p-* > т.-маньчж. *p-* ~ *h-* ~ *f-* ~ *θ-*;

алт. **p-* > монг. *h-* ~ *f-*;

алт. **p-* > тюрк. *θ-* ~ ? *b-*.

Подробный анализ рефлексов фонетического закона Рамстедта – Пеллио относительно к языкам других систем не входит в нашу задачу. Заметим только, что по сути все варианты и модификации данного закона мало чем отличаются друг от друга и, в конечном итоге, сводятся к констатации праалтайского инициального **p-* (**p^c-*, **φ-* и т.п.), который, якобы, исчез в историческом

развитии (классических) тюркских и монгольских языков.

В настоящее время в специальной литературе можно выявить более ста межгрупповых внутриалтайских лексических сближений, основанных на фонетическом законе Рамстедта – Пеллио.

Выявленные Г.Й. Рамстедтом монгольско-тунгусо-маньчжурско-тюркские (часто без материалов какой-нибудь из этих языковых групп), нашли достойное отражение в основополагающих, ставших классическими, трудах выдающегося алтаиста (Ramstedt, 1935; 1949; 1952; 1957 и др.). Так, например, в справочной отсылочной части «Калмыцкого словаря» Г.Й. Рамстедт наряду с письменно-монгольскими формами (в том числе и с анлаутным *h-*) приводит установленные им тунгусо-маньчжурские соответствия с начальным *p- ~ f-*, а также сопоставления с соответствующими тюркскими формами (Ramstedt, 1935).

В связи с вовлечением в орбиту алтаистических исследований корейского материала в «Исследованиях по корейской этимологии» Г.Й. Рамстедта появляется более двух десятков новых межгрупповых (кор. ~ т.-маньж. ~ монг. ~ тюрк.) лексических сопоставлений (Ramstedt, 1949). Всего же, как это видно из подготовленного П. Аалто указателя к этому труду (Ramstedt, 1953), Г.Й. Рамстедтом к сравнению с корейским лексическим материалом было привлечено свыше 60 маньчжурских слов с инициальным *f-* и почти столько же гольдских (нанайских) и ульчских форм с анлаутным *p-* (Ramstedt, 1953, 17, 23; здесь и ниже подсчеты В.И. Цинциус, 1984, 20 и след.).

Согласно указателю к основополагающему труду Г.Й. Рамстедта «Введение в алтайское языкознание», в корпус исследования было привлечено 49 маньчжурских

слов с инициальным *f*-, а также 2 чжурчженьских и 77 гольдских (нанайских), ульчских и др. слов с анлаутным *p*- (Ramstedt, 1952; 1957). Ко многим из этих слов приведены (при наличии материала) генуинные, по представлениям Г.Й. Рамстедта, лексические соответствия из монгольских и тюркских языков.

Закон Рамстедта – Пеллио был принят Н.Н. Поппе, который вносил в него новые фактические данные и уточнял предлагаемые разными исследователями прамформы. Уже в одной из своих ранних работ он поставил вопрос о системе анлаутных глухих смычных **p*-, **t*-, **t'*-, **q*-, **k*- в алтайских языках (Поппе, 1925, 11-13). В этой небольшой по объему работе во главу угла ставятся данные тунгусо-маньчжурских языков. Соответствие тунгусо-маньчжурского *p*- ~ *f*- = монг. *ø*-, тюрк. *ø*- иллюстрируется следующими новыми примерами:

гольд. (нан.) *puri*- «дуть» ~ тюрк. *ür*- «дуть»;

гольд. (нан.) *furi* ~ *puri* «семья, домочадцы» ~ монг. *üre* «потомство, плод» и др.

со ссылкой на остальные примеры в работе Г.Й. Рамстедта (Ramstedt, 1916-1920). В «Сравнительной грамматике алтайских языков» Н.Н. Поппе (Поппе, 1960) в общей сложности насчитывается 57 разнокорневых этимологических сближений, подтверждающих возможность реконструкции в праалтайском инициального губного смычного **p*-, причем 32 ряда лексических сближений специально посвящены рефлексам праалтайского **p*- в разных классификационных группах языков изучаемой общности (Поппе, 1960, 10-12).

Большая работа по сбору, уточнению и пополнению общеалтайского фонда лексем с анлаутным глухим губно-губным смычным **p*- выполнена В.И. Цинциус (1984, 17-75). Для праалтайского состояния, в отличие

от ряда исследователей, она реконструирует глухой би-лабиальный придыхательный смычный *p^h- (см.: Цинциус, 1949, 155; 1984, 21).

Общеалтайский фонд лексем с праязыковым инициальным *p^h-, содержащий 102 единицы разнокоренных реконструкций, подытоживает многолетний труд многих алтаистов традиционного направления – Г.Й. Рамстедта, Н.Н. Поппе, М. Рясянена, П. Пеллио и др. Следует отметить, что больше половины из рассмотренных в работе В.И. Цинциус алтайских праформ (а именно 56 единиц) имеют среднемонгольские параллели с инициальным h- (для сравнения: у Г.Й. Рамстедта – 43, см. Ramstedt, 1952, 62; у Н.Н. Поппе – 50, см. Poppe, 1960, 162-163; в ТМС – 43, см. ТМС, II, 927-928: указатель среднемонгольских форм).

Необходимо также отметить, что из более 100 этимологизируемых В.И. Цинциус лексических единиц являются общими:

для 4 классификационных групп (тюрк. ~ монг. ~ т.-маньчж. ~ кор.) – 15 единиц;

для 3 групп (тюрк. ~ монг. ~ т.-маньчж.) – 17 единиц; (т.-маньчж. ~ монг. ~ кор.) – 17 единиц; (маньчж. ~ тюрк. ~ кор.) – 1 единица;

для 2 групп (монг. ~ т.-маньчж.) – 31 единица; (т.-маньчж. ~ кор.) – 10 единиц; (т.-маньчж. ~ тюрк.) – 3 единицы; (тюрк. ~ кор.) – 1 единица; (монг. ~ тюрк.) – 1 единица.

В общем итоге самыми многочисленными являются монгольско-тунгусо-маньчжурские параллели (80 единиц), за ними следуют тунгусо-маньчжурско-корейские (32 единицы). Тюркские параллели в общей сложности выявлены только для 38 слов, а монгольские – для 83 из ста реконструированных единиц (см. Цинциус, 1984, 22-23). Однако надо отметить, что у ряда

приведенных В.И. Цинциус сближений сомнительна гомогенность входящих в них «параллелей» или они явно гетерогенны, причем сомнительны практически все сепаратные тюркско-тунгусо-маньчжурские сопоставления.

Наиболее полный свод праалтайских реконструктов на анлаутный глухой придыхательный билабиальный смычный $*p^c$ - в настоящее время представлен в «Этимологическом словаре алтайских языков», в котором, по нашим подсчетам, общее число словарных статей на начальный $*p^c$ - составляет 167 единиц (для сравнения: общее число праалтайских реконструкций на инициальный $*p$ - в данном словаре составляет 102 единицы, из которых 53 слова сближаются с тюркскими, 45 – с монгольскими основами на начальный b -; общее число реконструктов на $*b$ - – 139, на $*m$ - – 155). Однако следует особо подчеркнуть, что предпринятые составителями «Этимологического словаря алтайских языков» внутриалтайские межгрупповые лексические сближения при углубленной ревизии представляются в филологическом отношении недостаточно корректными: значительная их часть представляет собой взаимозаимствования (тюрк. → монг.; тюрк. → монг. → т.-маньж., монг. → т.-маньж.; монг. → тюрк.; иран. (перс.) → тюрк. → монг. и т.п.), или же так называемые «случайные совпадения», то есть гетерогенные слова, близкие по звучанию и значению; кстати, последние никогда не имеют полного семантического тождества).

Отношение специалистов по алтайским языкам к фонетическому закону Рамстедта – Пеллио неоднозначное: от восторженно благожелательного до резко критического. Как показывает знакомство с литературой вопроса, практически все специалисты, в той или иной мере касавшиеся данного вопроса, отмечают недоста-

точную обоснованность закона Рамстедта – Пеллио, вносят в него существенные коррективы и дополнения, уточняют межгрупповые лексические сближения и т.д. Настороженное и даже критическое отношение к данному закону вызвано прежде всего тем обстоятельством, что большая часть внутриалтайских межгрупповых сближений недостаточно обоснована филологически и во многом носит произвольный характер. Очень часто разные исследователи в качестве генуинных объединяют совершенно разные тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские формы и, естественно, предлагают новые формы праалтайских архетипов (примеры см. ниже). Все это свидетельствует о том, что в основу закона Рамстедта – Пеллио изначально были заложены не проверенные с надлежащей строгостью, а потому во многом произвольные, лексические сближения.

При внимательном просмотре свода репрезентативного эмпирического материала, якобы подтверждающего достоверность закона Рамстедта – Пеллио, невольно приходишь к заключению, что он построен не на основе тщательного анализа фактического материала, а наоборот, лексический материал подобран (во многом произвольно) для подкрепления предвзятой идеи об изначальном генетическом родстве языков, объединяемых в алтайскую общность.

Таким образом, перед исследователем возникает трудно объяснимое противоречие: гипотеза генетического родства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков до сих пор остается недоказанной, а фонетический закон Рамстедта – Пеллио, рожденный этой гипотезой, действует уже без малого целый век и, руководствуясь им, создаются солидные словари.

Такое положение дел в современной алтаистике требует самой тщательной проверки и конкретизации зако-

на Рамстедта – Пеллио сначала на материалах тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языков по отдельности, а затем и на совокупности этих материалов. Ревизию закона Рамстедта – Пеллио, как нам кажется, логичнее начать с позиции тунгусо-маньчжурских языков, так как монгольские и, тем более, тюркские языки в этом отношении менее показательны. Но прежде всего следует остановиться на точке зрения Г. Дёрфера на природу анлаутного *h*- в халаджском.

КОНЦЕПЦИЯ Г. ДЁРФЕРА ОБ ИНИЦИАЛЬНОМ ПРАТЮРКСКОМ *p-

Особого внимания заслуживает точка зрения Г. Дёрфера, который дает закону Рамстедта – Пеллио свое истолкование (Doerfer, 1985, 148 и след.). Он реконструирует инициальный глухой *p- в пратюркском, а не в праалтайском, как это принято традиционно, и видит следы этого пратюркского *p- в халаджском h-. Исходя из этой точки зрения, он говорит о двух диахронических пластах тюркских заимствований в монгольских языках:

1) древнем или древнейшем, где пратюркскому анлаутному *p- соответствует среднемонгольский h-, на месте которого снова появляется p-, о чем свидетельствуют соответствия из тунгусо-маньчжурских языков, ср.:

тюрк. *hūroq*, ср.-монг. *huraqa*, эвенк. *hurqa*, ульч. *ри́са* «петля», «силок»;

тюрк. *hökdöz*, аз. *höküz*, ср.-монг. *hüker* (< **hükör*) «бык, вол», эвенк. *hukur* «корова»;

тюрк. *härñäk* «палец», ср.-монг. *herekej*, маньчж. *ferçe*, нан. *perçe* «палец (большой)»;

др.-тюрк. *amra-* «любить», *amul* «спокойный, тихий» (< **ramul*), [ср.-монг. *aturay* «покой», эвенк. *āme-*, эвен. *āmol-* «хотеть спать»];

халадж. *harq*, ср.-монг. *haryal*, маньчж. *fajan*, эвенк. *argahun* «помет животных», «кизяк»;

тюрк. **hojma*, др.-тюрк. *ojma* (? *ujma*) «войлок», ср.-монг. *hojmasun* «онучи», маньчж. *fomon*, эвенк. *ojmahun* «чулки (меховые)»;

2) относительно поздний пласт, где пратюркскому анлаутному *h-*, развившемуся из **p-* и сохранившемуся в халаджском языке в виде *h-*, в монгольских языках соответствует отсутствие звука [ø-], а в тунгусо-маньчжурских – *h-* и отсутствие звука [ø-], ср.:

халадж. *hat* (< **pat*), тюрк. *at*, п.-монг. *ayta* «мерин», орок. *hakta* «кастрированный олень»;

халадж. *hāz* (< **pārija*) «мало», п.-монг. *araj*, эвенк. *araj* «едва»;

халадж. *hāla* (< **pāla*), п.-монг. *alay*, маньчж. *alxa*, эвенк. *alag* «пестрый»;

тюрк. *hārdām* «доблесть», «добродетель», п.-монг. *erdem* «знание, умение», маньчж. *erdemu* «способность, умение», «доблесть», «добродетель»;

тюрк. **hāyul*, п.-монг. *ajil*, вост.-эвенк., солон. *ajl* «аул, кочевническое стойбище»;

тюрк. *hūlkār*, халадж. *hirkāl*, п.-монг. *ülger*, вост.-эвенк., солон. *ulger* «Плеяды» и т.п.

Произведенное Г. Дёрфером разграничение двух диалектико-хронологических пластов тюркских заимствований в монгольских языках конкретизируется указанием на последовательность преобразований пратюркского анлаутного **p-* и на их хронологию:

1) пратюрк. **p-* → прамонг. **p-* (позднее в тюркских и монгольских языках **p-* > **h-* и затем в большинстве языков **h-* > ø-) → нан., ульч., орок. *p-*, маньчж. *f-*, эвенк. *h-* и т.д.;

2) пратюрк. **p-* > **h-* → монг. ø-.

Переход **p-* > **h-*, по представлениям Г. Дёрфера, в монгольских языках происходил в период с VI в. по XII в.; переход **h-* > ø- в тюркских языках осуществился до X-XI вв.

Точка зрения Г. Дёрфера неоднократно рассматривалась А.М. Щербаком (1976, 237-248; 1989, 132-135;

1997, 48-54 и др.), который обнаруживает в ней целый ряд уязвимых мест.

А.М. Щербак, в частности, отмечает, что реконструкция Г. Дёрфером пратюркского анлаутного **p-* (~ халадж. *h-*) опирается в основном на материалы тунгусо-маньчжурских языков, точнее – на материалы нанайского языка, для которого характерен начальный *p-* (~ *f-* ~ *h-* ~ *ø-*). Соответствие инициальных *p-* ~ *f-* ~ *h-* ~ *ø-* – явление сугубо тунгусо-маньчжурское и прослеживается во многих словах, не имеющих соответствующих параллелей в тюркских (и монгольских. – Ж.Т.) языках, ср.:

нан. *pā*, солон. *aχi*, маньчж. *faχun*, эвенк. *haqin* «печень»;

нан. *pikte*, эвенк. *hute* «ребенок»;

нан. *pēje* ~ *fej* ~ *χēje*, эвенк. *heje* «лоб»;

нан. *peku* ~ *feku*, эвенк. *heku* «горячий» и т.п.

В южной группе тунгусо-маньчжурских языков фонетические особенности начала слова (появление инициальных *p-* ~ *f-*) определенным образом проявляют себя и при освоении заимствованных (и не только из тюркских и монгольских языков) слов, ср.:

др.-тюрк. *erñäk* «палец», ср.-монг. *herekej*, нан. *perçe*, маньчж. *ferhe* «палец (большой)»;

др.-тюрк. *uruq*, ср.-монг. *huraqa*, ульч. *puča* «петля, силок» и т.д.

Понятно, что наличие в нанайском, ульчском и орокском языках начального *p-*, соответствующего *f-*, *h-*, *ø-* в других тунгусо-маньчжурских языках и обнаруживаемого в нескольких словах тюркского происхождения (к тому же проникших через монгольское посредство. – Ж.Т.), само по себе не может служить опорой для реконструкции начального **b-* в пратюркском языке (Щербак, 1989, 133; 1997, 50-51).

Начальные $p- \sim f- \sim h-$, появляющиеся в некоторых тунгусо-маньчжурских языках (нан., ульч., орок. $p-$, маньж. $f-$, эвенк. $h-$) в начале исконных и заимствованных слов на анлаутные гласные, отражают особенности произношения этих слов в современных языках, но никак не своеобразие их анлаута в праязыке. Более того, есть достаточно веские основания интерпретировать анлаутные $p- \sim f- \sim h-$ в тунгусо-маньчжурских языках как протетические согласные, появившиеся сравнительно поздно, уже после распада праязыковой общности. Не исключено, что катализатором развития протетических согласных в некоторых тунгусо-маньчжурских языках послужили среднемонгольские лексические заимствования (ср. наличие протетических $\chi- \sim f- \sim h-$ в дагурском, монгорском, а также, отчасти, в дунсянском, баоаньском и шираюгурском языках; подробнее см. ниже), а также и иносистемные (напр., китайский) языки.

ФОНЕТИЧЕСКИЙ ЗАКОН РАМСТЕДТА – ПЕЛЛИО И СВИДЕТЕЛЬСТВА ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКОВ

Проверка закона Рамстедта – Пеллио на тунгусо-маньчжурском материале, насколько нам известно, до сих пор не предпринималась, хотя для этого уже давно созданы определенные предпосылки. Так, например, случаи проявления в тунгусо-маньчжурских языках начального билабиального или придыхательного спиранта (см. Цинциус, 1949, 247) перед аспирированными или «чистыми» гласными отмечались уже в работах А. Шифнера (Schifner, 1859), Л. Адама, В. Грубе (Grube, 1900) и др.

Вопрос о возможности применения закона Рамстедта – Пеллио к тунгусо-маньчжурским языковым материалам специально изучался С.М. Широкогоровым, который в конечном итоге пришел к отрицательным результатам. Начальные звуки χ , h , f , p , нерегулярно обнаруживающиеся перед гласными в некоторых тунгусо-маньчжурских языках, С.М. Широкогоров объяснял как результат явлений аспирации и билабиализации, сопутствующих произношению гласных в ангуате и отчасти связанных с усилением инкурсии (Širokogoroff, 1931, 102-109), при этом аспирация здесь рассматривается как неосознаваемый процесс сохранения, или предохранения («of preservation») гласных, функционально соответствующий их акцентуации (Širokogoroff, 1931 a, 109, 118, 120; 1931 в).

В.И. Цинциус, принимая во внимание закон Рамстедта – Пеллио, реконструирует для северной группы тунгусо-

маньчжурских языков инициальный $*h-$, а для южной – $*pf-$ и возводит их к общетунгусо-маньчжурскому $*pf^h-$ (Цинциус, 1949, 155). Нетрудно заметить, что реконструированный В.И. Цинциус для пратунгусо-маньчжурского состояния архетип $*pf^h-$ является простой суммой реальных межъязыковых соответствий $p \sim f \sim h-$. По этому поводу А.М. Щербак совершенно справедливо пишет, что «...сам характер восстанавливаемого архетипа свидетельствует против предположения и его существовании вообще, так как указанный архетип по существу охватывает все возможные варианты инкурсии...» (Щербак, 1959, 58). В более поздних своих работах В.И. Цинциус для пратунгусо-маньчжурского состояния восстанавливает глухой придыхательный смычный губной $*p^c-$ (см., например, Цинциус, 1984, 17-75 и др.). В этом отношении показательны свидетельства ранних письменных памятников тунгусо-маньчжурских языков.

В специальной статье, посвященной общеалтайскому инициальному $*p-$, П. Аалто не приводит достаточно четкого однозначного заключения, но указывает на возможность интерпретации *неустойчивых* (выделено нами. – Ж.Т.) инициальных согласных $p-$, $f-$, $h-$ в тунгусо-маньчжурских языках как следствие проявления характерной для начала слова универсальной тенденции (Aalto, 1955, 15), то есть, по существу, приближается к решению, предложенному С.М. Широкогоровым.

Между тем, «фонетический закон Рамстедта – Пеллио» основывается главным образом на материале тунгусо-маньчжурских языков, так как из всех трех основных языковых семей алтайской общности только в тунгусо-маньчжурской обнаруживается межъязыковое чередование инициальных $p- \sim f- \sim \chi- \sim h- \sim \emptyset-$; в монгольских и тюркских языках такой полный ряд чередований не обнаруживается. Следует подчеркнуть еще раз, что

инициальные согласные звуки χ -, h -, f -, p - в тунгусо-маньчжурских языках выступают нерегулярно, тем не менее, однако, в их межъязыковом распределении проявляется определенная закономерность: в северной группе наблюдается иррегулярное чередование h -, χ - ~ \emptyset -, в южной – f - ~ χ - ~ p - (Цинциус, 1949, 155, 247 и др.). Распределение коррелятов нерегулярно обнаруживающихся перед гласными согласных звуков между отдельными современными тунгусо-маньчжурскими языками предстает в следующем виде: эвенк. \emptyset - ~ h -, эвен. \emptyset - ~ h -, солон. \emptyset -, нег. \emptyset - ~ χ -, маньчж. f - ~ \emptyset -, чжурчж. \emptyset - ~ f -, уд. \emptyset - ~ χ -, нан. p - ~ f - ~ χ - ~ \emptyset -, орок. p -, ороц. p - ~ χ - ~ \emptyset -, ульч. p - ~ \emptyset - и т.д. (примеры см. Цинциус, 1984, 26-75).

Согласно закону Рамстедта – Пеллио, историческое развитие данного ряда межъязыковых коррелятов инициальных согласных в тунгусо-маньчжурских языках якобы шло в таком направлении: алт. $*p$ - > т.-маньчж. $*p$ - > нан., орок., ороц., ульч. p - > маньчж., чжурчж., нан. f - > ороц., нег., нан., уд. χ - > эвенк., эвен. h - > \emptyset -. Однако, если на время абстрагироваться от гипотезы изначального родства алтайских языков, встает кардинальный вопрос: почему фонетическое развитие начала слова в тунгусо-маньчжурских (resp. алтайских) языках шло именно в этом направлении, а не в обратном? Традиционная алтаистика этим вопросом не задается, хотя законы типологии языков скорее всего указывают на обратный ход исторического развития начала слова. В этом отношении куда более привлекательна точка зрения С.М. Широкогорова, А.М. Щербака и их последователей. Выражаясь словами П.М. Мелиоранского, «аттакирование начального гласного с придыханием» (Мелиоранский, 1903, 162) в агглютинативных языках, по всей видимости, связано с историческим продвижением

ударения с первого слога на последующие в производных словах и словоформах. В ходе исторического развития агглютинативных языков слова и словоформы все более и более удлинялись и, вследствие этого в них появилось второстепенное ударение на последнем слоге. Вследствие этого вокалическое начало слова ослабевало, и в языке появилась необходимость укрепления позиции инициального гласного аспирацией или протетическим согласным.

Просодика тунгусо-маньчжурских языков экспериментально не исследована. Ударение является музыкально-силовым, может стоять на первом и на последнем слоге. В ряде языков, особенно в маньчжурском, на первый слог слова падает слабое силовое ударение, нередко совмещающаяся с долготой подударного гласного (тунгусские языки). На конечный слог слова, как об этом можно судить по данным нанайского, ульчского, удэгейского и некоторых других языков, падает музыкальное ударение – слабое повышение тона, нередко сопровождаемое эмфатической долготой конечного гласного, которое иногда принимается за силовое ударение долготно-тонического типа.

Историческая динамика места и качества ударения в тунгусо-маньчжурских языках до сих пор не изучена надлежащим образом, тем не менее репрезентативный материал современных языков позволяет с достаточной уверенностью констатировать, что в тунгусо-маньчжурском праязыке ударение изначально падало на первый слог слова. Такое состояние сохранилось в солонском языке, в котором умеренное экспираторное ударение обычно падает на первый слог. В маньчжурском языке все слоги могут быть равноударными с некоторым выделением первого, на который падает слабое силовое ударение и по которому проводится гармоническая упорядоченность

гласных последующих слогов. В эвенкийском языке ударение силовое, свободное; в двусложных словах с первым открытым слогом оно обычно падает на второй слог, с первым закрытым слогом смещается на первый; в многосложных словах наблюдается как бы два ударения – на первом и последнем слогах слова. В эвенском языке ударение в словах без долгих гласных чаще всего падает на конечный слог, а в словах с долгим или дифтонгоидным гласным – на слог с этим гласным. В нанайском языке ударение музыкально-силовое, может стоять на первом и последнем слоге. В ороочском языке, как правило, ударение падает на конечный слог слова и не связано с длиной гласных, однако в тех случаях, когда конечному гласному предшествует долгий, ударение обычно перемещается на него.

Вопрос о связях между местом ударения и появлением дополнительных инициальных согласных (эвенк., эвен. *h-*, нег. *χ-*, маньчж., чжурчж. *f-*, нан. *p-*, *f-*, *χ-*, орок. *p-* орооч. *p-*, *χ-* и т.д.) в тунгусо-маньчжуристике до сих пор еще не был поставлен, однако фактический материал данных языков вполне определенно указывает, что появление протетических согласных обусловлено передвижением места ударения. Так, например, в солонском языке, в котором экспираторное ударение обычно падает на первый слог, не выявлены случаи возникновения дополнительных артикуляций в начале слов с гласным анлаутом, сыгравших в других языках решающую роль в образовании протетических согласных. В тех тунгусо-маньчжурских языках, в которых наблюдается как бы два ударения в многосложных словах – на первом и последнем слогах, наблюдается параллельное сосуществование форм с начальным протетическим *h-*, *χ-*, *f-* и без него. В тех же языках, в которых ударение, как правило, падает на конечный слог слова (нанайский), или же на первый

слог падает слабое экспираторное ударение, а на последний – музыкальное (повышение тона), сопровождаемое долгой конечного гласного, наблюдается еще большее усиление начала слова путем трансформации начального слабого аспирата *h*- в сильный *χ*- и даже в билабиальный *p*- (нанайский, орокский, ороцкий, ульчский).

Таким образом, выясняется, что представленные в целом ряде современных тунгусо-маньчжурских языков инициальные согласные звуки *h*-, *χ*-, *f*-, *p*- ~ *θ*-, спорадически появляющиеся перед этимологическими анлаутными гласными, являются не пережитками праалтайского **p*-, в протетических, вторичными элементами, появившимися вполне автономно, вне всякой зависимости от тюркских и монгольских языков. Приведенные основоположниками алтайской гипотезы и их сторонниками тюркские и монгольские лексические соответствия к тунгусо-маньчжурским словам с инициальным **p*- (~ *f*- ~ *χ*- ~ *h*- ~ *θ*-) во многих случаях являются недостаточно обоснованными. Часть из этих межгрупповых лексических сближений в лучшем случае может быть отнесена в разряд так называемых случайных совпадений, другая часть не имеет под собой никакой почвы. Основная часть трехчленных тюркско-монгольско-тунгусо-маньчжурских лексических соответствий при детальном филологическом разборе оказывается следствием относительно ранних заимствований, причем тюркские слова сначала проникали в монгольские языки и только потом, через монгольское посредство, в тунгусо-маньчжурские. Следовательно, тюркские праформы относительно соответствующих монгольских и тунгусо-маньчжурских, являются более древними, первичными. Поэтому при реконструкции «общеалтайского», «праалтайского» и т.п. архетипов следует исходить из фонетического облика тюркских форм, а не монгольских и, тем

более, тунгусо-маньчжурских. Однако традиционная ортодоксальная алтаистика без всяких необходимых обоснований, априорно отдает предпочтение тунгусо-маньчжурским формам, и тем самым еще более запутывает и без того невероятно сложный клубок алтаистических проблем.

Если подходить к тем трехчленным тюркско-монгольско-тунгусо-маньчжурским лексическим сближениям, приводимым ортодоксальными алтаистами для обоснования правомерности так называемого «закона Рамстедта – Пеллио», вернее, к их относительно корректной части, непредвзято, с позиций современного уровня тюркологии, монголистики, тунгусо-маньчжуроведения и, шире, общего языкознания, то выясняется, что в тюркском праязыке – источнике соответствующих монгольских и тунгусо-маньчжурских заимствований – практически все рассматриваемые в рамках обсуждаемого закона слова имели вокалическое начало. Материал тюркских языков не дает никакого основания для реконструкции какого бы то ни было консонантного анлаута в данных словах на всех доступных обозрению диахронических уровнях. Отсюда вытекает вывод о том, что пресловутый «фонетический закон «Рамстедта – Пеллио» изначально был основан на таких ложных постулатах, как: 1) априорное принятие гипотезы изначального генетического родства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков как аксиому; 2) априорное признание гипотезы относительно большей архаичности тунгусо-маньчжурских языков по сравнению с монгольскими и тюркскими; 3) априорная констатация наличия в праалтайском инициального **p* (якобы исчезнувшего в тюркских, монгольских и некоторых тунгусо-маньчжурских языках). Вот те мифиче-

ские «три кита», на которых покоится так называемый «фонетический закон Рамстедта – Пеллио».

Тюркские и монгольские языки не дают никаких оснований для реконструкции праязыкового инициального **p*-. Начальный *p*- характерен только некоторым тунгусо-маньч-

журским языкам, точнее, нанайскому, ульчскому и орокскому. Соответствие инициальных *p*- ~ *f*- ~ *χ*- ~ *h*- ~ *ø*- чисто тунгусо-маньчжурское явление, прослеживаемое во многих словах, не имеющих соответствий в тюркских и монгольских языках (Щербак, 1989, 133). Специфические для южной группы тунгусо-маньчжурских языков особенности начала слова определенным образом проявляются и при освоении слов, заимствованных из монгольских и тюркских языков, например:

тюрк. **āja* «ладонь»: туркм. *āja*, др.-тюрк. *aja*, ж.-уйг. *χaja(n)*, тур. *aja*, диал. *ajta* «ладонь» → т.-маньчж. **paja-ηa* «ладонь»: нан. *pajηa* ~ *fajηga* ~ *faηηa*, ульч. *pan'a*, орок. *pan'a*, *pana*, эвенк. *hanηa* ~ *anηa*, эвен. *hanηa* ~ *anηa*, нег. *χan'ηa*, ороч. *χaηηa* «ладонь», «кисть руки», «горсть»;

тюрк. **aqsun* «свирепый, разъяренный»: др.-тюрк. *aqsun*, *aqsunη*, *aχsum* «буйный, скандальный», як. *aχsum* «горячий (о лошади)», чаг. *aqsun* «опьяневший» → монг. *aγsum* «вспыльчивый, горячий»: п.-монг. *aγsum*, х.-монг. *aγsām*, орд. *agsum*, калм. *aqsām* «вспыльчивый, горячий» → т.-маньчж.: *faqsa* ~ *faqša* «вдруг», «яростно, запальчиво», *aqšun* «сквернослов»; эвенк. *aqsa-*, *aqša-*, нан., ульч., орок. *aqsa-* «обидеться»;

тюрк. **āriš* «оглобли»: туркм., кумык. *ariš*; якут. *alar* ~ *aral* (← монг.) «оглобли» → монг. *aral* «оглобля, корпус телеги»: ср.-монг. *haral*, п.-монг. *aral*, х.-монг. *arāl*, бур. *arāl* «оглобля, телега», калм. *arāš* (← тюрк.) «оглобля» → т.-маньчж.: нан., ульч., ороч. *para*, нан., маньчж. *fara-* «са-

ни»; «оглобли (у телеги, носилок)» и т.д. (примеры см. Цинциус, 1984, 26-72 и ниже).

Таким образом, подробный анализ предпринятых ортодоксальными алтаистами и их последователями трехчленных (тюрк. ~ монг. ~ т.-маньж.) межгрупповых лексических сближений с реконструированным праалтайским инициальным **p*- показывает, что нерегулярно появляющиеся в некоторых тунгусо-маньчжурских языках (главным образом в южной группе) анлаутные согласные звуки *h*- ~ *χ*- ~ *f*- ~ *p*- по сути являются вторичными, то есть явно протетическими.

Между тем, в современных тунгусо-маньчжурских языках имеется значительное число слов с исконным анлаутным *b*-. Судя по материалам указателя к «Сравнительному словарю тунгусо-маньчжурских языков», количество слов с инициальным *b*- по различным языкам (при самом приблизительном подсчете) представляется в следующем виде: эвенк. – 1300, эвен. – 1500, солон. – 150, негид. – 360, орок. – 200, уд. – 200, ульч. – 360, орок. – 350, нан. – 680, маньж. – 970. В то же время количество слов с инициальным *p*- в большинстве тунгусо-маньчжурских языков (за исключением нанайского, орокского и ульчского) – намного меньше и по отдельным языкам представляет примерно такую картину: эвенк. – 300, эвен. – 210, солон. – 14, негид. – 90, орок. – 100, уд. – 80, маньж. – 150; но нан. – 540, орок. – 430, ульч. – 430. При этом значительное количество слов с инициальным *p*- в большинстве современных тунгусо-маньчжурских языков имеет иноязычное (китайское, русское и др.) происхождение.

Количественное соотношение слов с начальными *b*- и *p*- в тунгусо-маньчжурских языках наглядно видно из следующей сводной таблицы:

Язык	Начальный	
	<i>b-</i>	<i>p-</i>
Эвенкийский	1300	300
Эвенский	1500	210
Солонский	150	14
Негидальский	360	90
Орочский	200	100
Удегейский	200	80
Маньчжурский	970	150
Нанайский	680	540
Орокский	350	430
Ульчский	360	430

Сравнительно большое число слов с инициальным *p-* в нанайском, орокском и ульчском языках прежде всего обусловлено тем обстоятельством, что в данных языках достаточно широкое развитие получила протеза *p-* (нан. *p-* ~ *f-* ~ *χ-*, маньчж. *f-*, эвенк., эвен. *h-*). За исключением иноязычных лексических заимствований с инициальным *p-* и слов с явно протетическим *p-* в южной группе, исконных слов с начальным *p-* в современных тунгусо-маньчжурских языках оказывается ничтожное количество. Поэтому для пратунгусо-маньчжурского состояния традиционно реконструируется только анлаутный звонкий губно-губной **b-*. С этим, конечно, можно согласиться, но с определенными оговорками. Не будучи специалистом в области истории тунгусо-маньчжурских языков, все же можно предполагать, что в тунгусо-маньчжурском праязыке, как в тюркском и монгольском, на ранних этапах исторического развития противопоставление глухих и звонких аллофонов билабиального согласного в анлаутной позиции не имело сколько-нибудь выраженной фонологической значимости. Говоря иными словами, в пратунгусо-маньчжурском языке глухой (сильный) **p-* и звонкий

(слабый) *b- варианты билабиального согласного были слабо дифференцированы. Эта универсальная для всех алтайских языков типологическая черта обусловлена их агглютинативным строем.

ФОНЕТИЧЕСКИЙ ЗАКОН РАМСТЕДТА – ПЕЛЛИО И СВИДЕТЕЛЬСТВА МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Проверка закона Рамстедта – Пеллио на монгольском материале имеет достаточно длительную традицию (Pelliot, 1925, 193-263; Mostaert, Shmedt, 1930; Aalto, 1955, 8-16; см. также: Щербак, 1959, 55-60; 1989, 132-135; 1997, 48-54 и др.). Результаты многочисленных исследований своих предшественников в данной области были подведены Г.Д. Санжеевым. Он, в частности, пишет: «...отличия одних монгольских диалектов от других в то время (то есть в XIII веке. – Ж.Т.) сводились в основном к различной степени эволюции начального губного **p*- от *f*- до нуля: одни диалекты (в XIII веке. – Ж.Т.) еще сохраняли этот начальный губной **p*-, другие изменили последний на проточный *h*-, а третьи утратили и этот *h*-. Несомненным потомком первых является ныне монгорский язык. Ойратские диалекты в XIII в. имели начальный нуль вместо бывшего согласного **p*-. Те же фонетические процессы, что и ойратские диалекты, переживали диалекты, на основе одного из которых впервые складывался старописьменный монгольский язык. Пока невозможно установить, какие из современных монгольских диалектов восходят в этом «нулевым» диалектам XIII в. Равным образом мы не имеем возможности сказать, какие же из современных монгольских диалектов восходят к тем, которые имели в XIII в. начальный *h*-, ибо, подобные *h*-кавшие диалекты отмечены еще в XIV-XV вв. и среди монголов в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Об этом говорят как фило-

логи Средней Азии и Китая, так и данные языка квадратной письменности времен Юаньской (Монгольской) династии в Китае. Предки современных дагуров, имеющих теперь в некоторых своих говорах начальный *h-* (~ *χ-*. – *Ж.Т.*), могли еще тогда сохранять согласный *f-*» (Санжеев, 1953, 11).

В другом месте Г.Д. Санжеев отмечает, что в языке квадратной письменности еще сохраняется начальный *h-*, восходящий к губному **p-*, до сих пор сохраняющиеся только в монгорском языке в виде *f-* и *χ-*. «Этот начальный *h-* вообще был характерен для большинства живых монгольских диалектов XIII-XIV вв., а в наше время встречается в некоторых говорах дагурского языка, чередуясь с *χ-*» (Санжеев, 1953, 24). Г.Д. Санжеев отмечает также, что западномонгольская речь средневековья (по свидетельству трудов среднеазиатских и арабских филологов – Ибн-Муханны, Хамдаллаха Казвини и др. – *Ж.Т.*) «фонетически характеризуется в основном теми же чертами, что и язык квадратной письменности, хотя и имеет некоторые специфические фонетические черты. Так, например, вместо начального **p-* древнего периода здесь мы находим тот же *h-...*» (Санжеев, 1953, 25).

Касаясь скудных в то время материалов по монгорскому языку, Г.Д. Санжеев пишет, что данный язык «является единственным монгольским языком, сохранившим древнемонгольский начальный губной **p-* в виде *f-* или *χ-*» (Санжеев, 1953, 29) и приводит ряд примеров:

монгор.	ср.-монг.	х.-монг.	
<i>fān</i>	<i>hon</i>	<i>oŋ</i>	«год»
<i>fōdi</i>	<i>hodun</i>	<i>odōŋ</i>	«звезда»
<i>fūda</i>	<i>huyuta</i>	<i>ūtā</i>	«сума, мешок»
<i>fugor</i>	<i>hūker</i>	<i>ūχēr</i>	«бык, корова»
<i>χarga</i>	<i>halaga</i>	<i>alāgā</i>	«ладонь»
<i>χarwan</i>	<i>harban</i>	<i>arwān</i>	«десять»
<i>χegi</i>	<i>hekin</i>	<i>eχīŋ</i>	«начало»

Г.Д. Санжеев нигде не ссылается на работы своих западных коллег (в то время это было не безопасно), но нетрудно догадаться, что идею о «древнемонгольском начальном губном *p-», отразившемся в старописьменном монгольском в виде *h*-, монгорском – в виде *f*- или *χ*-, дагурском – в виде *h*-, он позаимствовал у своих предшественников – Г.Й. Рамстедта, П. Пеллио и др.

Между тем, Б.Я. Владимирцов еще в 1929 году писал: «Следует еще отметить, что в халхаском гласные имеют инкурсию (начало) со слабым придыханием (выделено нами. – Ж.Т.). Яснее всего это придыхание выступает при произношении гласных в начале слова, и особенно перед узкими (закрытыми) гласными *ü*, *u*, *i*. Происходит это явление потому, что в полости рта органы речи принимают необходимое для выявления данного гласного положения до появления голоса, до звучания голосовых связок; при этом голосовая щель открывается и начинается слабое выдыхание. И только, когда выдыхание достигает полной силы, появляется голос» (Владимирцов, 1929, 54).

Описывая фонетические особенности дагурского, монгорского, баоаньского и дунсянского языков, Б.Х. Тодаева исходит с позиций закона Рамстедта – Пеллио. Так, например, в работе «Дагурский язык» (То-

даева, 1986) она пишет: «Губной смычной *p-, появляющийся лишь в начале слова, был известен древним монгольским диалектам. В среднемонгольский период он стал отражаться уже как спирант h-. В дальнейшем в одних монгольских языках он исчез без следа, а в других отразился по разному: в монгорском он дал f- и χ- (ср.: ст.-п.-монг. *odun* > *fōdi* «звезда», *ünege* > *funige* «лиса», *ulayan* > *fulān* «красный», *erge* > *χerge* «берег», *okor* > *χuyor* «короткий»). В дунсянском он встречается в виде h-, f-, χ- (ср.: ст.-п.-монг. *amura-* > *hamura-* «отдыхать», *ende* > *hende* «здесь», *urtu* > *fudu* «длинный», *imesün* > *füniesun* «зола, пепел», *ani-* > *χani-* «смыкать глаза», *orija-* > *χoro-* «завертывать»). В баоаньском он также перешел в h-, f-, χ- (ср.: ст.-п.-монг. *ege-* > *hē-* «греться на солнце», *unu-* > *fune-* «ехать верхом», *arban* > *χarwan* «десять»)» (Тодаева, 1986, 28).

Далее Б.Х. Тодаева заостряет внимание на том, что «в связи с отражением древнего *p- выделились две группы монгольских языков, к первой группе относятся языки, имеющие начальные спиранты h-, f- или χ- как отражения древнего *p-. Это изолированные языки (монгорский, дунсянский, баоаньский, дагурский, также язык омонголившихся шира-югуров). Ко второй группе относятся языки, в которых эти начальные спиранты исчезли. Это языки центральной ветви (современный монгольский, калмыцкий, бурятский, диалекты языка монголов Внутренней Монголии, а также хайларский говор дагурского языка)» (Тодаева, 1986, 28).

Между прочим, здесь Б.Х. Тодаева приводит одно чрезвычайно важное, на наш взгляд, замечание: «Длительный и неравномерный процесс постепенного исчезновения начального спиранта в центральной ветви язы-

ков считается завершённым к XIII в. (что, конечно, не совсем верно, так как инициальный *h*- встречается во многих старописьменных монгольских памятниках XIII–XIV вв. – Ж.Т.). Однако остается неясной природа самого начального спиранта – то ли он исконного, то ли протетического (выделено нами. – Ж.Т.) происхождения» (Тодаева, 1986, 28).

Б.Х. Тодаева, досконально изучив и описав все основные монгольские языки, интуитивно, а вернее – по огромному своему опыту работы над живыми языками, пришла к единственно верному заключению о протетическом характере инициальных спирантов в изолированных монгольских языках, но, видимо, под давлением авторитета Г.Й. Рамстедта, заявила о своем открытии столь скромным образом.

Сравнительное исследование репрезентативного материала изолированных монгольских языков – дагурского, монгорского, баоаньского, дунсянского, шираюгурского, а также старописьменных монгольских памятников (Мукаддимат ал-адаб, Ибн-Муханна, Зирни манускрипт, Лейденская рукопись, Стамбульский словарь и др.) однозначно показывает протетический характер анлаутных смычных *h*-, *f*-, *χ*-, *š*- и проч.

Между тем, идея эта не нова, она довольно четко сформулирована известным алтаистом Д. Синором: «...во многих случаях, если не в большинстве, начальный *h*- в среднемонгольском языке является не пережитком протоалтайского **p*-, а протетическим, вторичным элементом» (Sinor, 1977, 37).

Монгольский языковед Ш. Лувсанвандан высказал близкую к этому идею относительно происхождения монгорского *f*-, утверждая, что монгорский *f*- не является сохранившимся древнемонгольским *f*- (< алт. **p*-), а представляет собой рефлекс среднемонгольского *h*- ~ *χ*-

перешедшим в *f*- под влиянием последующих лабиальных гласных (Лувсанвандан, 1975, 6).

Очень ценные сведения, позволяющие правильно определить природу инициального спиранта *h*- в среднемонгольском и его продолжений в восточной группе монгольских языков находим в интересном во многих отношениях труде И.Д. Бураева (1987). Не отвергая пресловутый закон Рамстедта – Пеллио, даже напротив, пытаясь научно обосновать его, он пишет: «Процесс трансформации древнего **p*- представляется алтаистами-компаративистами следующим образом: **p*- > *φ*- (*f*-) > *h*- (*χ*-) > *ø*-, т.е. в древнемонгольском языке смычный перешел в билабиальный **φ*-, который в ряде монгольских языков обычно фиксируется как *f*-. В среднемонгольском в указанных позициях появляется *h*-, а в большинстве современных монгольских языков, в том числе и в бурятском, констатируется отсутствие звука. Между тем следует отметить, что в современном монгольском и бурятском языках в данной позиции произносится гортанный смычный звук, который мало заметен и ни орфографически, ни транскрипционно не фиксируется» (выделено нами. – Ж.Т.). Г.Д. Санжеев (1977, 154-157) называет его «анлаутной гортанной смычкой» и предполагает, что А.А. Бобровников и вслед за ним Г.Й. Рамстедт и Л. Лигети под так называемым «придыханием» имели в виду именно эту «гортанную смычку» (Бураев, 1987, 37). Здесь уместно также вспомнить слова П.М. Мелиоранского, который еще в начале прошлого века говорил об «аттакировании начального гласного с придыханием» в одном из древних монгольских диалектов (Мелиоранский, 1903, 162) и тем самым подчеркивал особое положение начала слова как места интенсификации дополнительных артикуляций, игравших не

последнюю роль в образовании протетических согласных (Щербак, 1997, 49).

Однако И.Д. Бураев не пошел дальше своих предшественников и остался в плену у закона Рамстедта – Пеллио, и поэтому остановился на таком заключении: «Исторический *p- характеризуется как сильный смычный аспирированный согласный звук, который позднее, приблизительно в средний период, в некоторых южномонгольских языках развился в губно-губной *φ- или губно-зубной *f-; например, в монгорском он сохранился как f- а в восточномонгольских языках дал фарингальный h-». К этим фактам он добавил существование гортанной смычки в бурятском и монгольском языках (Бураев, 1987, 37-38).

По признаку преградности в артикуляционном аспекте этот гортанный смычный слабый глухой твердый звук должен относиться к согласным. Тожественный звук имеется в немецком языке, где он также употребляется в начале слов с инициальными гласными. Однако ни в бурятском, ни в немецком языках он не выступает в качестве самостоятельной фонемы и орфографически никак не отражается. Между тем, все слова в бурятском и халха-монгольском языках, согласно устоявшейся орфографии пишущиеся с начальным гласным, окрашены анлаутной гортанной смычкой (Бураев, 1987, 73). Фонетически гортанный смык характеризуется как «окраска гласного глухим взрывом при размыкании сильно сомкнутых голосовых связок» (Наделяев, 1960, 43; по фонетическому алфавиту МФА обозначается знаком «[?]»). Л.Р. Зиндер называет этот звук «сильным приступом» и характеризует его проявление в немецком языке следующим образом: «Гласные (как долгие, так и краткие), стоящие в начале слов, характеризуются тем, что они начинаются с так называемого «сильного при-

ступа» (*fester Einsatz, Knacklaut*), представляющего собой смычный согласный, образуемый благодаря артикуляции голосовых связок. Некоторые фонетисты считают его самостоятельной фонемой и вносят его соответственно этому в свои таблицы звуков немецкого языка, однако он не имеет самостоятельной семантической функции и, следовательно, должен быть признан не отдельной фонемой, а особенностью произношения гласных в определенном фонетическом положении (см.: Зиндер Л.Р., Строева-Сокольская Т.В. Современный немецкий язык. Л., 1941, с. 35).

Гортанная смычка, судя по исследованию И.Д. Бураева, и в бурятском языке не имеет фонологической значимости, но с чисто фонетической точки зрения в бурятском и халха-монгольском языках **нет слов, начинающихся с гласных звуков** (выделено нами. — Ж.Т.). При точной фонетической транскрипции бурятские и монгольские слова с начальными гласными следует писать в таком виде: [?]*arbaŋ* «десять»; [?]*ere* «мужчина»; [?]*üre* «семья»; [?]*olon* «много»; [?]*uhaŋ* «вода» и т.д. (Бураев, 1987, 73), ср. соответственно ст.-п.-монг. *harban* «десять», *ere* «мужчина», *hüre* «семья», *olon* «много»; *usun* «вода».

Историческая связь гортанного смычного звука (ʔ), проявляющегося перед инициальными гласными в современных монгольском и бурятском языках, с протетическими **p*-, **f*-, **h*-, по мнению И.Д. Бураева, представляется безусловной, но «с той только разницей, что гортанный смык встречается во всех словах, начинающихся с гласных, а **p* ~ **f* ~ **h* — только в определенных пластах слов» (Бураев, 1987, 73).

Исходя из тонко подмеченных И.Д. Бураевым специфических особенностей гласного анлаута в бурятском и монгольском языках, следует полагать, что

спорадически (выделено нами. – Ж.Т.) появляющийся в старописьменных монгольских памятниках инициальный *h-χ*- является ничем иным, как графическим обозначением «инкурсии со слабым придыханием» (Владимирцов, 1929, 54) или «гортанной смычки» (Бураев, 1987, 37-38, 72-73).

Давно замечено, что в старомонгольских письменных памятниках этот протетический *h-χ*- появляется крайне нерегулярно и не поддается какой бы то ни было строгой систематизации. Спирант *h*- в начале слова зафиксирован во многих письменных памятниках XIII-XIV вв., созданных на самых различных системах письма – китайской, монгольской квадратной, арабский, армянской. К таковым относятся анонимный Лейденский глоссарий 1245 г. (LH), труд Ибн-Муханны начала XIV в. (ИМ), словарь Хамдаллаха Казвини 1339 г., «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина 1310-1311 г., Мукад-думат ал-Адаб (МА), глоссарий армянского ученого Киракоса, многочисленные труды китайских ученых (словарь Хуа-йи йи-юй – НУ), «Сокровенное сказание» (SH), памятники квадратной письменности и т.д. (см. Поппе, 1938, 44 и выше).

Условно обозначаемый в транскрипции спирант *h*- в трудах арабских и персидских авторов всегда передается арабской буквой «ха», обычно обозначающей гортанный спирант *h*. В монгольской квадратной письменности этот гортанный спирант *h* передается специальным знаком (созданным на базе тибетской графемы для того же спиранта *h*) (см. Поппе, 1938, 45).

Н.Н. Поппе указывает также, что там, где спирант сохранился в настоящее время, он является заднеязычным, т.е. *χ*-. «Возможно, – считает он, – что в произношении его произошли известные сдвиги, но возможно, что кое-где он и раньше так произносился, хотя это ма-

ловероятно...» (Поппе, 1938, 45). В старописьменных (особенно в китайских) монгольских памятниках действительно встречаются формы с начальными *h*- и *χ*-, ср.:

ср.-монг. (НУ, SH) *χači* «благосклонность, милость»

~ п.-монг. *ači*, х.-монг. *ač* «милость, услуга»;

ср.-монг. (SH) *χada'u*- «быть осторожным» ~ п.-монг. *ačī*- «тж.», х.-монг. *ačig* «заслуживающий внимания, внимание»;

ср.-монг. (НУ, SH) *χalaqan* «ладонь» ~ п.-монг. *alaya(n)*, х.-монг. *alga*, бур. *al'ga(n)* «ладонь»;

ср.-монг. (SH) *χab*, (ИМ) *hab* «колдовство» ~ п.-монг. *ab*, бур., калм. *ab* «колдовство»;

ср.-монг. (НУ) *χiže*- «смутиться, запутаться», (МА) *hiči*-, (LH) *hāče*- «уставать» ~ п.-монг. *eče*-, х.-монг. *ece*- «уставать»;

ср.-монг. (НУ, SH) *χeki*, (МА) *hikin* «голова, начало» ~ п.-монг. *eki(n)*, х.-монг. *eχ* «голова, начало, перед»;

ср.-монг. (НУ) *χeligan* (SH), *χeligen*, (ИМ) *hilgā*, (МА) *iligān* «печень» ~ п.-монг. *elige*, х.-монг. *eleg*, *elgen* «печень» и т.д.

Нетрудно заметить, что формы с начальным *χ*- зафиксированы в китайских источниках, написанных иероглифическим письмом и, очевидно, отражают особенности передачи монгольского гортанного спиранта *h*- средствами китайской системы письма, хотя, конечно, нельзя игнорировать возможность несколько приглушенного произношения этого спиранта в восточных говорах монгольского языка уже в XIII-XIV вв.

Интересная картина предстает при сравнении соответствующих слов по разным письменным памятникам: в одних из них представлены формы с начальным гор-

таннным смычным *h-*, а в других – с гласным началом, ср.:

ст.-п.-монг.: SH *χuker*, НУ *χuger*, МА *üker*, ИМ *ükür*, ЗМ *ûkar*, Стамб. сл. *hüker*, ЛН *hüker* «бык», «вол» ~ п.-монг. *üker* ~ дагур. *χukur*, *hukure*, дунс. *fugie(r)*, монгор. *fugor*, минхэ *χukur* «бык», «вол», «крупный рогатый скот»;

ст.-п.-монг.: НУ *χuja-*, МА *huja-*, ИМ *huja-*, Стамб. сл. *hujā-*, ЛН *huja-* «завязывать» ~ п.-монг. *uja-* ~ монгор. *fujā-*, минхэ *χuja-*, дунс. *χuja-* «связывать, соединять, завязывать»;

ст.-п.-монг.: НУ *χula'an*, SH *χula'an*, МА *hula'an*, ИМ *hulān*, *holām*, ЗМ *ulān*, ЛН *hulān* ~ п.-монг. *ulaγan* «красный» ~ дагур. *χulān*, *hulān*, дунс. *χulan*, баоань. *felaγ*, *fulaγ*, монгор. *fūlān* «красный»;

ст.-п.-монг.: НУ *χunegan*, ИМ *h(o)nägän*, МА *hunä-gän*, ЛН *üngen*, *hüngen* «лиса» ~ п.-монг. *ünegen* ~ дагур. *χunug(u)*, *hunehe*, дунс. *funieye*, ш.-юг. *henegen*, *heneγen*, монгор. *funige*, *χunige*, *funägä* «лиса»;

ст.-п.-монг.: SH *χunir*, *χunor*, НУ *χunir*, ИМ *hujir*, *hünür*, МА *hunir* «запах» ~ п.-монг. *ünür*, *ünir* ~ дагур. *χūnu-*, дунс. *funi*, баоань. *hun-de-* «нюхать», ш.-юг. *honər*, *honor*, монгор. *funir* «запах», *funis-* «нюхать»;

ст.-п.-монг.: НУ *χüre*, МА *huran*, *hurun*, квадр. *hüre* «семья» ~ п.-монг. *üre* ~ дагур. *χur*, *hure*, дунс. *fure*, баоань. *fure*, *färe*, ш.-юг. *hure*, монгор. *furē*, *χurē* «семья»;

ст.-п.-монг.: SH *χunesu*, ИМ *honä:sun*, МА *hunäsun*, ЗМ *ūnasūn*, Стамб. *hünesün* «пепел, зола» ~ п.-монг. *ünesü(n)* ~ дагур. *χunse*, *hunse*, *χuns*, дунс. *funiesun*, бао-

ань. *homsoŋ*, ш.-юг. *henesən, nesən*, монгол. *funēзэ, funise* «пепел», «зола»;

ст.-п.-монг.: НУ *χodun*, SH *χodun*, ИМ *hudun, hodun*, МА *hudun* «звезда» ~ п.-монг. *odu(n)* ~ даг. *χod(o), hode*, дунс. *χodun*, баоань. *χодоŋ*, ш.-юг. *hodən*, монгол. *fōdi* «звезда»;

ст.-п.-монг.: НУ, SH *χalaqan*, МА *alaqan*, ZM *alaqa*, LH *halaqa* «ладонь» ~ п.-монг. *alaya(n)* ~ даг. *χaləg, χalāgā, halehe*, дунс. *hanGa*, баоань. *χalge, halgə*, ш.-юг. *halayan*, монгол. *χalya, (χ)arGa* «ладонь» и т.д. (см.: То-даева, 1973, 40-41; EDAL, II, 1121; прамонг. *haliga*).

Тем не менее, определенно прослеживается, что в старописьменных памятниках, составленных китайским иероглифическим письмом (НУ, SH), начальный спирант отражается наиболее последовательно. К ним примыкают арабографичные источники. По свидетельству Н.Н. Поппе, в словаре «Мукаддимат ал-Адаб» условно передаваемый знаком *h*- спирант наличествует в громадном количестве слов», в том числе в ряде слов, прежде незасвидетельствованных с начальным *h*- (Поппе, 1938, 45-46). Вместе с тем Н.Н. Поппе указывает также на «наличие многочисленных слов с утратой этого *h*- из числа таких, которые в других памятниках, современных нашему, начинаются на *h*-. Имеется также ряд слов, даваемых то с *h*-, то без него» (Поппе, 1938, 46). Н.Н. Поппе полагает, что перебои в подаче начального спиранта *h*-, возможно, объясняются диалектическими различиями или тем, что варианты с начальным *h*- представляют собой разговорные формы XIII-XIV вв., а формы без *h*- отчасти принадлежат языку тогдашней письменности, который представлен в словаре Мукаддимат ал-Адаб довольно сильно (Поппе, 1938, 46).

Исходя из традиционной алтаистической предпосылки и считая, что прамонгольский **h-* восходит к праалтайскому **p-* или **p^c-*, а в современных северномонгольских языках **h-* перешел в *ø-* практически везде (кроме части диалектов дагурского языка и части хамниганских диалектов). Ситуация в «Мукаддимат ал-Адаб», скорее всего, отражает самое начало процесса падения начального **h-*, начавшегося не позднее середины XV века и практически полностью захватившего все северо-монгольские языки. Падение исторического *h-* было, по-видимому, вызвано диссимиляционными процессами. Наиболее слабой является позиция **h-* перед велярными смычными *k*, *γ* и спирантом *s*; перед сонантами *r* и *n* спирант **h-* сохраняется практически всегда; аффрикаты *ʃ* и *ʃ̣* и велярный носовой *ŋ* вызывают колебания начального согласного (*h-* / *ø-*).

Попытка некоторых исследователей связать предполагаемое падение гортанного спиранта *h-* с возможным диссимилятивным воздействием последующих через гласный согласных сама по себе является новой и интересной, однако приведенный очень ценный репрезентативный эмпирический материал, на наш взгляд, не дает достаточных оснований для однозначных выводов. Так, например, перед велярными смычными *k* наблюдаются случаи сохранения инициального *h-* в самом «Мукаддимат ал-Адаб», в других среднемонгольских памятниках и в изолированных южно-монгольских языках, ср.: прамонг. **heki* «голова»: ср.-монг. (MA) *hikin*, (SH, HY) *xeki*; прамонг. **hike* ~ **jike* «большой»: ср.-монг. (MA) *ikä*, но (SH, HY) *jike*, дагур. *χige*; прамонг. **hokar* «короткий»: ср.-монг. (MA) *aqar*, (HY) *okor*, (SH) *oqor*, но (ИМ) *hoqar*, дагур. *huakare*; прамонг. **hoktal-* «рубить»: ср.-монг. (MA) *uqtal-*, но (SH) *χoχtol-*, (LH) *hotqal-*; прамонг. **hüker* «скот»: ср.-монг. (MA) *ukär*, но (SH) *χuker*, (HY)

χuger; прамонг. **höye*- «гнить»: ср.-монг. (МА) *huu-*, *hu-*, дагур. *χū*, баоань. *hu-*, монгор. *fū-*, дунс. *fu-* «гнить, гухнуть»; прамонг. **huwta* «мешок»: ср.-монг. (МА) *uta*, но (НУ, SH) *χuxuta*, (ИМ) *hutana*; прамонг. **heyür* «гнездо»: ср.-монг. (МА) *äwur*, но (НУ) *χe'ut*, (SH) *χe'ud* «гнездо» и т.д.

Точно такой же разноречивой наблюдается по всем остальным позициям. Очевидно, что идея возможной связи падения инициального *h-* от диссимилиации последующих согласных в известной степени была предвзятой и продиктована ложной предпосылкой о развитии среднемонгольского *h-* от праалтайского **p-* или **p^c-*, т.е. пресловутым фонетическим законом Рамстедта – Пеллио. Масштабы графического выражения гортанной смычки или инкурсии на письме, скорее всего, зависели от языкового чутья, вернее даже от особенностей родного диалекта писца, а не от диссимилиационных процессов. В этом отношении весьма показательны то, что в среднемонгольских памятниках, составленных на китайской иероглифической основе («Хуа-йи йи-йу», «Сокровенное сказание») инициальный гортанный спирант отражается намного более последовательно, чем даже в «Мукаддимат ал-Адаб». Судя по данным современных монгольских языков можно полагать, что и в XIII–XV веках гортанный приступ перед инициальными гласными был более отчетливо выражен в южной группе диалектов. Следовательно, надо полагать, что и в древности качественное и количественное междиалектное распределение инкурсии имело ареально-географический характер и было относительно более ярко выражено на юге монгольской ойкумены, более подверженном иноязычному (китайскому) влиянию.

Что же касается непосредственно «Мукаддимат ал-Адаб», то здесь графическое выражение на письме гор-

танного спиранта *h-*, по всей вероятности, индуцировалось и поддерживалось особенностями арабской графики и довольно многочисленными арабскими и персидскими заимствованиями с анлаутными *h-* и *ħ-* (см.: Поппе, 1938, 181-194).

В связи с проблемой происхождения инициального спиранта *h-* в монгольских языках большое значение имеют формы ряда изолированных монгольских языков – дагурского, дунсянского, монгорского, баоаньского и шира-югурского, вроде бы в той или иной степени удержавшие рефлексы начального спиранта *h-*.

В современном дагурском языке среднемонгольскому спиранту *h-* обычно соответствует заднеязычный спирант *χ-*, который характерен для бутхаского и цижикарского говоров, а в хайларском говоре, по материалам Н.Н. Поппе, он оказывается утерянным и соответствующие слова начинаются в нем с гласного (Тодаева, 1986, 28). В материалах С.Е. Мартина (Martin, 1961) начальный спирант в дагурском во всех случаях передается буквой *h-*.

Б.Х. Тодаева отмечает также, что в дагурском наблюдаются случаи, когда вместо ожидаемого *χ-* в начале слов на гласные иногда появляется спирант *š-*, например:

ст.-п.-монг. *ilči(n)* «тепло» ~ дагур. *hilči*, *šilči*, *šiliči* «тепло», «жар (души)» ~ ш.-юг. *hilbər* «тепло» (Тодаева, 1986, 29; EDAL, II, 1143: прамонг. **hil-*);

ст.-п.-монг. *inije-* «смеяться», *inijedun* «смех», НУ *jine'e*, SH *jini'e-*, MA *inā-bä*, LH *inē-* «смеяться» ~ дагур. *šinē-*, *χinē-*, дунс. *šinie-*, баоань. *šine-*, монгор. *šənē-* «смеяться» (Тодаева, 1986, 29; EDAL, I, 588);

ст.-п.-монг. *isegej* «войлок», НУ *sisgai*, SH (*s*)*isgai*, MA *sisākaj*, *sisukej*, п.-монг. *isegei*, *esegei* «войлок» ~ да-

гур. *šisegī*, *šidegī*, *šidehe*, ш.-юг. *skī*, монгор. *sgā*, *sagī* «войлок» (Тодаева, 1986, 29; EDAL, II, 1261: прамонг. **sisegej*);

ст.-п.-монг. *iči-* «стыдиться», НУ *χižē-*, SH *χiče-*, ИМ *hič(e)-*, МА (*h*)*iči-* ~ п.-монг. *iče-*, *iči-* «стыдиться» ~ дагур. *χiči-*, *šiči-*, дунс. *šīžə-*, *šəžə-*, баоань. *šiče-*, ш.-юг. *hžē-*, монгор. *šžē-*, *šīžē-* «стесняться, стыдиться» (Тодаева, 1986, 29; EDAL, II, 1082: прамонг. **hiče-*);

ст.-п.-монг. *irüge-* «благословлять», *irügel* «благословление», SH *χiru'e-*, МА *hirē-* ~ п.-монг. *irüge*, х.-монг. *jörö:*, бур. *jürö:* «благословлять» калм. *jörēl* «благословление» ~ дагур. *hirbe-*, *χirbe-* «молиться», *šürēl* «благопожелание», монгор. *šurδ-* «благословлять, молиться» (Тодаева, 1986, 29; EDAL, II, 1144: прамонг. **hirüye-*);

ст.-п.-монг. *jeke* «большой»; НУ *jeke*, SH *jeke*, ИМ *ike*, МА *jikā* ~ п.-монг. *jeke*, х.-монг. *iχ*, бур. *jeχe* ~ дагур. *χig(e)*, *šige*, *šihe*, дунс. *fugie*, баоань. *hgo*, *fgo*, *fguo*, ш.-юг. *šge*, *šige*, монгор. *šge* «большой» (Тодаева, 1986, 29; EDAL, II, 1083: прамонг. **hike*) и т.д.

Аналогичное развитие наблюдается, как не трудно заметить из приведенных примеров, и в других изолированных монгольских языках.

В диалектах монгорского языка выявляются инициальные спиранты *f-*, *χ-*, *š-* на месте среднемонгольского *h-* (Тодаева, 1973, 35-39). А. Мостер и А. де Смедт указывают, что начальный спирант *h-* в монгорском образовал ряд фрикативных: *f-* – перед губными гласными, *χ-* – перед *a*, *e*, или же наблюдается переход *h-* > *s-*, или *h-* > *š-* (Mostaert, Smedt, 1930, 804-806). Б.Х. Тодаева указывает на междиалектное варьирование начальных со-

гласных: в диалекте хуцзу – *f*-, *χ*-, *š*-, а в диалекте минхэ *f*-, *χ*- > *χ*-, *θ*-, а *š*- > *š*- и *χ*- (Тодаева, 1973, 35).

В дунсянском и баоаньском языках на месте средне-монгольского начального спиранта *h*- в настоящее время употребляются не только *h*-, но также губно-зубной *f*- и заднеязычный *χ*-, в небольшом количестве слов наблюдается употребление начального спиранта *š*- там, где в стандартных монгольских языках данные слова начинаются с гласного, ср.:

начальный *h*-:

п.-монг. *arban* «десять»: НУ *χarban*, SH *harban*, ИМ *harbān*, МА *harban* ~ баоань. *harban*, *harwan*, дунс. *haruan*, *haran*, дагур. *χarba(n)*, *χarab*, *harebe*, ш.-юг. *harwan*, монгор. *χar(w)an* «десять» (Тодаева, 1964, 14; EDAL, II, 1191);

п.-монг. *ayur* «пар, гнев»: НУ *a'ur*, SH *a'ur*, МА *awur* «гнев» ~ баоань. *hor* «гнев», дунс. *χō*, *ūr*, дагур. *aur(e)*, ш.-юг. *ūr*, монгор. *ūr* «гнев» (Тодаева, 1964, 14; EDAL, I, 311);

п.-монг. *amura-* «отдыхать»: НУ *amuxulaŋ* «покой», ИМ *amura-* «успокаиваться», МА *amu-* «отдыхать», *hamisqu* «дыхание», SH *amur-li-* «успокаиваться» ~ баоань. *hamera-*, *hamər-* «отдыхать», дунс. *hamura-*, монгор. *χam(b)ura-* «покоиться, отдыхать» (Тодаева, 1964, 14; EDAL, I, 298);

п.-монг. *jeke* «большой»: НУ *jeke*, SH *jeke*, ИМ *ike*, МА *jikā* ~ баоань. *hgo* ~ *fgo*, *fguo*, дунс. *fugie*, дагур. *χig(e)*, ш.-юг. *š(i)ge*, монгор. *šge* «большой» (Тодаева, 1964, 14; EDAL, II, 1083; прамонг. **hike*);

п.-монг. *ege-* «греть(ся)»: SH *χe'u-*, х.-монг. *ē-*, бур. *igā-* «греться (на солнце)» ~ баоань. *hē-*, дунс. *šie-*, да-

гур. *š'ē-*, ш.-юг. *hī-*, монгор. *χē-*, *šē-* «греть (о солнце)», «греться (на солнце)» (Тодаева, 1964, 14; EDAL, II, 1147) и т.д.;

начальный *χ*:

п.-монг. *alaya* «ладонь»: НУ *χalaaqan*, SH *χalaaqan*, MA *alaaqan*, ZM *alaaqa*, LH *halaqa* «ладонь» ~ баоань. *χalge*, *halgə*, дунс. *hanγa*, дагур. *χalāγā*, *halehe*, ш.-югур. *halayān*, монгор. *χalγa*, (*χ*)*arGa* «ладонь» (Тодаева, 1964, 14; EDAL, II, 1121: прамонг. **haligan*);

п.-монг. *ani-* «смыкать глаза»: PH *χanisqa*, MA *hanisqa*, Стамб. сл. *hanasqa* «брови» ~ баоань. *χani-*, *hani-*, дунс. *χani-*, монгор. (*χ*)*ana-*, *χani-*, *χanə-* «закрывать, смыкать глаза» (Тодаева, 1964, 14; EDAL, II, 1171);

п.-монг. *odu(n)* «звезда»: НУ *χodun*, SH *χodun*, ИМ *hudun*, MA *hudun* ~ баоань. *χodon*, дунс. *χodun*, дагур. *χod(o)*, *hode*, ш.-югур. *hodən*, монгор. *fōdi* «звезда» (Тодаева, 1964, 14; EDAL, II, 1155: прамонг. **hodu*);

п.-монг. *on* «год»: НУ *χon*, SH *χon*, ИМ *hun*, MA *hun* ~ баоань. *χon*, *hon*, дунс. *χon*, дагур. *χōn*, *hōn*, ш.-югур. *χon*, *hon*, монгор. *fən*, *χwən*, минхэ *χon*, *χōn*, хуцзу *fən*, *fən* «звезда» (Тодаева, 1964, 14; EDAL, II, 1111; прамонг. **hon*);

п.-монг. *oroī* «поздно» ~ баоань. *χoro*, дунс. *oroj*, х.-монг. *oroj*, калм. *orā* «тж.» (Тодаева, 1964, 14);

п.-монг. *orai*, *orui* «вершина, макушка»: SH *χorai*, SH *χorgil*, MA *hurai*, баоань. *χoro*, дагур. *orē*, *χor* «вершина, макушка, верх» (EDAL, II, 1173) и т.д.;

начальный *f*:

п.-монг. *unu-* «ехать верхом»: SH *unu-*, MA *unu-*, LH *unu-*, ZM *unu-* ~ баоань. *fune-*, *honə-*, дунс. *huntra-*, *unu-*,

ш.-югур. *funa-*, дагур. *on(o)-*, *one-*, монгор. *funi-*, *χuni*, *χoni-* «ехать верхом» (Тодаева, 1964, 13; EDAL, II, 1110: прамонг. *(h)unu-*);

п.-монг. *ulayan* «красный»: НУ *χula'an*, SH *χula'an*, ИМ *holām*, МА *hula'an*, *hulan* ~ баоань. *fulaŋ*, *felaŋ*, дунс. *χulan*, дагур. *χulān*, *hulān*, ш.-юг. *lān*, монгор. *fulān* «красный» (Тодаева, 1964, 13; EDAL, II, 1109; прамонг. **hulayan*);

п.-монг. *urtu* «длинный»: НУ *urdu*, SH *urtu*, ИМ *ortu*, МА *urtu* ~ баоань. *fdu*, *ftə*, дунс. *fudu*, дагур. *orto*, *ortu*; *warda* «прежде»; ш.-югур. *rdə*, монгор. *fudur*, *šdur* «длинный» (см.: Тодаева, 1964, 13; EDAL, I, 623);

п.-монг. *uni* «дым», *unijar* «мгла, дымка»: НУ *χunin*, SH *χunin*, ИМ *honi*, МА *hunin*, ZM *honay* «запах» ~ баоань. *fene*, *fənə*, дунс. *funie*, дагур. *χoni*, *χoŋ*, *onir* (← лит.); монгор. *funi*, минхэ *xuni* «дым», «мгла, дымка» (Тодаева, 1964, 13; EDAL, II, 1105: прамонг. **huni*);

п.-монг. *üre* «семя, семена, плод»: НУ *χüre*, МА *huran*, *hurun* ~ баоань. *fure*, *fəre*, дунс. *fure*, дагур. *χur*, *hure*, ш.-югур. *hure*, монгор. *furē*, минхэ *χurē* «семя» (Тодаева, 1964, 13; EDAL, II, 1187: **hüre*);

п.-монг. *уута*, *u'uta* «мешок»: НУ *χuxuta*, SH *χuxuta*, ИМ *hutana*, МА *utä* ~ баоань. *f(u)da*, дунс. *fuda*, ш.-юг. *ūta* (← лит.), монгор. *fūda* (Тодаева, 1964, 13; EDAL, II, 1176: прамонг. **huwta*) и т.д. (см. также: Тодаева, 1957; Чингэлтэй, 1957, 12; 1958, 6, 8, 12; Тодаева, 1960; 1961; 1973, 35-39; 1986, 28-29 и др.).

В небольшом количестве баоаньских, а также дунсянских, монгорских, шира-югурских и, отчасти, дагурских слов наблюдается появление начального спиранта *ʃ*-там, где в стандартных монгольских языках соответствующее слово начинается с гласного, например:

п.-монг. *ilegü* «излишек, слишком»: SH *χule*- «оставлять», *χüle'u* «больше чем, лишний», НУ *χüle'u*, ИМ *holu*, МА *hul(a)'u* «излишек, лишний, больше чем надо» ~ баоань. *šilu*, *šilu*, *χelu*, дунс. *fäilä*- «оставлять», *šiliu*, *šiliu*, ш.-югур. *helē*, *hölü*:-, *χölü*:- «больше (чем надо)»; монгор. *fulē*- «оставлять», *fulü*:-, *χoliu*, *šilü*:-, хуцзу *χilü*:- «излишек» (см. Тодаева, 1964, 14; EDAL, II, 1181: пра-монг. **hüle*-);

п.-монг. *inije*- «смеяться»: НУ *jine'e*-, SH *jini'e*-, МА *inä*-, *ä*, LH *inē*, Стамб. сл. *inē*- «смеяться» ~ баоань. *šine-ne*-, дунс. *šinie*-, дагур. *šinē*-, *χinē*-, *šinēde*-, ш.-юг. *ñī*-, монгор. *šəñē*- «смеяться» (Тодаева, 1964, 14; EDAL, I, 588) и др.

Спирант *š*- в дагурском, монгорском, дунсянском, баоаньском и шира-югурском языках развивается от *χ*-главным образом перед гласным *i*, то есть в результате палатализации инициального *χ*-.

Итак, проверка закона Рамстедта – Пеллио на монгольском материале показывает следующую картину:

1) в бурятском, халха-монгольском, а также, видимо, и в ойратско-калмыцком (Санжеев, 1977, 155), начальные гласные имеют «инкурсию со слабым придыханием» особенно перед узкими гласными (Владимирцов, 1929, 54), то есть произносятся с протетическим гортанным смычным звуком, который мало заметен и в письме не отражается (Бураев, 1987, 37);

2) в старописьменных памятниках монгольского языка эта гортанная смычка очень часто (но не регулярно! – Ж.Т.) получает своеобразное графическое отражение и в транскрипции условно передается знаком *h* (Поппе, 1938, 44-47);

3) в изолированных монгольских языках эта гортанная смычка усиливается и проявляется в виде **протетических** по своей природе анлаутных согласных *h*-, *f*-, *χ*-, *š*- и проч.: дагур. *h*-, *χ*-, *š*-; монгор. *f*-, *χ*-, *š*-; дунс. *h*-, *χ*-, *f*-, *š*-; баоань. *h*-, *χ*-, *f*-, *š*-; ш.-югур. *h*-, *χ*-, *f*-, *š*-; при чем надо заметить, что *f* чаще всего выступает перед губными гласными (см. Тодаева, 1964, 12-13; 1973, 35), а *š* – перед гласным *i*. В данном случае мы имеем дело со своеобразной палатализацией *h*-/*χ*- перед последующим *-i* (*-i*). Это фонетическое явление, кстати, требует более детального изучения;

4) появление протетических согласных, как в языках старописьменных памятников, так и в современных изолированных языках во многом носит произвольный характер и не подчиняется какой-то строгой закономерности: одно и то же слово в одних памятниках и языках может выступать с начальным протетическим согласным, а в других – без него; есть и такие слова, которые почти во всех источниках представлены с протетическим согласным или, напротив, везде без протезы. Такая нерегулярность, по всей вероятности, является специфической особенностью протетических согласных, имеющей универсальный характер.

Важно также отметить, что протетические согласные наиболее отчетливо проявляются в восточной периферии монгольского языкового ареала, где влияние иноязычного субстрата проявляется наиболее рельефно.

Подводя итог проверке закона Рамстедта – Пеллио на монгольском материале, сделаем и без того ставший уже ясным вывод: нет убедительных оснований для введения среднемонгольского *h*- и его продолжений в дагурском, монгорском, баоаньском, дунсянском и шира-югурском языках к праалтайскому **p*- или **p^с*- (**φ*-), так как среднемонгольский *h*- по своей природе являет-

ся протетически согласным, возникшим в результате усиления гортанного спиранта (смычки) в начале слов на исторические анлаутные гласные.

**ФОНЕТИЧЕСКИЙ ЗАКОН РАМСТЕДТА –
ПЕЛЛИО
И СВИДЕТЕЛЬСТВА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ
(К вопросу о происхождении
протетических согласных в тюркских язы-
ках)**

Проверка закона Рамстедта – Пеллио на тюркском материале в основном предпринималась А.М. Щербаком (Щербак, 1959, 55-60; 1976, 244-248; 1989, 132-135; 1997, 48-54).

Согласно закону Рамстедта – Пеллио, реконструируемый для праалтайского состояния сильный смычный аспирированный **p*- или его билабиальный вариант **φ*- в тюркских языках исчез без следа и очень давно. По мнению П. Пеллио, процесс исчезновения анлаутного **p*- более или менее точно можно датировать общим тюрко-монгольским состоянием; в прототюркском, или общетюркском, языке начальный **h*- (< **p*-) уже исчез (Pelliot, 1925, 253).

Между тем в настоящее время известно значительное число слов, которые в одном или нескольких тюркских языках характеризуются наличием начального придыхательного (*h*-), губного (*v*- ~ *w*-) или среднеязычного (*j*-) протетического согласного.

Ясно, что без учета всей совокупности репрезентативного эмпирического материала в максимальной полноте, всестороннего учета всех связей и опосредований данного явления, без специального изучения природы аспирированного анлаута в тюркских языках, без дифференциации различных пластов внутри группы слов с

начальным *h*- и отдельного их изучения невозможно решить вопрос о преломлении закона Рамстедта – Пеллио в тюркских языках. А это значит, что нельзя решить и другие, связанные со сказанным вопросы, как, например, вопрос о древнейших тюркских фонетических архетипах с начальным *h*- или вопрос о том, является ли архаичным тюркский язык, если в нем имеются общие тюркско-монгольско-тунгусо-маньчжурские слова с указанным аспирированным началом (см. Севортян, 1973, 40-41).

Слова с протетически *h*- отмечены в ряде современных тюркских языков:

в азербайджанском:

hör- (~ тюрк. *ö:r-*, каз. *ör-*, чув. *věr-*) «вязать, плести»;

hürk- (~ тюрк. *ürk-*, каз. *ürk-*, туркм. диал. *hürk-*, гаг. *jürük-*, чув. *ěřĕx-*) «пугаться»;

his (~ тюрк. *īs*, каз. *ıs*, чув. *jās*) «сажа, копоть»;

hür- (~ тюрк. *ür-*, каз. *ür-*, чув. *věr-*) «лаять»;

harın «усталый» (~ тюрк. *ār-*, каз. *arı-*, чув. *ır-* «уставать»);

hörgüç «горб» (~ тюрк. *ö:rkuç*, каз. *örkeş* «горб верблюда», чув. *virkeš* «грива, возвышенность»);

аз. диал. *horaç* (~ тюрк. *oraq*, каз. *oraq*, чув. *vir-* «жать») «серп»;

haraba (~ тюрк. *araba*, каз. *arba*, чув. *urBa*) «телега» и т.д.;

в гагаузском:

hajır (~ тюрк. *adıır*, каз. *ajır*, чув. *ájār ~ irā*) «жеребец»;

halma (~ тюрк. *alma*, каз. *alma*, чув. *ulma*) «яблоко»;

harpa (~ тюрк. *arpa*, каз. *arpa*, чув. *urBa*) «ячмень»;

hat (~ тюрк. *at*, каз. *at*, чув. *ut*) «лошадь»;

hen (~ тюрк. *eŋ*, каз. *eŋ*) «очень», «самый»;
hambar (~ тюрк. *ambar*, чув. *amBar*, *хамBar*) «амбар»;
hobur «жадный» (~ тюрк. *ōpur*, *obur*, каз. *obīr*, чув. *vāBār*, *vuBār*) «обжора», «злой дух», «оборотень»;
holuq (~ тюрк. *oluq*, каз. *olīq*, чув. *valaq*, *vulaq*) «желоб», «колода», «корыто»;
hožaq (~ тюрк. *ośaq*, каз. *ośaq*, чув. *vāžāχ*, *vužāχ*) «очаг»;
hašca, *ahca* (~ тюрк. *aqca*, каз. *aqša*, чув. *uksa*) «деньги»;
haj- (~ тюрк. *aj-*, каз. *ajt-*, чув. *ijt-*) «говорить, сказать»;
hürüm (~ др.-тюрк. *ürün*, якут. *ürün*, ср. чув. *věrene* «клен») «белый»;
het- (~ тюрк. *et-*, каз. *et-*, с.-юг. *jet-*, чув. *at-*) «делать»;
halta (~ тюрк. *alti*, каз. *alti*, чув. *ulDā*) «шесть»;
hottuz (~ тюрк. *otuz*, каз. *otiz*, чув. *vāDār*) «тридцать»
и т.д.;

в турецком:

hark (~ тюрк. *āriq*, каз. *ariq*, чув. *arāk* ← тат.) «арык», «канавка»;
тур. диал. *holta* (~ тур. *olta*, чув. *vālDa*) «удочка»;
hıçkır- (~ тур. *içir-*, к.-калп. *işqır-*) «рыдать», «плакать»;
hanıq- «быть готовым»;
hapaç, *hapıl*, *arış* «внутренняя сторона ляжек» (ср. *arış-* «стоять, широко расставив ноги»);
hapın «открытый»;
hırqala- «качать», «трясти»;
hindi, *hinçi(k)* «теперь»;
hommu(çu), *umaçu* «пугало»;
hotak «летнее пастбище в горах»;

hojek «яма, впадина»;
högüç, ögeç «двухлетний баран»;
hökün- «умолять»;
höleke «веретно»;
hötür- «иметь понос»;
hör- «вязать, плести»;
höl- «умирать»;
halav (← перс.) «пламя»;
hateş (← перс.) «огонь» и т.д. (см.: DD, II, 701-756;
Севортян, 1973, 40);

в туркменском:

hīn (~ тюрк. *īn*, каз. *in*, чув. *jēnē*) «нора», «берлога»;
hinjī (~ тюрк. *inǰū, inǰī*, каз. *inǰiw*, чув. *ēnǰē*) «жемчуг»;
hajva (~ аз. *hājva, ājva*, тур. *ajva*, ср.-тюрк. *avja*) «айва»;
hanja- «быть открытым настежь» (~ *añ* «зияющий»);
диал. *halda-* (~ тюрк. *ālda-*, каз. *alda-*, чув. *ulDa-v* «обман») «обманывать»;
heŋ, hiŋ (~ тюрк. *eŋ*, каз. *eŋ*, чув. *ēn, ěm*) «очень, самый»;
hürk- (~ тюрк. *ürk-*, каз. *ürīk-*, чув. *ērēχ-*) «пугаться», «шарахаться»;
hür- (~ тюрк. *ür*, каз. *ür*, чув. *vēr*) «дуть»;
hürkör (~ тюрк. *ülker*, каз. *ürker*, чув. *ēlGer*) «Плеяды»;
диал. *howurt* (~ тюрк. *owurt* < **aǰurt*, каз. *urt*) «щека, полость между зубами и щекой», «глоток»;
hajyır (~ тюрк. *adyır*, каз. *ajyır*, чув. *ājār*) «жеребец»;
har (~ тюрк. *ār-*, каз. *ar-*, чув. *ir-*) «уоставать» и т.д.;

в саларском:

хаџа «бабушка» (~ тур., кирг., узб., уйг. *аџа* «мать, бабушка»);

çalgeş, çalgef, çalqafur «хвала, одобрение» (~ туркм., тур., аз., тат. *alqış*, каз., к.-калп. *alγis* «благословление»);
çaman ~ *arman* «желание» (← перс.);
horuçqa ~ *orgo* «снова, опять» и др. (см. Тенишев, 1976, 80);

В халаджском:

hār (~ тюрк. *ēr*, каз. *er*, чув. *ar*) «мужчина»;
hat (~ тюрк. *at*, каз. *at*, чув. *ut*) «лошадь»;
hadaq (~ тюрк. *adaq*, каз. *ajaq*, чув. *ura*) «нога»;
hūot (~ тюрк. *ōt*, каз. *ot*, чув. *vāt, vut*) «огонь»;
hōgraç (~ тюрк. *orγaq*, каз. *oraq*, чув. *vir-* «жать») «серп»;
hāv (~ тюрк. **āβ* ~ *ew*, каз. *ij*, чув. *av* – в составе *av-lan-* «жениться») «дом, жилище»;
haçux (~ тюрк. *açiq*, каз. *aşı-* «киснуть», чув. *jüžě, južā*) «горький», «кислый»;
hagač (~ тюрк. *ayač*, каз. *ayaš*, чув. *jivāš*) «дерево»;
hur- (~ тюрк. *ur-*, каз. *ur-*, чув. *vār-*) «бить», «ударять»;
hūöl (~ тюрк. *ö:l*, каз. *öl*, чув. *vil*) «влага», «мокрый» и т.д.;

в сарыг-югурском:

harqa (~ тюрк. *arqa*, каз. *arqa*, чув. *urya* – в составе *uryalāç* «чересседельник») «спина»;
hat (~ тюрк. *at*, каз. *at*, чув. *ut*) «конь, лошадь»;
hat- (~ тюрк. *āt-*, каз. *at-*, чув. *ivāt-, ut-*) «стрелять»;
haqa (~ тюрк. *aqa*, каз. *aqa*, чув. *aya* – в составе *pāj-aya-m* «деверь») «старец», «почтенный человек»;
haš- (~ тюрк. *ač-*, каз. *aš-*, чув. *uš-*) «открывать»;
hetek, hitik (~ тюрк. *etek*, каз. *etek*, чув. *arāk, arGā* < **edyek*) «подол», «пола»;

ср. также появление заднеязычного глухого протетического χ^- :

с.-юг. *χarqa* (~ тюрк. *arqa*) «спина»;

χaqit- (~ тюрк. *aqit-*) «заставлять течь»;

χas (~ тюрк. *aγız*, каз. *awız*, чув. *šāvar*) «рот»;

χaja (~ тюрк. *aja*, каз. *aja*) «ладонь»;

χoq (~ тюрк. *oq*, каз. *oq*, чув. *uγā*) «стрела» и т.п. (Тенишев, 1976, 28-29);

в узбекском:

hül (~ тюрк. *öl*, каз. *öl*, чув. *vil*) «влага», «мокрый, влажный»;

həri- (~ тюрк. *ār-*, *āri-*, каз. *ari-*, чув. *ir-*) «уоставать»;

hükiz (~ тюрк. *öküz*, каз. *ögiz*, чув. *vāGār*) «бык»;

hirpaj- «наохлиться»;

диал. *hāwdirä-* (~ тюрк. *aptira-*, каз. *abdira-*, чув. *ap-tra-*) «приходить в замешательство»;

hawuč (~ тюрк. *awuč*, каз. *iwīs*, чув. *ivāš*) «горсть, пригоршня»;

узб. диал. *horä-* (~ тюрк. *ora-*, каз. *ora-*, чув. *vār*) «наматывать, обматывать, укутывать» и т.д.;

несколько случаев употребления протетического *h-* отмечено в староузбекском (чагатайском) языке:

ст.-узб. *hariqan* (~ тюрк. *ār-* «уоставать», каз. *ariq* «тощий, худой»;

ср.: узб. *həri-*, к.-калп. *hart-*, чув. *ir-* «уоставать», *iryān* «тощий», «уоставший»;

hur- (~ туркм. *ur-*, диал. *wur-*, крым. *wur-*, тур., аз., к.-тат. *vur-*, чув. *vār-*, каз. *wur-*) «бить, ударять»;

hür- (~ тюрк. *ür-*, каз. *wür-*, чув. *vēr-*) «лаять» и т.п. (Щербак, 1970, 182);

в уйгурском:

hārā (~ тюрк. *ara*, каз. *ara*, чув. *ura* – в составе *těGěl-Dura* «шершень», «оса») «пчела», «оса»;

har- (~ тюрк. *ar-*, *ari-*, каз. *ari-*, чув. *ir-*) «уставать», «утомляться»;

harva (~ тюрк. *araba*, каз. *arba*, чув. *uraBa*) «арба, телега»;

höl (~ тюрк. *öl*, каз. *öl*, чув. *vil šiv*) «мокрый», «влажный»;

hür- (~ тюрк. *ür-*, каз. *wür-*, чув. *vër-*) «ворчать, выть, лаять (о собаке)»;

haraq, диал. *harraq* (~ тюрк. *araqı*, каз. *araq*, чув. *ereχ*) «вино, водка»;

höküz (~ тюрк. *öküz*, каз. *ögiz*, чув. *vāGār*) «бык»;

hökiri- (~ тюрк. *ökir-*, каз. *ökir-*, чув. *ükër*, *üyer-*) «реветь», «кричать»;

в кумыкском:

haw (~ тюрк. *āβ*, каз. *aw*) «дичь», «охота»;

haraqı (~ тюрк. *araqı*, каз. *araq*, чув. *erege* ← тат.) «вино, водка»;

haran (~ тюрк. *araη*, каз. *äreη*, чув. *aran* ← тат.) «едва, еле-еле»;

hızan (~ тюрк. *ızan*, ног. *ızan*, чув. *jāran*) «межа», «граница»;

hökun (~ тюрк. *ökün-l*, каз. *ökün-*, чув. *üGēn-*) «каяться»;

hamar (~ тюрк. *ambar*) «амбар, склад»;

hız «линия, черта» (~ тюрк. *ız*, каз. *ız*, чув. *jër*) «след»;

his «чувство, ощущение» (~ тюрк. *es*, каз. *es*, чув. *as*, *ās*) «память»;

hajva (тюрк. *avja*, туркм. *hajva*, аз. *hājva*, *ajva*) «айва»;

halmut, *harmut* (тюрк. *armut*, гаг. *harmut*) «груша»;

hitin- «порываться»;
hanqaw «глупый» и т.д.;

в каракалпакском:

hari- (~ тюрк. *ār-*, каз. *ar-*, чув. *ir-*) «уставать»;
härre (~ тюрк. *ārı-*, каз. *ara*, чув. *ura*) «пчела», «оса»;
hinzi (~ тюрк. *inži*, *inži*, каз. *inzi*, чув. *enžē*) «жемчуг»;

höl (~ тюрк. *ö:l*, каз. *öl*, чув. *vil šiv*) «влага», «влажный, мокрый» и др.;

в тувинском:

hari- (~ тюрк. *ārı*, туркм. *ārı*, каз. *ara*, уйг. *härä*, к.-калп. *härre*, хак. *ār*, тув. тодж. *hari*, алт. *arū*, якут. *ıyırıa*) «пчела»;

herig (← монг. *ereg*, ср.-монг. *hergi*, *ergi*, п.-монг. *ergi*, х.-монг. *ereg*, бур. *erje*, орд. *erge* «берег», «обрыв, яр») «берег»;

hügü (~ тюрк. *ügi*, *ükki*, туркм. *hüvi*, к.-калп. *ükü*, каз. *ükı* ~ монг. (*h*)*uyuli*) «сова, филин»;

hörüm «сверло» (~ тюрк. *ö:r-* «плести, заплетать», аз., узб. диал. *hör-*, гаг. *jör-*, туркм. *ö:rum*, каз. *örım* «плетение», *örmek* «ткацкий станок»);

horun (~ тюрк. *orun*, туркм. *orun*, каз. *orın*, якут. *orōn*, чув. *virān* ~ монг. *oron*) «место», «постель», «кровать»;

huruq (← монг. *ūrqa*, ср.-монг. *u'urqa*, п.-монг. *uyuruqa*, *urya(n)*, бур. *urqa* «шест с арканом» ← тюрк. *ıqrıq*, каз. *qırıq*, кирг. *ıquruq*, якут. *oguruk*) «шест (с арканом)»;

hon (~ тюрк. **ōn*, туркм. *ōn*, як., гаг. *uon*, халадж. *ūon*, чув. *vin*, *von(nā)*, каз. *on*) «десять»;

höt (~ тюрк. **ō:t*, туркм. *ö:d*, *ö:t*, тур., аз. *öd*, хак. *ō:t*, гаг., с.-юг. *jöt*, якут. *üös*, каз. *öt*, чув. *vat*) «желчь»;

hür «долг» (← монг. *ör*, ср.-монг. *uri*, п.-монг. *öri*, х.-монг. *ör*, бур. *üri*, ш.-юг. *ö:rə* «долг» ← тюрк. **ür-* < **üz-*

«платить долги»: др.-тюрк. *üz-*, туркм. *üz-*, к.-балк. *üz-*, тув. *üz-*, хак. *üzür*) «долг»;

hö:rü- «радоваться» (~ тюрк. *ögir-* «радоваться» < *ög-* «хвалить», туркм. *öw-*, тур. *ög-*, *öw-*, кар. *öv-*, якут. *üör-*) «радоваться»;

haq- (~ тюрк. *aq-*, туркм. *aq-*, каз. *aq-*, аз. *aç-*) «течь»;

has (~ тюрк. *as*, кирг. *ars*, *aris*, *arsı*, чув. *jus*) «горно-стай»;

hörü (~ тюрк. **ö:r*, туркм. *ö:r*, каз. *ör*, с.-юг. *jür*, чув. *vir* «верх», халадж. *här-äk-* «подниматься») «вверх»;

horuq (~ тюрк. *oruq*, др.-тюрк. *oruq*, хак. *oryaχ*, тоф. *oruq*, як. *oroχ*) «дорога», «тропа»;

hökre (~ тюрк. *öpke*) «легкие»;

höreme (~ тюрк. *öreme*) «сливки»;

hinelik (~ тюрк. *ignelik*) «стрекоза» и т.д.;

в караимском:

кар. к. *hit* (~ тюрк. *it-*, каз. *ıfter-*, чув. *jät-*) «толкать» и т.д.

Объединяющей разные тюркские языки чертой, как не трудно заметить из приведенных примеров, является то, что соответствия в плане протезирования крайне не регулярны не только внутри групп тюркских языков, но и между диалектами внутри одного языка.

Слова с протетическим *h-* встречаются преимущественно в огузских (азербайджанском, турецком, гагаузском, туркменском, халаджском, саларском) и карлукских (узбекском, уйгурском), а также в каракалпакском, кумыкском, сарыг-югурском и некоторых других языках (кстати, имеющих прямые связи с огузскими языками), в кыргызской (хонгоройской) и якутской группах они вообще неизвестны.

Общее количество слов с протетическим *h-* ни в одном тюркском языке до сих пор не выявлено и не под-

считано. По данным А.М. Щербака, «количество их колеблется от десяти до двадцати» (Щербак, 1970, 181), а в другой работе он пишет, что «в диалектах тувинского языка зафиксировано приблизительно двадцать слов с начальным *h*..., а в диалектах азербайджанского — около тридцати, то в халаджском языке их несколько больше» (Щербак, 1976, 245), что, конечно, не отражает реального положения вещей в тех языках, в которых это фонетическое явление имеет место. Реальное количество слов с протетическими согласными в каждом языке колеблется в довольно значительных пределах: в одном диалекте их больше, а в другом меньше. Так, например, М.Ш. Ширалиев относительно азербайджанского языка пишет, что «протетический» *h*- в той или иной мере прослеживается повсеместно, но выделяется в этом отношении северная группа диалектов (Ширалиев, 1983, 52). В каракалпакском языке, по сравнению с северным диалектом, в южном наблюдается активное употребление фарингального щелевого согласного *h*-: сев. *arı* ~ южн. *harı* «дальше»; сев. *ädewir* ~ южн. *hädäwir* «по-больше»; сев. *awa* ~ южн. *hawa* «да»; сев. *ajda-* ~ южн. *hajda-* «гнать, управлять»; сев. *ärem* ~ южн. *härem* «изгородь, загон»; сев. *aržaq* ~ южн. *haržaq* «та сторона» (Насыров, 1976, 270).

Анлаутный фарингальный щелевой согласный *h*- характерен для южного диалекта каракалпакского языка (Насыров, 1976, 318), в котором довольно сильно отразились субстратные и внешние контактные (узбекский и туркменский) влияния.

Относительно гортанного проточного *h*- в узбекском языке В.В. Решетов пишет, что он употребляется главным образом в лексике, исторически проникшей в узбекский из арабского и персидского языков и содержащей звуки, передаваемые графемами «*ħā*» и «*xā*». Однако это

несовсем так, ибо анлаутный *h-* в узбекском (и в других языках среднеазиатского региона) встречается и в начале исконно тюркских слов (примеры см. выше). В узбекских говорах (йекающих и джекающих), как и в других тюркских языках, в частности, каракалпакском, если звук *h-* стоит в анлауте перед гласным *ä*, то он нередко опускается – вместо него гласный принимает заместительную долготу, ср.: узб. лит *har*, к.-калп. *ä:r* «каждый»... Общая масса жекающих говоров, как и казахский язык, характеризуется отсутствием фонемы *h*. В джекающих говорах в одних и тех же словах звук *h-* то появляется, то исчезает, ср.: *hajda-* / *ajda-* «гнать». Выпадение *h-* – явление обычное для джекающих и йекающих говоров, ср.: *hisäp* / *isäp* «счет»; *häli* / *äli* «еще»; *hävli* / *ävli* «двор», *hüküm* / *üküm* «приговор»; *havuč* / *avič* «горсть, пригоршня»; *hüžüm* / *üžüm* «наступление» и т.д. (Решетов, 1959, 283-285).

Вместе с тем он также отмечает, что джекающие кураминские и другие говоры отличаются от йекающих городских говоров и литературного языка появлением в начале некоторых слов звука *h-*, ср.: лит. *asal* ~ курам. *häsä* «мед», *ajjər* ~ *häjjär* «хитрый», *эмәс* ~ *hamač* «соха», *aqil* ~ *haqil* «ум, разум», *ürdak* ~ *hördäk* «утка», *ajəl* ~ *hajal* «женщина», *ajvən* ~ *häjvan* «терраса», *arra* ~ *härä* «пила» (Решетов, 1952, 286).

К. Шамурадов отмечает нерегулярность соответствий протезы *h-* в одних и тех же словах между разными туркменскими диалектами. В западном говоре ёмудского диалекта он отмечает слова *hömür* (лит. *ömur* «жизнь, век»), *hövgili* (лит. *övgüli* «хваленый», *övgi* «хвала»), *hövez* (лит. *övez* «вомзещение»), *haqmaq* (лит. *aqmaq* «дурак, глупец»), *hommal-* (лит. *ommal-* «нагибаться») и др., которые в литературном языке употребляются без протетического *h-*. Далее он подчеркивает, что протетический *h-* активно употребляется в геокленском, нохур-

ском, эрсаринском, текинском диалектах: эрсар. *höl* (~ лит. *õ:l* «мокрый»), *hārma* (~ лит. *ārma* «утомляемость»), тек. *haqilli* (~ лит. *aqilli* «умный»), *holārīq* (~ лит. *olārīq*), *hā:zirvegʒan* (~ лит. *Azerbajʒan*) «Азербайджан» и т.п. (Шамырадов, 1959, 149-150).

Цитирование подобного рода замечаний можно продолжить, но и приведенного материала достаточно, чтобы понять, насколько до сих пор слаба источниковедческая база для построения обобщающих исследований по проблеме консонантных протез в тюркских языках, не говоря уже о статистических подсчетах в этой области.

Даже беглый обзор существующей литературы по данной проблеме показывает, что консонантные протезы в тюркских языках распространены намного более шире, чем это принято считать. Существующие представления о протетическом *h*- в ряде тюркских языков основываются на крайне фрагментарных материалах, почерпнутых со страниц существующих грамматик и диалектологических исследований, где, по вполне понятным причинам, авторы должны были ограничивать себя крайне малым числом примеров. Сводных исследований монографического плана, посвященных специально проблеме протетических согласных, к большому сожалению, ни один тюркский язык пока не имеет. И этому есть вполне объективные, а большей частью субъективные, причины.

В тюркской фонологии, как и в монгольской, широкое распространение получило априорное мнение о том, что инициальный *h*- не имеет фонематического значения, и исследователи мало обращают на него внимания. Показательно в этом отношении вскользь брошенное Г. Кульмановым высказывание о гортанном спиранте *h*- в геокленском диалекте туркменского языка: «в исследуемом диалекте отмечен еще какой-то придыхательный

звук, который наблюдается перед некоторыми гласными, напр.: *hə:l* ~ лит. *өл* «влага», «влажный», «мокрый» и т.д. Поскольку этот звук не является фонемой, мы условно называем его гортанным сибилантом «*h*» и отмечаем той же буквой» (Кульманов, 1956, 43).

Тот факт, что протетический *h*- не воспринимается фонемой, то есть не носит фонематического значения, видимо, и является главной причиной нерегулярного, спорадического характера его появления даже внутри отдельных языков на диалектном уровне. Однако тут надо иметь в виду одно немаловажное обстоятельство: нерегулярность появления начального *h*- может иметь как объективные, собственно языковые, так и субъективные, внеязыковые причины.

Собственно языковыми причинами могут быть пока еще не выясненные позиционно обусловленные комбинаторные причины (например, внешнее сандхи, о чем будет сказано ниже).

Внеязыковыми причинами следует признать недостаточное внимание к данному явлению со стороны исследователей, неумение работать с живым, звучащим языковым материалом или, попросту, отсутствие языкового чутья, языкового слуха. Ни для кого не секрет, что многие языковые нюансы во время диалектологических экспедиций не улавливаются даже опытными специалистами. А большинство наших языковедов-тюркологов базовое образование получало не на материале восточных языков.

Сказанное здесь показывает, насколько актуальна в тюркологии проблема масштабного изучения протетических согласных.

Исследователи тюркских языков почти единодушно относят появление инициального *h*- к относительно позднему времени (Щербак, 1970, 179-185; СИГТЯ,

1984, 396-402) и обращают внимание на то, что протетический *h-* характерен в основном для тех языков, которые испытали сильное влияние со стороны арабского и персидского языков (Асланов, 1967, 57-60). Для правильного понимания природы протетического *h-* необходимо иметь в виду и то, что значительная часть слов с анлаутным *h-* в тюркских языках относится к заимствованиям из иносистемных, большей частью – из арабско-го и персидского языков, например:

уйг. *harva*, диал. *harvo*, туркм. *araba*, узб. *arawa*, каз. *arba*, чув. *uraBa* «повозка», «телега» ← араб. *ʿarrāba* «баллиста», «осадное орудие» (см.: ЭСТЯ, 1974, 164-165);

аз. *hālwätä* «конечно», тур. *elbete* «безусловно», гаг. *helbetki*, каз. *älbette*, тат. *älbättä* «конечно» ← араб. *al-batta* «непреречно, конечно» (Räsänen, 1969, 40; Бекмұхаметов, 1977, 34; Ондасынов, 1984, I, 40);

гаг. *hambar* «амбар», туркм., аз. *anbar*, чув. диал. *хамBar*, каз. *anbar* «амбар» ← перс. *anbār* < др.-перс. *hampāra* ~ др.-инд. *sambhāra* «кладовая» (Räsänen, 1969, 19; Шипова, 1976, 33; Черных, 1993, I, 40-41; Федотов, 2002, 21);

гаг. *harmut* «груша», тур., аз. *armut*, *armud*, вост.-тюрк. *amurut*, *armut* ← перс. *anbarūd*, *armūd*, *amrūd* «груша» (Räsänen, 1969, 27);

узб. *häsäl* «мед», туркм. *asal*, вост.-тюрк., уйг. *häsäl*, *äsäl*, тар. *hässäl* ← араб. *ʿasal* «мед» (Räsänen, 1969, 156);

кумык. *haqil* «разум», тар. *häxil* «ум, разум», уйг., тур. *aqıl*, чаг., узб. *akil*, каз. *aqıl* «ум, разум, рассудок», чув. *äs-хаGäl* «ум», «разум» ← араб. *ʿaql* «разум» (Бекмұхаметов, 1977, 23);

туркм. *hasā*, вост.-тюрк. *hasa*, *hassā*, узб. *haso*, аз. *āsa*, каз. *asa*, *asa tajaq* «посох» ← араб. *ʿasā* «посох» (Räsänen, 1969, 156; Бекмұхаметов, 1977, 28) и т.д.

Начальный *h-* в словах иноязычного (большей частью арабского и персидского) происхождения на тюркской языковой почве часто подвергается разнообразной фонетической адаптации. В этом отношении показателны материалы гагаузского языка, систематизированные В.А. Сычевой (Сычева, 1976, 212-229).

В словах арабского и персидского происхождения с начальным фарингальным *h-*, который звучит как легкое придыхание, часто происходят позиционно обусловленные изменения.

1. В начальной позиции перед гласным он обычно отпадает (*h- > ø-*):

перс. *hafta* «неделя» → тур. *hafta*, гаг. *af̣ta* «неделя»;

араб. *hamīr* «тесто, закваска, сушность» → тур. *hamur*, гаг. *amur* «тесто»;

араб. *halaqa* «кольцо, круг, петля, ушко» → тур. *halqa*, гаг. *alqa* «кольцо, круг»;

араб. *hazz* «доля, удел, судьба», «счастье, удача», «достаток, радость» → тур. *hazz et-*, гаг. *azet-* «терпеть любить, получать удовольствие»;

араб. *haqq* «право, правда, истина» → тур. *hak*, гаг. *ak* «истина, правда».

В языке гагаузов Болгарии, более приверженных языковому влиянию турецкого языка (и, следовательно, через него и арабского), это явление не носит систематического характера: в разградском диалекте *h-* обычно отпадает, в родопском он чаще сохраняется; северные говоры Добруджи *h-* сохраняют, а южные – опускают: сев. *hafta* ~ южн. *af̣ta* «неделя»; сев. *hajvan* ~ южн. *ajvan* «животное»; сев. *hasta* ~ южн. *asta* «больной»; сев. *hawa* ~ южн. *awa* «воздух» и др. В говоре с. Крепча варианты

заимствованных слов с *h*- употребляются параллельно с вариантами без него: *hafta* ~ *afta* «неделя», *hajvan* ~ *ajvan* «животное», *hasta* ~ *asta* «больной». В современном гагаузском языке слова с фарингальным *h*- употребляются также в двух вариантах: с *h*- и без него (по говорам).

2. В анлауте перед *e* с фарингальный *h*- в гагаузском языке часто переходит в *j*- (*h*- > *j*-):

араб. *harīf* «товарищ, игрок, клиент» → тур. *herif*, гаг. *jerif* «человек, мужчина»;

араб. *hasb* «счет», «подсчет», «мнение» → тур. *hesar*, гаг. *jesap* «счет, расчет, подсчет»;

перс. *hemān* «тот самый» → тур. *hemen*, гаг. *jemen* «сейчас, тотчас, немедленно», «только». В турецком начальный *h*- сохраняется, в языке гагаузов Болгарии *h*- преобразуется в *j*-.

3. В гагаузском языке параллельно с этим наблюдается и появление в начале заимствованных слов протетического *h*- (*χ*-):

перс. *āndaze* «мера, размер, степень, количество» → тур. *endaze*, гаг. *hendezā* «локоть (мера длины)»;

араб. *ʿalbatta* «непременно, конечно» → тур. *elbette*, гаг. *helbetki* «конечно»;

араб. *ʿarab* «араб(ы)» → тур. *arap*, гаг. *harap* «араб, арабы»;

перс. *oruž* «вознесение, восхождение на небо» → тур. *oruç*, гаг. *horuç* «пост» и др.

Протетический *h*- встречается в начале заимствованных арабских и персидских слов в языке гагаузов Болгарии (*hambar* «амбар», *harap* «араб», *hateş* «огонь», *helbet* «конечно»), в разградском (*helbet*, *hībe*, *horuç*, *hambar*) и родопском (*hambar*, *helbet*, *hateş*) диалектах (см. Сычева, 1976, 227-229).

В тюркологической и алтаистической литературе, как уже было указано выше, существует вместе с тем мнение, что инициальный *h*- в тюркских языках является рефлексом общеалтайского билабиального смычного **p*-, или лабиодентального щелевого **φ* или **f*- (см. Räsänen, 1961, 146-148). Как было показано выше, это мнение в специальной литературе получило широкое распространение в форме так называемого «закона Рамстедта – Пеллио», вернее, в разнообразных его модификациях.

ОЦЕНКА КОНЦЕПЦИИ Г. ДЁРФЕРА О ПРОТЮРКСКОМ ИНИЦИАЛЬНОМ *p-

Мы уже отметили, что новое истолкование так называемого закона Рамстедта – Пеллио применительно к тюркскому (халаджскому) материалу было предложено Г. Дёрфером. Исследователь длительное время занимался халаджским языком (или халаджской группой тюркских языков), и пришел к заключению о высшей степени архаичности халаджского языка, являющегося, по его мнению, «одним из важнейших в плане реконструкции истории тюркских языков и их древнейшего состояния» (Doerfer, 1972, 94) и таким, без учета материалов которого невозможно решать проблемы общей тюркологии (Doerfer, 1975, 344; см. также: 1968; 1969). Работая над изучением халаджского материала, Г. Дёрфер заметил одно интересное обстоятельство: слова, обычно начинающиеся в стандартных тюркских языках с гласных звуков, в халаджском ведут себя двояко – одна группа таких слов начинается, как и в большинстве других языков, с гласного, а другая в анлауте имеет *h-*, отсутствующий в других тюркских языках; например:

1) слова без начального *h-* (в халаджском): *āač* «голодный», *alta* «шесть», *amrüt* «груша», *āat* «имя», *äkki* «два», *älomla* «яблоко», *āt* «мясо», *oγul* «сын», *otaq* «комната», *ič* ~ *ü:š* «три», *īon* «десять», *ič-* «пить», *ayīr* «тяжелый», *esür-* «кашлять», *uč-* «летать», *äl* «рука», *išüt-* «слышать», *uza-*, *uzun* «длинный», *ayuz* «рот», *ol-* «быть», *ī-* «спать», *ām-* «сосать», *aš* «еда», *it* «собака», *aηla-* «понимать», *ič* «нутро», *ušaγ* «бабки», «альчик»; *ēz* «нутро», *ānd* «клятва», *āj-* «сгибать», *ēn-* «спускаться»,

ängür «сумерки», *ilgär* «вперед», *elč-* «мерить», *ilän-* «плакать», *inži-* «страдать», *iš* «дело, работа», *al-* «брать, взять» и т.д.;

2) слова с начальным *h-* (в халаджском): *hadaq* «нога», *hayač* «дерево», *hiraq* «даль, далекий», *hēl* «влага», *hāri* «пчела», *harqan* «усталый, худой», *hat-* «бросать», *hič-* «гасить», *hāču* «горький», *huv-* «растирать», *hič-*, *hüsgun-* «разминать, разрушать», *hadru-* «разделять», *hūt* «дыра, отверстие», *harq* «экскременты», *has-* «вешать», *hidīš* «посуда», *hur-* «бить, ударять», *hārāk-* «поднимать», *hārt* «спина», *hačuq* «открытый», *hāaj* «луна», *hāt* «лошадь», *häv* «дом», *hīel*, *hö:öl* «сырой, влажный», *hottuz* «тридцать», *hikmäk* «хлеб», *hüočač* «очаг», *hūot* «огонь» и др. (см.: Doerfer, 1971; Doerfer, Tezcan, 1980 и др.).

Такое распределение слов с начальным *h-* и без него в халаджском, по мнению Г. Дёрфера, свидетельствует о наличии противопоставления *h-* – *ø-* (ср. халадж. *āt* «имя» – *hat* «лошадь»), восходящей к соответствующей пратюркской оппозиции (Doerfer, 1969, 17). Инициальный спирант *h-*, по мнению Г. Дёрфера, не является первичным, а развился из праязыкового **p-*, поэтому, опираясь на халаджские материалы, он реконструирует пратюркские архетипы с анлаутным **p-*, например: халадж. *hottuz* «тридцать» < **hottaz* < **pottaz*; халадж. *hat* «лошадь» < **hat* < **pat* и т.д. (Doerfer, 1971, 333 и след.).

Для подкрепления этой гипотезы Г. Дёрфер прибегает к материалам монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, в которых, как полагает Г. Дёрфер, прослеживаются три диахронических пласта тюркских лексических заимствований:

1) ранний – с начальным *p-* в тунгусо-маньчжурских языках: др.-тюрк. *uruq* «петля, силок» → п.-монг. *huraqa* → нан. *poika*;

2) поздний – с начальным *h-* в монгольских языках: др.-тюрк. *ojta* «войлок» → п.-монг. *hojmasun* → маньчж. *fomon* «портянка»;

3) позднейший – с анлаутным гласным в монгольских языках: др.-тюрк. *er*, халадж. *här* «мужчина» → п.-монг. *ere* «мужчина» (Doerfer, 1971, 333-334).

В целом, с учетом промежуточных ступеней, историю пратюркского **p-* в алтайских языках Г. Дёрфер представляет себе таким образом:

**p- > p- > p-* (п.-монг. *hojmasun*) *> f- > h- > h- > ø-*;

**p- > f- > ø-* (п.-монг. *ere*) *> ø- > ø- > ø-* (Doerfer, 1971, 335 подробнее см. выше).

Г. Дёрфер не относится к числу ортодоксальных алтаистов, он называет себя «умеренным алтаистом». Поэтому лексические параллели между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками он объясняет как следствие продолжительных и тесных исторических контактов: «тюркизмы проникали в монгольский; тунгусский (т.е. тунгусо-маньчжурские языки. – Ж.Т.) заимствовал ряд слов из монгольского, причем среди монгольских заимствований есть и такие, которые в монгольский проникли из тюркского; что же касается тюркского и тунгусского языков, то они в более древние периоды не имели никаких контактов» (Дёрфер, 1972, 63; см. также Doerfer, 1963, 92-94).

Исходя из этих теоретических предпосылок, Г. Дёрфер по существу пересматривает закон Рамстедта – Пеллио, но все же, чтобы как-то объяснить соответствие между тюрк. *ø-* (халадж. *h-*) ~ монг. *h-* и т.-маньчж. *h- ~ f- ~ p-*, реконструируемый Г.И. Рамстедтом и его последователями для праалтайского состояния анлаутный **p-* переносит на пратюркскую плоскость.

К уже известным в науке данным (Ramstedt, 1957; Porre, 1960) Г. Дёрфером были добавлены лексические основы с начальным аспирированным *h*- из группы халаджских говоров (или диалектов) в Центральном Иране, в соответствующих основах из других тюркских языков, по его мнению, *h*- в анлауте отсутствует (Doerfer, 1971, 326).

Прежде всего следует заметить, что начальный *h*- встречается нередко и в других тюркских языках: Г. Дёрфером почему-то оставлен без внимания обширный материал из других тюркских языков – туркменского, азербайджанского, турецких диалектов, гагаузского, кумыкского, уйгурского, узбекского, каракалпакского, сарыг-югурского, тувинского и некоторых других (см. выше), в ряде которых, кстати, начальный *h*- во многих случаях фигурирует в заимствованиях из иносистемных языков, не имевших в языке-источнике (или посреднике) начального *h*- (материалы см. выше). Названные тюркские языки отличаются от халаджского разве-что лишь размерами проявления начального *h*-. Можно не сомневаться, что число подобных примеров будет постоянно увеличиваться в ходе дополнительного обследования говоров разных тюркских языков, включая и халаджские.

Важной опорой реконструкции инициального **p*- в пратюркском языке для Г. Дёрфера является наличие в халаджском языке в значительной группе слов начального *h*-, отсутствующего в соответствующих словах других тюркских языков. Отмечая последовательное употребление *h*- в анлауте слов в халаджском языке, Г. Дёрфер приходит к заключению о том, что этот начальный *h*- восходит к пратюркскому анлаутному **p*-, утерянному большинством тюркских языков. «Не думаю, – пишет он, – что халадж. *h*- можно объяснить

иначе, чем из древнейшего (диалектного древнетюркского или предшествующего ему состояния) *h-* < пратюрк. **p-*» (Doerfer, 1972, 95). Оригинальная часть концепции Г. Дёрфера заключается в признании халаджского языка единственным из тюркских языков, полностью сохранившим начальный *h-* (< **f-* < **p-*). Регулярное появление начального *h-* в халаджском языке, по мнению автора концепции, означает, что в данном отношении он самый архаичный из всех известных тюркских языков, «даже более архаичный, чем язык рунических надписей VII века, утративший *h-* очень рано...» (Doerfer, 1971, 165).

В подтверждение своих представлений Г. Дёрфер приводит четыре довода в пользу того, что халаджский язык сохранил в анлаутной позиции пратюркскую оппозицию **p-* (> *h-*) ~ \emptyset (нуль):

1) в халаджском языке много слов с начальным *h-*: *hadaq* «нога», *hat* «лошадь», *hudum* «виноград», *hōyraq* «серп», *hūot* «огонь», *hāv* «дом», *hāciux* «горький» и др.;

2) нет примеров с вторичным *h-*, кроме *harra*, «пила» ← перс. *ārré* (в диал. с *h-*); ср. *afsar* «недоуздок»; *alu* «слива», *asman* «небо», *astar* «подкладка» и др.;

3) начальный *h-* регулярно сохраняется в производных формах: *hūot* «огонь» – *hūočağ* «очаг»; *hār* «мужчина» – *hirkäk* «самец»; ср. также *alta* «шесть» – *altmiš* «шестьдесят» и др.;

4) слова с начальным *h-* и без него в халаджском языке приблизительно равны по количеству, так что мы имеем «количественно уравновешенную оппозицию» (Doerfer, 1971, 164-165).

В «Халаджских материалах» Г. Дёрфер указывает, что тюркские слова с начальным *h-* прослеживаются также в монгольском письменном языке, а с начальным *f-* – в маньчжурском, ср.: др.-тюрк. *ojta* «войлок, вой-

лочная обувь» = монг. *hojimasun* = маньчж. *fomon*, старая форма **romon*, *roman*; точнее: пратюрк. **rojma* → монг. **rojma* (**rojma-sun*) → маньчж. **pojiman* > **roman* > **romon* > *fomon* и т.д. Таким образом первый из них, то есть монгольский, обнаруживает довольно поздние заимствования из тюркских языков, тогда как второй, то есть маньчжурский – более ранние (Doerfer, 1971, 163).

Г. Дёрфер отмечает такие случаи, когда начальный *h-*, о наличии которого в пратюркском языке (якобы, по его мнению) свидетельствуют халаджские материалы, в монгольском письменном языке в соответствующих словах отсутствует, например, монг. *örmege* «накидка», *ere* «мужчина». Г. Дёрфер полагает, что подобные слова заимствованы монголами не из древнебулгарского, а из какого-то другого тюркского языка в более позднюю эпоху, уже после утраты начального *h-*; поэтому он и в таких случаях реконструирует пратюркские архетипы с начальным **p-*: монг. *örmege* ~ ранне-общетюрк. **örmä:rä* < пратюрк. **pörmäkä* «накидка» и монг. *ere* < ранне-среднетюрк. **ärä* < пратюрк. **pärä* «мужчина» (Doerfer, 1971, 163).

Отмеченные в азербайджанском, новоуйгурском, каракалпакском и узбекском языках спорадические формы с начальным *h-*, по мнению Г. Дёрфера, могут иметь другое происхождение и не восходить к пратюркскому **p-* (Doerfer, 1968, 105-106; 1971, 163).

Между тем заметим, что анлаутный *h-* в халаджском проявляется главным образом в тех же самых словах, которые (судя по крайне скудно представленным в стандартных грамматиках примерам) его имеют в целом ряде тюркских (огузских, карлукских, кыпчакских и др.) языков.

Однако в одной из своих работ Г. Дёрфер оспаривает высказанное А.М. Щербаком мнение о протетическом характере халаджского начального *h*- и пишет: «Общее указание на существование вторичного (протетического) *h*- совершенно ничего нам не дает. Что халаджский анлаутный *h*- первичен (непротетического характера), мы доказали конкретно (выделено автором. – Ж.Т.) (например, тем, что нам неизвестны случаи появления вторичного *h*- (протезы) в халаджском языке, т.е. случаи типа перс. *ātaš* > халадж. **hātaš*)» (Doerfer, 1987, 66). С этим положением, конечно, можно было бы и согласиться. Однако следует иметь в виду, что так называемый «протетический» *h*- в тюркских языках появился или существовал уже задолго до начала тюркско-(халаджско)-персидских языковых контактов, а ко времени переселения халаджей в Иран фонетический закон придыхательной инкурсии гласного начала слова уже давно перестал действовать и, разумеется, не мог распространяться на поздние персидские заимствования. Но даже если халаджский *h*- относить к праязыковому состоянию, нет никаких реальных оснований реконструировать на его месте пратюркский **p*-, так как тюркские языки в доступный обзорению более чем двухтысячелетний исторический период не имели перехода **p* > *h*-. Следовательно, предложенная Г. Дёрфером концепция об отражении пратюркского **p*- в халаджском виде *h*- остается недоказанной и, более того, недоказуемой. Вместе с тем, халаджский язык по данному показателю все же примыкает к наиболее близкородственным юго-западным (огузским) тюркским языкам.

Г. Дёрфер по существу предлагает новое толкование закона Рамстедта – Пеллио и, опираясь на начальный *h*- в халаджском языке, реконструирует для пратюркского состояния инициальный **p*- (Doerfer, 1985, 148). Рекон-

струкция анлаутного **p*- для пратюркского, как ни странно, основывается не на материале тюркских языков, а преимущественно на материале тунгусо-маньчжурских (нанайского, ульчского и орокского) языков, для которых характерен начальный *p*- (~ *f* ~ *h* ~ *θ*). Наличие в халаджском и некоторых других тюркских языках протетического *h*-, однако, не дает основания для реконструкции начального **p*- в пратюркском языке.

Соответствие инициальных *h*- ~ *f*- ~ *p*- чисто тунгусо-маньчжурское явление, определенным образом оно проявляется и при освоении заимствованных тюркских и монгольских слов, например:

тюрк. **āja* «ладонь»: туркм. *āja*, тур. *aja*, тур. диал. *ajta*, ж.-уйг. *χaja(n)* «ладонь» ~ монг. *alaya*, *aliya* «ладонь» ~ т.-маньчж.: эвенк. *hanḡa*, *anḡa*, эвен. *hanḡa*, *anḡa*, нег. *χan'ḡa*, орок. *χanḡa*, *χanḡa*, ороц. *pana*, ульч. *paḡa*, нан. *paḡa*, *fajḡa*, *fan'ḡa* «ладонь, кисть руки» (Ramstedt, 1916, №3; Poppe, 1960, 95; ТМС, II, 314; Цинциус, 1984, 27-28);

тюрк. **aqsun* «свирепый, разъяренный»: якут. *aχsim* «горячий (о лошади)», чаг. *aqsun* «опьяневший» ~ п.-монг. *agsum* «вспыльчивый, горячий», х.-монг., бур., *agsam*, калм. *aksām* «тж.» ~ т.-маньчж.: маньчж. *aqšun* «сквернослов», *faqša* «яростно, запальчиво» (Ramstedt, 1935, 5; Poppe, 1954, 572; Räsänen, 1969, 13; ТМС, I, 25, 298; Цинциус, 1984, 29);

тюрк. **alaqan* «ладонь»: туркм. *alaqan* «ладонь» (← монг.) ~ ср.-монг. *halaqan*, п.-монг. *alaya* ~ *aliya*, калм. *al'χān* «ладонь» ~ т.-маньчж.: эвенк. *halgān*, *algān* «ступня, подошва (ноги, обуви)», негид. *χalgan*, нан. *palgā*, ульч., орок. *palža(n-)* (< **palgan*) «ступня» (Ramstedt, 1935, 7; 1949, 184, 213; 1957, 44, 52, 107; 1952, 40, 197, 220; Poppe, 1960, 95; Räsänen, 1969, 15; ЭСТЯ, 1974, 133; ТМС, II, 312; Цинциус, 1984, 29-30);

тюрк. **balqa* «молоток»: вост.-тюрк., уйг. *balqa*, каз., к.-калп. *balqa*, кирг. *balqa* «молот(ок)» ~ ср.-монг. *haluqa*, п.-монг. *aluqa*, х.-монг. *alχ(an)* «молот(ок)» ~ т.-маньчж.: эвенк. *halka, alqa*, сол. *alχa*, уд. *χaluga*, ороч. *χalu(v)a*, маньчж. *folho*, орок. *paluqa, palo(γ)a* «молот(ок)» (Ramstedt, 1935, 7; 1949, 185; Poppe, 1955, 54; 1960, 11; Räsänen, 1969, 61; ЭСТЯ, 1978, 57-58; ТМС, II, 313; Цинциус, 1984, 30-31);

тюрк. **ap* «колдовство»: алт., якут. *ap* «колдовство, волшебство» ~ ср.-монг. *hab*, п.-монг. *ab*, калм. *ab*, бур. *ab* «колдовство, волшебство» ~ т.-маньчж.: эвенк. *haptaj, aptaj* «колдун, знахарь», нег. *χaptu-* «рычать (о шамане во время гадания)», маньчж. *fada-, fade-* «гадать, колдовать» (Ramstedt, 1935, 1; Poppe, 1960, 43; Räsänen, 1969, 21; ТМС, II, 297, 316; Цинциус, 1984, 31-32);

тюрк. **aris* «оглобля»: туркм. *aris*, каз. *aris*, тур. *iriş*, узб. диал. *ärç* «оглобля» ~ ср.-монг. *haral*, п.-монг. *aral*, монг. *aral* «оглобля» ~ т.-маньчж.: эвенк. *haron* «лука оленьего седла», маньчж. *fara* «сани (для возки сена)», нан., ульч., ороч. *para*, нан. *fara* «сани» (Ramstedt, 1935, 15; Poppe, 1960, 11, 40, 47, 78-79, 97, 122, 155; Räsänen, 1969, 26; ТМС, II, 316-317; ЭСТЯ, 1974, 189-191; Цинциус, 1984, 32-33);

тюрк. *ariq* «кал, помет»: хак. *ariχ* «кал», халадж. *harq* «экскременты»; ж.-уйг. *χaryal* «пласты сухого навоза» ~ ср.-монг. *haryal*, п.-монг. *aryal, arγasun, id.* монгор. *χargar* «навоз, сухой помет скота» ~ т.-маньчж.: эвенк. *argahun* «помет, коровий навоз», маньчж. *fažan* (< **fargan, *fargal*) «помет (животных, птиц)» (Ramstedt, 1935, 14; 1949, 185; 1957, 53, 124, 125; 1952, 146, 226; Poppe, 1960, 11, 88; Räsänen, 1969, 25; ТМС, I, 50; Цинциус, 1984, 33-34);

тюрк. **as-* «вешать»: туркм. *as-*, каз. *as-*, халадж. *has-*, чув. *us-* «повесить» ~ п.-монг. *asa-*, монг. *asa-*, бур. *aha-* «взбираться, лазать», бур. *ahā-* «прицеплять, привешивать» ~ т.-маньчж.: ороц. *χasi-*, нан. *hasi-*, *fasi-*, нан., орок. *pasi-* «повесить(ся)» (Ramstedt, 1935, 16; Poppe, 1954, 572; Räsänen, 1969, 28; Егоров, 1964, 277; ЭСТЯ, 1974, 192-193; ТМС, I, 464; Цинциус, 1984, 33-34);

тюрк. **īm* «знак, метка»: др.-тюрк. *im*, туркм. *üm*, каз. *im* «знак» ~ ср.-монг. *him*, п.-монг. *im*, монг. *im*, бур. *em'* «метка, клеймо» ~ т.-маньчж.: эвенк. *him*, *im* «метка, тамга, клеймо (разрез на ушах животного)» (Ramstedt, 1935, 208; Poppe, 1960, 12, 117; Räsänen, 1969, 171; ЭСТЯ, 1974, 632-633; Цинциус, 1984, 38-39);

тюрк. **ōj* «низина, ложбина»: туркм. *ōj*, каз. *oj*, тат., башк., чув. *uj* «низменность», «долина», «поле» ~ ср.-монг. *hoi* «лес», п.-монг. *oi* «роща», калм. *ö*; бур. *oj*, монг. *oj*, монгор. *fē* «лес, роща» ~ т.-маньчж.: эвенк. *hōj*, *hēj*, сол. *oi* «болото», «тундра» (Ramstedt, 1935, 303; 1957, 55; Poppe, 1960, 99; Räsänen, 1969, 358; ЭСТЯ, 1974, 425-428; Егоров, 1964, 269; ТМС, II, 330; Цинциус, 1984, 41);

тюрк. **ōjta* «войлок, из которого делают обувь»: др.-тюрк. (карах.) *ojta* ~ *ujta* (МК, II, 100; ДТС, 365, 607) «тж.»; *ojuq* ~ *ujuq* «войлочный чулок» (ДТС, 366, 608) < *oj-* ~ *uj-* «трамбовать, укладывать» (ДТС, 365, 607); ср. др.-тюрк. *ojul-* ~ *ujul-* «быть утрамбованным» (ДТС, 365, 608); *ojuš-* ~ *ujuš-* (совм.) «набивать» (ДТС, 366, 608); туркм. *ōjluq* «войлочная бурка»; каз. *ūjīq* «шерстяные чулки»; туркм. диал. *ujūq* «носки из кошмы»; каз. *ūjīs-* «сваляться (о шерсти)»; «спутаться (о волосах)»; «полечь (о траве)», чув. *jāva* (< **vāja*) «колобок», *jāvala-* (< **vājala-*) «валить, катать, тереть, мять» (Clouston, 1972, 273: *uj-*; Räsänen, 1969, 359, 511; ЭСТЯ,

1974, 573-574, 581-582) ~ ср.-монг. *hojimusun, kojimusun* (НУ, 23), *h(o)imāsun* (IM), *imasūn* (LH), п.-монг. *ojimasun ~ ojimusun* (Lessing, 1960, 605), монг. *ojms(on)*, бур. *ojmho(n)*, калм. *ö:msān*, орд. *öimos(u)* «чулки, носки» ~ т.-маньчж.: эвенк. *hemčurē ~ emčure*, нег. *χemčira*, маньчж. *fomon, fomoči, fomuči, fomči*, орок. *pēto-ni* «чулки, валяные из шерсти», «чулки меховые», «унты» (Владимирцов, 1929, 268; Ramstedt, 1935, 304; 1949, 182, 206; Poppe, 1960, 11, 67; ТМС, II, 36, 365-366; 440; ЭСТЯ, 1974, 573-574; Цинциус, 1984, 41-42; Щербак, 1997, 161; Федотов, 2002, 88; EDAL, II, 1166; Аникин, 2000, 447-448);

тюрк. *ora-* «наматывать, обманывать», «обливать», «обвертывать»: туркм. *ora-*, каз. *ora-*, узб. *ora-*, диал. *horä-*, уйг. *oru-*, лобн. *ojo-*, чув. *vär-* «заворачивать», «обертывать», «наматывать» ~ ср.-монг. *horči-*, п.-монг. *orči-* (Lessing, 1960, 616) «вращаться», *orija-, oruγa-* «заворачивать, закручивать» (Lessing, 1960, 618, 621); х.-монг. *orō-, orči-*, бур. *orō-, oršo-*, калм. *orā-, orčā-*, дунс. *χoro-*, баоань. *horə-*, ш.-юг. *horō-*, монгол. *furō-, χurō* «заворачивать, закручивать» ~ т.-маньчж.: эвенк. *horol-* «кружить(ся), вращать(ся)», нег. *χojil-* «тж.»; маньчж. *foro-* «оборачивать(ся)»; «повертывать, вращать что-либо»; ульч. *pori-* «плести сети» (Ramstedt, 1935, 288, 290; 1916, 20, 27; 1957, 53, 126; Poppe, 1960, 11, 98; ЭСТЯ, 1974, 1974, 469; ТМС, II, 47, 334; EDAL, II, 1151-1152; Цинциус, 1984, 44-45; Rozycki, 1994, 79; Doerfer, 1985, 23);

тюрк. **oraj* (< *ora-* «обвивать») «макушка», «завиток волос, вихры»: каз. *oraj*, к.-калп. *oraj*, кирг. *oroj*, башк. *uraj*, якут. *oroj* «темя», «макушка» ~ ср.-монг. *horaj* «макушка, темя», п.-монг. *orai, orui* (Lessing, 1960, 621), *orgil* (Lessing, 1960, 618); х.-монг. *oroj*, бур. *oroj*, калм. *orā*, орд. *orö:*, могол. *orei*, дагур. *orē, χor*, баоань. *χoro*

«вершина, макушка» ~ т.-маньчж.: эвенк. *χoron*, нег. *χojo(n)*, маньчж. *foron*, ульч. *poro(n)*, орок. *poro(n)*, нан. *porō*, ороч. *χō(n)* «макушка, темя, вершина»; «вихор» (Ramstedt, 1935, 287-288; 1916, 21; 1957, 31, 53; Poppe, 1960, 98; Räsänen, 1969, 364; ЭСТЯ, 1974, 473; ТМС, II, 334; Цинциус, 1984, 43-44; Doerfer, 1985, 39; EDAL, II, 1173);

тюрк. **öküz* «бык»: туркм. *ökiz* ~ *hökiz* «вол», узб. *hükiz*, гаг. *jöküz*, уйг. *höküz*, якут. *оуус*, каз. *ögiz*, тат. *ügiz*, чув. *văGăr, măGăr* «бык» ~ ср.-монг. *χuker* (SH), *χuger* (HY, 10), *ükär* (MA) «бык», п.-монг. *üker*, х.-монг. *üχer*, бур. *üχer*, калм. *ükër*, дагур. *χukur, hukure*, дунс. *fugie(r)*, монгол. *fugor, минхэ, χukur* «крупный рогатый скот» ~ т.-маньчж.: эвенк. *hukur, ukur*, эвен. *höken, hökön*, сол. *иχур* «бык»; ср. также эвенк. *оуус, оvус, еуус*, нег. *оуус* (← якут. *оуус*) «бык (крупного рогатого скота)» (Ramstedt, 1935, 456; 1957, 18, 54, 103; Владимирцов, 1929, 322; Poppe, 1960, 12, 56, 109, 155; Räsänen, 1969, 370; Clauson, 1972, 120; ЭСТЯ, 1974, 521-523; Doerfer, 1963, 539; Цинциус, 1984, 46; Щербак, 1997, 131; ТМС, II, 341; EDAL, II, 1168-1169);

тюрк. **ö:l* «влажный, мокрый, сырой»; «влага»; «влажность, сырость»; туркм. *ö:l*, диал. *hō:l*, халадж. *hijel, hēl*, узб. *hul*, уйг. *höl*, шк.-калп. *höl*, шор. *ül*, якут. *üöl* «влажный», чув. *vil* (в *vil šiw*) «роса» ~ п.-монг. *ölü, öle* «свежий, влажный», *öl* «питательность», х.-монг. *öl*, бур. *ül* «питательность» ~ т.-маньчж.: эвен. *hul* «побег, росток», маньчж. *fulχu-* «произрастать, пускать ростки», *fulχuren* «росток, побег», «хлебные всходы», «молодая зелень», нан. *polanqa* «метелка» (Ramstedt, 1935, 295; 1949, 215; 1957, 56, 107, 147; Poppe, 1960, 110; Räsänen, 1969, 371; Егоров, 1964, 54; ЭСТЯ, 1974, 524-525; Цинциус, 1984, 47-48; Старостин, 1991, 296; EDAL, II, 1169);

тюрк. **öŋ* «перед(няя сторона)»; «восток»; «внешняя сторона, цвет, лицо»: др.-тюрк. *öŋ* туркм. *öŋ*, халадж. *ej*, гаг. *jön*, якут. *öŋ*, чув. *um* «перед(няя сторона)»; каз. *öŋ* «облик, лицо, образ», «вид», *oŋ* «лицевая сторона» ~ ср.-монг. **öŋge*: *uaŋgo* (= *oŋgo*) «внешняя сторона», «цвет» (НУ, 42), *angin* (IM), *unke* (MA); п.-монг. *öŋge(n)* «наружность», «цвет», х.-монг. *öŋgö*, бур. *ünge*, калм. *öŋgě*, орд. *öŋgö*, дагур. *ingu*, дунс. *ungie*, ш.-юг. *öŋgö* «наружность», «цвет» ~ т.-маньчж.: эвен. *hō:ntě* ~ *hün̄te*, эвенк. *hун̄tu* ~ *ун̄tu*, нег., орооч., уд. *χoŋto*, маньчж. *enču* «иной, другой», «особый» (Ramstedt, 1935, 297; 1957, 118; Poppe, 1960, 125; Räsänen, 1969, 362, 372; ТМС, II, 349-350; Clauson, 1972, 167-168; ЭСТЯ, 1974, 532-535, 537-538; Цинциус, 1984, 48; Щербак, 1997, 131; EDAL, II, 1055);

тюрк. **üskür-* «кашлять», «брызгать (ртом)»: туркм. *üsgür-*, халадж. *esür-*, тур. *öksür-*, гаг. *üür-*, чув. *üZër-* «кашлять», *üsläk* «кашель» ~ монг. **hösür-* «брызгать»: п.-монг. *ösür-*, *üsür-* (Lessing, 1960, 1014), х.-монг. *üsre-*, калм. *ösr-*, дагур. *χesurě-*, *χesre-* «брызгать», монгор. *fižuru-*, *fužuru-* «лить» ~ т.-маньчж.: эвенк. *husu-*, эвен. *hus-*, нег. *χusi-*, маньчж. *fisi-*, *fise-*, *fusu-*, ульч. *pisuri-*, нан. *pisi-*, *fisi-*, орок. *pisitči-*, *possoli-* «брызгать» (Ramstedt, 1935, 301; 1949, 209, 212; 1957, 54, 149; Poppe, 1960, 11, 65; Räsänen, 1969, 376; ЭСТЯ, 1974, 637-638; ТМС, II, 39, 42, 355; Цинциус, 1984, 50; Федотов, 2002, 368; EDAL, II, 1163-1164);

тюрк. **ös-* «расти»: туркм. *ös-*, кумык. *ös-*, диал. ⁿ*ös-*, кар. г. *es-*, др.-тюрк. *ös-*, тат. *üs-*, каз. *ös-*, чув. *üs-* «расти» ~ монг. **ös-* «расти»: ср.-монг. *os-* (SH), *us-* (MA), *osge-* (*caus.*) (НУ); п.-монг. *ös-* «расти» (Lessing, 1960, 645); х.-монг. *ös-*, бур. *üde-*, калм. *ös-*, орд. *ös-*, дагур. *euse*, дунс. *osě-*, *osi-*, баоань. *ose*, ш.-юг. *üs-*, монгор. *ösě-* «расти» ~ т.-маньчж.: маньчж. *fuse-* (< **fösü-*) «разрас-

таться (о растении)», «размножаться (о животных)»; эвен. *isu-*, эвенк. *isew-*, нег. *isew-*, уд. *jehu-* «расти» (Ramstedt, 1916, 23; 1935, 301; 1949, 212; Poppe, 1955, 112; 1960, 108; Räsänen, 1969, 376; Clauson, 1972, 241, 251; ЭСТЯ, 1974, 552-553; Clark, 1977, 142-144; Цинциус, 1984, 51; Федотов, 2002, 368; EDAL, I, 623-624);

тюрк. **öt-* «проходить (мимо, через)», «протекать», «миновать»; «истекать, проходить (о времени)»: др.-тюрк. *öt-*, туркм. *öt-*, якут. *öt-*, с.-юг. *jüt-*, каз. *öt-*, чув. *vit-* «проходить», «проникать» ~ монг. **oči-* «идти, двигаться»: ср.-монг. *očira* «впереди», «вперед» (SH), п.-монг. *oči-* «идти, двигаться» (Lessing, 1960, 599), х.-монг. *oči-*, бур. *ošo-*, дагур. *važire-*, дунс. *eči-*, баоань. *šže-*, *hže-*, монгол. *šži-* «идти, ехать» ~ т.-маньчж.: эвенк. *utur-* «вертеться» (Ramstedt, 1935, 283, 301-302; 1949, 264; Räsänen, 1969, 376; Clauson, 1972, 39; ЭСТЯ, 1974, 554-555; ТМС, II, 295; Цинциус, 1984, 51-52; Федотов, 2002, 63; EDAL, II, 1066-1067);

тюрк. **öt-* «быть старым»; **ötük* «старый»: др.-тюрк. (орх., карах.) *ötüken* – назв. местности; тув. *ötüken* – назв. горной гряды в Туве; тоф. *ötükän* «ровное широкое место на белках, удобное для пастьбы оленей»; якут. *ötöx* «старое заброшенное жилище», долг. *ötök* «старье», чув. *vaDä* «старый», *vaDäl-* «(со)стариться» ~ монг. **öte-* «быть старым»: ср.-монг. *otogu* (HY, 27; SH), *utegu* (IM), *utägu* (MA) «старик»; п.-монг. *ötegü* «старик», *ötel-* «быть старым» (Lessing, 1960, 646); х.-монг. *ötgös*, *ötöl*, бур. *ütö:*, *ütelhe(n)*, калм. *ötëgë*, *ötël*, орд. *ötöl-* дунс. *očien*, *očielu-*, монгол. *sdögu*, *sdöli-* «тж.» ~ т.-маньчж.: эвенк. *utu* «старый, дряхлый», сол. *utaci* «дедушка», эвен. *ute* «старый», *öt:tel* «раньше, прежде», эвен. *ute* «старый (о собаке)»; нег. *utële* «раньше, прежде», уд. *uteli* «раньше, прежде» (Ramstedt, 1935, 302; 1949, 212; 1957, 146; ДТС, 393; СИГТЯ, 1997, 85; Poppe,

1960, 51, 107; Дыбо, 1996, 11; ТМС, II, 293, 294, 25; Doferfer, 1963, 160; Цинциус, 1984, 51-52; Федотов, 2002, 52; Stachowski, 1993, 201; EDAL, II, 1067-1068);

тюрк. **uruq* (< **ur-* «вить»?) «веревка, канат»: др.-тюрк. (карах.) *uruq* (МК, II, 205; ДТС, 616); туркм. *urҗan*, тур. *urҗan*, гаг. *urҗan*, сал. *urҗan* «канат, веревка, аркан»; ср. венг. *hurok* «силки, сети» (← булг.) ~ ср.-монг. *huraqa*, п.-монг. *urqa*, *uriqa* «западня, силок»; х.-монг. *urxi(n)*, бур. *urḡā* «петля, силок, ловушка» ~ т.-маньчж.: нан. *pojqa* (< **purqa*), *foida*, орок. *puta* (< **purqa*), эвенк. *urqa*, *hurqa*, *orqa*, эвен. *urqā*, *hurqā*, нег. *ḡojqa*, *ḡośqa*, *ḡot'qa*, нан. *ḡotqa*, ороч. *ḡuqqa*, уд. *ḡuqa* (< **ḡurqa*), маньчж. *ḡurqa*, *ḡurya* «петля, силок (на птиц)», «ловушка на мелкого зверя» (Ramstedt, 1935, 451; 1957, 53, 125; Poppe, 1960, 101, 153; Räsänen, 1969, 516; ЭСТЯ, 1974, 602-603; ТМС, II, 352-353; Цинциус, 1984, 55);

тюрк. **uza-* «тянуться, затягиваться»; др.-тюрк. *uzum-* «удлинить», *uzun* «долгий, длинный»; туркм. *uza-*, уйг. *uzu-*, каз. *ūza-*, якут. *uha-* «быть длинным, долгим»; туркм. *uzīn*, якут. *uhun*, каз. *ūzī'n*, чув. *vārām* «длинный» ~ монг. **urtu* «длинный»: ср.-монг. *urdu* (НУ, 52), *urtu* (SH), *hurtu* «длинный»; п.-монг. *urtu* (Lessing, 1960, 884), х.-монг. *urt*, бур. *u(r)tā*, калм. *utə*, дагур. *orto*, warda дунс. *fudu*, баоань. *fdu*, *fiā*, монгол. *fudur*, *šdur* «длинный» ~ т.-маньчж. **(ḡ)ir* «старый, древний»: эвен. *ir-bēt*, нег. *ij*, сол. *irēkte* «старый, древний, прежний» (Ramstedt, 1935, 452; 1949, 178; 1957, 112, 123; Poppe, 1960, 81, 100; Räsänen, 1969, 518; Егоров, 1964, 50; ЭСТЯ, 1974, 570-572; Clauson, 1972, 281, 283, 288-289; Цинциус, 1984, 55-56; Федотов, 2002, 55; EDAL, I, 623);

тюрк. **otyun* «широкий ремень, к которому прикрепляется подпруга»: др.-тюрк. (карах.) *otyun* ~ *utyun* «широкий ремень с левой стороны седла, к которому

приделывается кольцо подпруги) (МК, I, 107; ДТС, 373) ~ монг. **huta* «нитка»: ср.-монг. *χudasun* (НУ, 23), *heitosun* (IM), *utasun* (MA); п.-монг. *utasu(n)* «нить», «нитка» (Lessing, 1960, 888), х.-монг. *utas*, *utsān*, бур. *utaha(n)*, калм. *utsān*, дунс. *udasun*, баоань. *ndason*, ш.-юг. *šdāsən*, монгол. *sdāᠵᠢ*, *šdāsə* «нитка», «шнур», «пряжа», «волоконно»; ср. якут. *utaχ* «волоконно нити», «ленточка кожи, материи (для свивания веревки)», *utaχtā* «составлять нитяные волокна», *utasinnā* «сучить нитки» (← монг.) ~ т.-маньчж. **put*- «нить, веревка»: маньчж. *futa* «веревка, канат, бечева», «шнур для причала», *futala*- «связывать веревкой (вора)»; эвенк. *utahun* «шнур шелковый» (Ramstedt, 1916, 31; 1935, 453; Poppe, 1955, 52; 1960, 12, 51, 101; Räsänen, 1969, 517; ТМС, II, 45, 293; Цинциус, 1984, 56-57; Clauson, 1972, 47; EDAL, II, 1191; Doerfer, 1985, 132; Rozycki, 1994, 83);

тюрк. **ūr*- «дуть»: др.-тюрк. (др.-уйг., карах.) *ūr*-, чаг. *hūr*-, аз. *ūfür*-, кар. г. *jir*-, каз. *ūr*, якут. *ūr*-, чув. *vēr*- «дуть» ~ монг. *(*h*)*uri*- «дуть (в лицо)»: п.-монг. *uri*-, х.-монг. *uri*-, бур. *urā*- «кружиться, клубиться (о пыли)», орд. *uri*- «дуть»; ср. также: ср.-монг. *hūli'e*-, п.-монг. *ūlije*-, калм. *ülē*-, монг. *ülē*-, бур. *ülē*- «дуть» ~ т.-маньчж. **pū*- «дуть»: эвенк. *huw*-, эвен. *hū*-, нег. *χūw*-, ульч., орок., нан. *pū*- «дуть» (Ramstedt, 1916, 38; 1935, 457; 1949, 209; 1957, 55, 149; Poppe, 1960, 12, 112, 135; Räsänen, 1969, 522; Clauson, 1972, 195-196; Егоров, 1964, 52; ЭСТЯ, 1974, 635; Федотов, 2002, 58-59; ТМС, II, 336; Цинциус, 1984, 57-58; EDAL, II, 1188);

тюрк. **ud*- «следовать, соответствовать, повиноваться»: др.-тюрк. *ud*-, карах. *ud*-, туркм. *uj*- «повиноваться, подчиниться»; ср. каз. *ūjts*- «свалиться (о шерсти)»; «спутаться (о волосах)» ~ монг. **hūde*- «провождать»: ср.-монг. *χūde*- (НУ, 36), *χude*- (SH), *hude*- (MA), х.-монг. *ūde*-, бур. *ūde*-, калм. *ūdē*- «провождать» ~ т.-

маньчж. **pude-* «проводить, сопровождать»: маньчж. *fude-*, нан. *pude-*, ульч. *pudeči-*, уд. *pudesi-*, нан. *fude-*, *fudeši-* «камлать, прогонять злого духа (о шамане)» (Ramstedt, 1916, 31; 1935, 455; 1957, 55; Poppe, 1960, 52, 111, 126; Räsänen, 1969, 519; ЭСТЯ, 1974, 573-574; ТМС, II, 249; Цинциус, 1984, 58; Doerfer, 1963, 537; 1985, 80; EDAL, II, 1177-1178);

тюрк. **uruy* «семя», «род, племя»: др.-тюрк. *uruy*, туркм. *uruG*, каз. *ürtq*, якут. *urū*, чув. *vārā* «тж.»; чув. *āru* «род, племя» (← ср.-кыпч.) ~ монг. **hüre* «семя»: ср.-монг. *χüre* (HY, 7); *hurun* (MA); п.-монг. *üre*, х.-монг. *ür*, бур. *üri*, калм. *ürēn*, дагур. *χur*, *hure*, дунс. *fure*, бао-ань. *fure*, ш.-юг. *hure*, монгол. *furē*, *χurē* «семя» ~ т.-маньчж. **pur-* «молодой», «дети», «приплод», «семья»: эвенк. *hur-kēn* «молодой», *hurū* «семья»; эвен. *hur-ken*, маньчж. *fur-sun*, орок. *puriye*, нан. *puri*, ороц. *χī* «тж.» (Ramstedt, 1916, 42; 1935, 459; 1952, 226; Poppe, 1960, 111, 126; Räsänen, 1969, 516, 529; ЭСТЯ, 1974, 603-606; СИГТЯ, 1997, 115-116, 307, 32-324; ТМС, II, 353-354, 357-358; Doerfer, 1975, 47, 51; 1985, 137; Цинциус, 1972, 52-59; 1984, 62-63; EDAL, II, 1187);

тюрк. **üle-* «разделять, распределять, наделять»: др.-тюрк. *üle-*, *üleš-*, туркм. *üle-*, *üleš-*, каз. *üles-*, чув. *vales-* «тж.» ~ монг. **hüle-* «излишек», «оставлять», «оказываться в излишке»: ср.-монг. *χüle-*, п.-монг. *üle-*, х.-монг. *üle-*, бур. *üle-*, дагур. *χulu-*, дунс. *fäilia-*, ш.-юг. *helē-*, монгол. *fule-* «оказываться в излишке»; п.-монг. *ülegü*, монг. *ilü*; бур. *ülü*: «излишек», «избыток» ~ т.-маньчж.: эвенк. *hele-*, *hule-*, эвен. *hul-*, нег. *χüle-*, маньчж. *fulu-*, ульч., нан. *pule-*, орок. *χüle-*, сол. *ule-* «оставаться в излишке»; нан. *fuleke*, нег. *χuleχe* «излишек, остаток» (Ramstedt, 1916, 39; 1935, 457; 1957, 55; Владимирцов, 1929, 187; Poppe, 1960, 12, 111; ТМС, II, 364-365; Clauson, 1972, 127, 142, 153; Räsänen, 1964, 520;

ЭСТЯ, 1974, 627-629; Цинциус, 1984, 60; EDAL, II, 1181-1182);

тюрк. *üz- «ломать, рвать, уничтожить»: др.-тюрк. (орх., др.-уйг., карах.) *üz-*, туркм. *üz-*, халадж. *hiz-*, *hüs-gün-*, с.-юг. *jüz-*, *juz-*, каз. *üz-* «обрывать, прерывать» ~ монг. **hürü-* «тереть»: ср.-монг. *χuru-* (SH); п.-монг. *ürü-* «тереть, растирать» (Lessing, 1960, 1013), х.-монг. *üre-*, бур. *üre-*, калм. *ür-*, орд. *ürü-*, *ürē-* «тереть» ~ т.-маньчж. **puru-* «толочь, дробить»: эвенк. *huru-*, *horo-*, маньчж. *furu-*, ульч. *pori-* «тж.» (Ramstedt, 1935, 459; 1949, 216; 1957, 54, 56, 149; Poppe, 1960, 12, 111, 132; Räsänen, 1969, 524; Clauson, 1972, 279-280; ЭСТЯ, 1974, 621-622; ТМС, II, 333, 352, 354; Doerfer, 1985, 143; Цинциус, 1984, 63-64; Rozycki, 1994, 83; EDAL, II, 1189-1190);

тюрк. *ürk- «пугаться, шарахаться»: др.-тюрк. (др.-уйг., карах.) *ürk-*, туркм. *ürk-*, халадж. *hirk-*, гаг. *jürük-*, узб. *hürk-*, каз. *ürkī-*, чув. *ěrěχ-* «испугаться», «броситься в сторону», «шарахаться»; ср.: др.-тюрк. *ür-* ~ *ir-* «вздрогнуть, пугаться» ~ монг. **ürgü-* «бояться, пугаться»: ср.-монг. *urgu-* (SH), *orgo-* (IM), *urgu-* (MA); п.-монг. *ürgü-*, х.-монг. *ürgü-*, *ürgě-*, калм. *ürgě-*, дагур. *χurgi-*, баоань. *hergə-*, монгол. *furgudi-*, *χargudi* «бояться, пугаться» ~ т.-маньчж. **ürkan-* «терять сознание, быть оглушенным»: эвенк. *ürkan-*, эвен. *ürqān-*, нег. *ojkan-*, уд. *ukana* «тж.» (Ramstedt, 1916, 37; 1935, 456, 459; 1949, 209; Poppe, 1960, 80, 83, 11; 1983, 115; Räsänen, 1969, 522; Егоров, 1964, 65-66; ЭСТЯ, 1974, 635-637; Clauson, 1972, 221; ТМС, II, 286, 353; Цинциус, 1984, 64-65; Щербак, 1997, 162; Федотов, 2002, 78; EDAL, II, 1060);

тюрк. *üt «дыра»: др.-тюрк. (др.-уйг., карах.) *üt*, халадж. *hüt*, кирг. *üt*, алт. *üjt*, якут. *üt* «отверстие», «дыра» ~ монг. **hütü-gün* «vulva»: ср.-монг. *hütügun*, *hutukun* (MA); п.-монг. *ütügü(n)* (Lessing, 1960, 1014); х.-монг.

ütrē, калм. *üngēn*, орд. *ütügü*, монгор. *sdogu* «влагалище» ~ т.-маньчж. **putē* «дыра»: маньчж. *feteri* «ноздры», орок. *putē* «дыра»; нан. *pute-* «пробивать» (Ramstedt, 1935, 460; Poppe, 1960, 112; Räsänen, 1969, 524; Clauson, 1972, 36; ЭСТЯ, 1974, 639-640; ТМС, II, 43, 305; Цинциус, 1984, 66; Lee, 1958, 109; EDAL, II, 1174-1175);

тюрк. **elük* «насмешка», «издевательство»: др.-тюрк. (карах.) *elük* (ДТС, 171): хак. *elëk*, куман. *ilik* «тж.» (→ монг. *eleg*, х.-монг. *eleg* «насмешка» → тюрк.: алт., якут. *elek*, тат. *eläk* → чув. *elek* «клевета») ~ монг.: ср.-монг. *xelumu-* «быть печальным, тосковать»; п.-монг. *elemeg* «дикий, невежественный»; х.-монг. *elmere-* «отупеть», *elemeg* «дикий» ~ т.-маньчж.: эвенк. *hel-* «не сметь», маньчж. *fele-* «оскорблять, издеваться» (Ramstedt, 1935, 119; Lessing, 1960, 308; Владимирцов, 1929, 149; Räsänen, 1969, 41; Clauson, 1972, 142; ЭСТЯ, 1974, 264-265; ТМС, II, 304; Цинциус, 1984, 68; Егоров, 1964, 345; Федотов, 2002, 453; EDAL, II, 1133);

тюрк. **erneк* «край чего-либо», «кромка»: туркм. *ernek*, ср.-тюрк. *erneк*, тур. диал. *erneк*, к.-калп. *erneк*, каз. *ernew*, тат. *irnäw* «край чего-нибудь» ~ монг.: п.-монг. *ergi*, х.-монг. *ereg*, бур. *erje*, монгор. *χargi* «берег» (ср. каз. *ergä*, *irge* «нижняя часть решетки юрты» ← монг.) ~ т.-маньчж.: эвенк. *here*, эвен. *her*, нег. *хеje*, маньчж. *fere*, ульч. *pere(g)*, орок. *pereу*, нан. *pereg* «дно, пол» (Ramstedt, 1916, 10; 1935, 124, 219; 1957, 54; Räsänen, 1969, 47; ЭСТЯ, 1974, 301; ТМС, II, 368-371; Цинциус, 1984, 69-70; Старостин, 1991, 12, 281; EDAL, II, 1136-1137; Татаринцев, 1995, 78);

тюрк. **egir-* «крутить», «прясть»: др.-тюрк. (карах.) *egir-*, туркм. *egir-*, халадж. *häjir-*, узб. *jigir-*, уйг. *jiger-*, каз. *ijir-*, якут. *īr-is-* «спуститься», чув. *avār-la-* «прясть» ~ монг. *egere-*, п.-монг. *egere-*, х.-монг. *ēre-*, бур. *ēre-*, калм. *ēr-*, даг. *ēr-* «крутить, прясть»; ср. также: монг.

**hergi-* «кружиться, вертеться»: ср.-монг. *χergi-* (SH), *hirgi-* (MA); п.-монг. *erge-*, *ergi-*, х.-монг. *ergi-*, бур. *erje-* дагур *χergi-*, *χorgi-*, ш.-юг. *heregdi-*, мангор. *χergi-*, хуцзу *χargi-* «тж.» ~ т.-маньчж. **perke-* «связывать, перевязывать, обвязывать»; эвенк. *herke-*, эвен. *herkä-*, нег. *χejke-* «тж.» (Ramstedt, 1935, 124, 131; Poppe, 1960, 103-104; Владимирцов, 1929, 194; Räsänen, 1969, 47; Clauson, 1972, 112; ЭСТЯ, 1974, 227-231; ТМС, II, 47, 369-370, 463; Цинциус, 1984, 70-71; Doerfer, 1975, 181-182, 193; Щербак, 1997, 114; EDAL, I, 496; II, 1137);

тюрк. **ernek* «большой палец»: др.-тюрк. (орх., др.-уйг.) *ernek*, карах. *ernek*, *ernek*, хак. *irgek*, алт. *ergek*, тув. *ergek*, якут. *erbex* «тж.» ~ монг. **herekei* «большой палец»: ср.-монг. *χeregai* (SH); п.-монг. *erekei* (Lessing, 1960, 322), х.-монг. *erχij*, бур. *erχi*, калм. *erkē*, дагур. *χereg*, *χergī*, ш.-юг. *hermegči* «тж.» ~ т.-маньчж.: эвенк. *huruуicēn*, эвен. *hōrāyān*, нег. *χōjejen*, маньчж. *ferхе*, ульч. *poro(n)*, орок. *poro(n)*, *pero(n)*, нан. *perхе* «большой палец» (Ramstedt, 1916, 11; 1935, 125; 1952, 207; 1957, 54, 56; Poppe, 1960, 11, 79, 103, 126, 139; Räsänen, 1969, 46; ЭСТЯ, 1974, 299-300; Clauson, 1972, 234; ТМС, II, 354; Цинциус, 1984, 71; Дыбо, 1996, 318-321; СИГТЯ, 1997, 253-255; Щербак, 1997, 116; EDAL, II, 1138) и т.д.

Часто встречающееся в алтаистических исследованиях сближение тюрк. **balqa* ~ монг. **aluqa* ~ т.-маньчж. **(p)aluqa* (ср. сол. *alqa*) «молоток» (см. EDAL, II, 1077) явно выделяется из этого ряда. Тунгусо-маньчжурские формы несомненно являются монгольскими заимствованиями, но тюрк. *balqa* (во всех источниках, вместо ожидаемого **alqa*) «молоток» требует иного объяснения и должно быть отделено от монгольских и тунгусо-маньчжурских сближений несмотря на полное совпадение значений.

Во всех остальных случаях нет никаких оснований для реконструкции в тюркских и монгольских рядах соответствий начального согласного. Спорадически появляющиеся в некоторых современных тюркских языках, среднемонгольских письменных памятниках и изолированных южно-монгольских языках формы с инициальными согласными несомненно являются вторичными. Характерный только объединяемым в южную группу тунгусо-маньчжурских языков нанайскому, ульчскому и орокскому языкам инициальный *p-*, как было уже достаточно аргументированно показано выше, образовался относительно поздно, по крайней мере, после распада тунгусо-маньчжурской этноязыковой общности. Инициальный *p-*, нерегулярно появляющийся в нанайском, орокском, ороческом и ульчском языках перед этимологическими анлаутными гласными, развился в ходе самостоятельной истории языков данной группы из более раннего *f-*, хорошо сохранившегося в маньчжурском. В свою очередь, протетический по своей природе начальный *f-* в маньчжурском является рефлексом еще более раннего *h-*, спорадически появляющегося перед анлаутными гласными в эвенкийском и эвенском языках (ср. междиалектное чередование протетических *p- ~ f- ~ χ-* в нанайском). Ряд дополнительных инициальных согласных *h- ~ χ- ~ f- ~ p-*, спорадически появляющиеся в некоторых тунгусо-маньчжурских языках (ср.: эвенк., эвен. *h- ~ ø-*, нег. *χ-*, маньчж. *f-*, нан. *χ- ~ f- ~ p-*, ороч. *χ- ~ p-*, орок. *p-*, но солон. всегда *ø-*) перед этимологическими гласными, в сущности своей являются диахроническими и диатопическими коррелятами более ранней гортанной смычки или инкурсии, развивавшейся в связи с продвижением ударения с первого слога на последующие в производных словах и словоформах. Рассмотренный выше репрезентативный материал нагляд-

но демонстрирует, что появление инициального *p*-явление сугубо тунгусо-маньчжурское и развившееся только в южной группе данной языковой семьи. Ни тюркские, ни монгольские соответствия не дают сколь-ко-нибудь аргументированных оснований для реконструкции праязыковых форм с инициальным «праалтайским» **p^c*- (**p*-, **φ*-).

Спорадически встречающиеся в старописьменных памятниках среднемонгольские формы с дополнительным анлаутным гортанным спирантом *h*- (~ *χ*-), а также соответствующие формы дунсянского, баоаньского, дагурского, монгорского, шира-югурского языков, в той или иной мере сохраняющие рефлексy старомонгольского **h*- (ср. дунс. *h*-, *χ*-, *f*-, *š*-; баоань. *h*-, *χ*-, *f*-, *š*-; дагур. *h*-, *χ*-, *š*-; монгор. *f*-, *χ*-, *š*-; ш.-юг. *h*-, *χ*-, *f*-, *š*-) не могут служить основой для реконструкции «праалтайского» **p*-, так как «начальный *h*- в среднемонгольском языке является не пережитком праалтайского **p*-, а протетическим, вторичным элементом» (Sinor, 1977, 37), развившимся из инкурсии со слабым придыханием (Владимирцов, 1929, 54; Бураев, 1987, 37-38).

Такую же природу имеют протетические согласные в тюркских языках, в том числе и инициальный *h*- в халладжском.

ЗАКОН РАМСТЕДТА – ПЕЛЛИО И ПРОБЛЕМА ПРОТЕТИЧЕСКИХ СОГЛАСНЫХ В ТЮРКСКИХ (RESP. АЛТАЙСКИХ) ЯЗЫКАХ

Начальный *-h*, как и другие протетические согласные (*v*-, *j*- и некоторые другие) в старописьменных тюркских памятниках встречается исключительно редко, причем в рунических, манихейских и уйгурских текстах он вообще отсутствует. По данным «Древнетюркского словаря», он отмечен только в двух собственно тюркских словах: *hana* «мать», *hata* «отец» (МК, I, 32: с пометой «в языке Хотана и Кенчека»; ДТС, 197), а в словаре Дж. Клоусона вообще нет ни одного слова на *h*-. Махмуд Кашгари специально подчеркивает отсутствие начального *h*- в тюркских языках (МК, I, 161). Однако мнение об отсутствии в древнетюркском анлаутного *h*- некоторыми специалистами вполне аргументированно оспаривается (см.: Ligeti, 1971, 188 и след.; Tezcan, 1975, 299-307).

Совершенно очевидно, что в данном случае возникает необычная ситуация, в какой не оказывается ни один из других согласных тюркских языков. Прекрасно понимая это, Г. Дёрфер ссылается на возможное влияние древнетюркского письменного языка, якобы обусловившее возникновение столь необычной ситуации (Doerfer, 1971, 335).

Влияние письменного языка на разговорную речь «в древнетюркскую или предшествующую ей эпоху», мягко выражаясь, Г. Дёрфером явно преувеличено. Несмотря на относительно широкое распространение древнетюркской письменности, влияние литературного

языка на нормы разговорной речи в древнетюркскую эпоху несомненно было мизерным, так как подавляющее большинство носителей тюркских диалектов в те далекие времена было неграмотным. Даже в наше время, в условиях всеобщей грамотности и мощнейшего влияния литературного языка через школу, средства массовой информации и т.п., диалектные особенности устно-разговорной речи (в их числе и произношение определенной группы слов с протетическим *h*-) продолжают сохраняться.

Вместе с тем, возникает вопрос: если древнетюркский письменный язык не отражал начальный *h*- по той причине, что говоры, послужившие основой для него, утратили *h*-, то почему не могли отражать *h*- старотюркские письменные языки? Разве отражение начального *h*-, например, в тексте «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни или, тем более, «Дивана» Махмуда Кашгари, находились в противоречии с установившимися нормами?

Известный специалист по старотюркским письменным языкам А.М. Щербак по этому поводу совершенно справедливо замечает: «многочисленные факты говорят о том, что развитие старотюркских письменных языков происходило как раз в направлении, благоприятном для стилистической кодификации отражения *h*-. Примечательно, что появление *h*- в некоторых современных языках прямо связывается с влиянием книжной нормы» (Щербак, 1976, 247).

Ссылка на влияние древнетюркского письменного языка на утрату начального *h*- не убедительна еще и потому, что протетический *h*-, за редкими исключениями, не представлен как раз в тех тюркских языках, которые развивались вне сферы распространения древней

письменной традиции и которые до недавнего времени были бесписьменными (Щербак, 1976, 246-247).

Начальный *h*- в тюркских языках, как уже было отмечено, выступает крайне нерегулярно. С одной стороны, многие слова, зафиксированные в халаджском языке с начальным *h*-, содержат его в части огузских, карлукских, кыпчакских, сарыг-югурском и, отчасти, тувинском языках, и в то же время, многим халаджским словам с начальным *h*- в тех же тюркских языках соответствуют слова с гласным началом. С другой стороны, значительная часть слов, имеющих в халаджском языке гласное начало, в других языках содержит протетические согласные *h*-, *v*-, *j*- и некоторые другие. Как показывает приведенный выше далеко не полный репрезентативный материал, по распределенности начального *h*-возможны совпадения в разных тюркских и, шире алтайских языках, но еще больше случаев, где таких совпадений не происходит, и, следовательно, для восстановления праязыкового **p*- на любом диахроническом уровне тюркских языков нет достаточных оснований.

Аспирация начальных гласных в тюркских языках несомненно явление того же порядка, что и появление начального *h*- в среднемонгольском и тунгусо-маньчжурских языках. Присутствие спиранта *h*- в среднемонгольских письменных памятниках наблюдается перед любыми гласными, но чаще встречается перед лабиализованными и *i* (Поппе, 1938, 44-47). Кстати, П.М. Мелиоранский назвал это явление «аттакированием начального гласного с придыханием» (Мелиоранский, 1904, 162) и тем самым отметил особое положение начала слова как места интенсификации дополнительных артикуляций, игравших не последнюю роль в образовании протетических согласных (Щербак, 1997, 49).

Следовательно, выявляются достаточно веские основания, чтобы говорить об обязательной для вокалического начала слова инкурсии, характерной если не для всех, то, по крайней мере, определенной части тюркских (и других алтайских) языков, которая в зависимости от различных обстоятельств приобретала конкретное звуковое качество или сохранялось в несколько неопределенном виде, не получая конкретного звукового выражения (Щербак, 1997, 49).

Возникновение протетического спиранта *h*- и его коррелятов перед анлаутными гласными или же, наоборот, утрата начального спиранта *h*- – явления универсальные, и довольно широко распространены в самых разных языках мира (см. Серебренников, 1974, 93-96, 98-99). Поэтому явления аспирации начальных гласных в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках прежде всего следует рассматривать как вполне автономные процессы, имеющие самостоятельную историю в каждой отдельно взятой классификационной группе алтайских языков.

Иными словами, общие закономерности развития аспирации начальных гласных в так называемых «алтайских» языках наиболее последовательно объясняются не генетическим родством, а типологической общностью данного явления, выходящего далеко за пределы алтайских языков.

При достаточно широкой распространенности явления аспирации начальных гласных в алтайских языках вполне закономерны схождения слов с начальным *h*- (и его закономерными коррелятами) в тюркских, монгольских и даже в тунгусо-маньчжурских языках. Квалифицировать все такие схождения как случайные или, наоборот, как генетические вряд ли правомерно. Значительная часть подобного рода лексических схождений

обязана своим происхождением историческим контактам между тюркскими и монгольскими языками, с одной стороны, и между монгольскими и тунгусо-маньчжурскими – с другой. Однако бросается в глаза, что масса тюркских слов с начальным *h*- не имеет параллелей в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках; значительная часть общих с тюркскими словами на гласные монгольских параллелей в старописьменных памятниках зафиксировано с начальным *h*- и, наоборот, часть общих с тюркскими словами на анлаутный *h*-монгольских параллелей ни в одном старописьменном памятнике не имеет начального *h*- и т.д. Такая же нерегулярность прослеживается в фонетическом облике тунгусо-маньчжурских слов, общих с монгольскими, тюркско-монгольскими и тюркскими параллелями. Инициальный спирант *h*- получает графическое отражение главным образом в старописьменных монгольских (среднемонгольских) памятниках, а древне- и старотюркские письменные памятники, наоборот, практически не фиксируют наличие начального спиранта *h*-. Тюркские по происхождению слова в среднемонгольском фиксируются с начальным *h*- (даже при отсутствии аспирации в тюркском), а в этих же словах, заимствованных тунгусо-маньчжурскими языками из монгольского значительно позже, уже после утраты *h*- в монгольском, «восстанавливается» начальный *h*- (~ *f*- ~*p*-) и т.д. (примеры см. выше).

Перечисление такого рода противоречивых моментов, возникающих при подходе к соответствующему репрезентативному эмпирическому материалу тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков с позиций закона Рамстедта-Пеллио или концепции Г. Дёрфера, можно было бы продолжить, но уже рассмотренный материал показывает, что явления спирантиза-

ции анлаута в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, хотя и являются типологически общими, но имеют вполне автономный, самостоятельный характер и развивались по внутренним фонетическим законам, присущим каждому из этих языков по отдельности. Однако значительная масса тюркских лексических интерференций в монгольские, монгольских – в тунгусо-маньчжурские внесла существенные коррективы в общую картину развития аспирации начальных гласных в каждой из групп языков и создала условия для возможности проецирования этого явления на праязыковую (пратюркскую, праалтайскую) дихроническую плоскость.

Появление гортанной смычки (условно обозначаемой знаком *h*-) перед начальными гласными или, иными словами, аспирация начальных гласных, очевидно, была присуща тюркским (да и другим алтайским) языкам с глубокой древности. Однако спирант *h*-, наиболее слабый из всех согласных звуков, видимо, никогда не имел фонематической значимости и, по этой причине, если и обозначался в письме, то крайне редко и нерегулярно. Это явление присуще не только тюркским (resp. алтайским), но и многим другим языкам. Так, например, «латинское *h*- на письме иногда не обозначалось, что свидетельствует о его ослаблении уже в классическую эпоху. В сельских говорах латинского языка оно исчезло, по-видимому, довольно рано. В более позднюю эпоху, в так называемой вульгарной латыни, оно исчезло полностью, и романские языки его уже не отражают» (Серебрянников, 1974, 93). По свидетельству М.В. Сергиевского (1952, 140), в живой разговорной речи придыхание *h*- в латинском языке стало исчезать рано. Латиняне *h* часто ставили в начале слов там, где не надо, стараясь подражать литературному произношению. В надписях с

первых же веков н.э. *h* часто пропускается совсем, но часто ставится перед гласными в начале слова там, где его никогда не было. В заключение М.В. Сергиевский подчеркивает: «Все это свидетельствует, что *h*- существовало лишь в литературном произношении, и вернее даже в написании; разговорная же речь *h*- совсем не имела, как не сохранили его и романские языки» (Сергиевский, 1952, 140). Ситуация, прямо скажем, во многом аналогичная тюркской.

Начальный спирант *h*- в тюркских языках довольно поздно получает свое графическое обозначение. В «Кодекс куманикус» он встречается главным образом в словах арабского и персидского происхождения и является скорее всего субститутом арабского «айн»а, ср.: куман. *haql*, *aql* (← араб. *ʿaqlun*) «ум, мудрость»; *hajbat* (← араб. *hajbat*) «великолепие»; *hafta* (← перс. *hafta*) «неделя»; *ham* (← перс. *ham*) «также, тоже, еще и»; *hava* (← араб. *hawāʾ*) «воздух, ветер», *hanuz*, *anuz* (← перс. *hanūz*) «до сих пор, доньше»; *heč*, *eč* (< перс. *hič*) отрицание «ни»; *haziz*, *aziz* (← араб. *ʿaziz*) «дорогой» (Grönbech, 1942, 99-104).

В старотурецких памятниках, судя по материалам «*Tarama Sözlüğü*», протетический *h*- начинает проявляться с XIV-XV вв., ср.: ст.-тур. (XIV-XV вв.) *hayva* «айва» (TS, III, 1907); *havli/avli* (XIV в.) «двор» (TS, III, 1903); *höbek* (XVI в.) «холм, бугор» (TS, III, 1928); *höl* (XVII в.) «сырость, влажность» (TS, III, 1928); *haluč* / *aluč* (XVIII-XIX вв.) «алыча» (TS, III, 1896) и т.д.

Очевидно, что графическое обозначение начального спиранта *h*- на тюркскую почву было привнесено вместе с арабографической письменностью; на первых порах спирант *h*- обозначался только в составе слов арабского и персидского происхождения, а впоследствии эта традиция постепенно стала распространяться и на ис-

конно тюркские слова. Следовательно, отсутствие графической фиксации гортанной смычки в древне- и старотюркской письменности еще не свидетельствует об отсутствии аспирации вокалического начала слова в древнетюркском языке. Поэтому мы полагаем, что в древнетюркском языке перед начальными гласными слова в определенных позициях присутствовала своеобразная инкурсия, которая в известных позициях реализовалась в виде гортанной смычки *h*- и его более поздних рефлексов. Этот гортанный, смычный, резко противопоставленный всем прочим согласным, занимает особое положение в системе тюркского консонантизма. Он никогда не встречается в середине или в конце исконных тюркских слов, а в начале слова в современных тюркских языках, в том числе и в халаджском, проявляется спорадически.

В рецензии на книгу Г. Дёрфера «Халаджские материалы» А.М. Щербак ставит такой вопрос: «Имеется ли в тюркских языках еще какой-либо глухой (сильный) согласный (имеется в виду восстанавливаемый Г. Дёрфером для пратюркского состояния **p*- — Ж.Т.), который обладал бы подобной дистрибутивной особенностью, то есть употреблялся бы только в начальной позиции? Мы глубоко убеждены, что именно в ответе на поставленные вопросы, а не в особом взгляде на материалы халаджского языка, находится ключ к решению проблемы начального *h*» (Щербак, 1973, 114).

В тюркских языках действительно нет другого такого сильного согласного, который обладал бы подобной дистрибутивной особенностью, как реконструируемый Г. Дёрфером на основе главным образом одного только халаджского *h*- пратюркский **p*-. Проанализированный выше материал полностью отвергает концепцию Г. Дёрфера и показывает, что халаджский начальный *h*-

стоит ближе к протетическим *v-*, *j-* и некоторым другим согласным.

Имеющиеся в специальной литературе объяснения появления протетических согласных в начале тюркских слов на анлаутные гласные, хотя и весьма противоречивы, но по существу сводятся к признанию существования какого-то начального консонантного элемента в анлауте тех слов, в которых в ряде языков представлены протезы.

На протетические согласные одним из первых обратил внимание В.В. Радлов (Radloff, 1882, 167). Это явление он объясняет дифтонгизацией начальных гласных и тем самым утверждает наличие в анлауте соответствующих тюркских слов дифтонгоидного элемента, который мог либо предшествовать, либо быть результатом ослабления этимологического согласного. Таким образом, если исходить из протетических *v-(w-)* и *j-*, то они исторически могут быть субститутами более сильных согласных (ср. точку зрения Н.А. Баскакова, см. СИГТЯ, 1984, 380-402).

На наличие в казахском, каракалпакском, ногойском и некоторых других тюркских языках анлаутных дифтонгизированных гласных фонем ^j*e*, ^w*o*, ^ö*ö* обратили внимание Е.Д. Поливанов (1933, 11), С.Е. Малов (1966, 13), Н.А. Баскаков (1931, 13, 16; 1940, 8, 12; 1952, П. 31-32, 45-46), Ж. Аралбаев (1959, 149-151), А. Джунисбеков (1969, 70-71; 1972, 60-62, 65-66; 1980, 17), А. Даулетов (1973, 93-98); К.Г. Мегес (Menges, 1947, 56) и др.

Спорадическая дифтонгизация инициальных гласных отмечена также в кумыкском (Дмитриев, 1940, 5-7), карачаево-балкарском (Акбаев, 1963, 29-31; Грамматика карачаево-балкарского..., 1976, 38-39), гагаузском (Покровская, 1964, 42-44, 72-73; Zajączkowski, 1966, 9), саларском (Тенишев, 1963, 103), сарыг-югурском (Тени-

шев, 1973, 108) и некоторых других языках. Протетические *v*-и *j*- характерны для чувашского анлаута, где в исконных словах *v*- регулярно выступает перед этимологическими губными гласными *o*, *ö*, *u*, *ü*, а *j*- – перед негубными *a*, *e*, *i*, *i*. Вопрос о происхождении протетических согласных *v*- и *j*- в анлауте чувашских слов во многом остается дискуссионным, тем не менее многие специалисты считают данное явление достаточно архаичным (Grönbech, 1902; Melioranskij, 1904, 498; Ряснен, 1955, 120, 214, 216; Серебренников, 1956, 82; Бишнев, 1963; Pallo, 1961a, 217-219; 1961 б, 33-44; 1963, 180-184; 1982, 101; Палло, 1985, 72-97; Федотов, 1968, 53-54; 1980, 161-165; 1996, 180-184 и др.).

В отношении протетических согласных наиболее близко к чувашскому стоит гагаузский язык (как один из представителей огузского), в котором также выступают протетические *v*- и *j*-, но распределение их несколько иное.

В гагаузском языке (а также в македонских диалектах турецкого языка) в качестве протетических (или неэтимологических) согласных выступают звуки *h*- и *j*-. Протетический *h*- появляется в начале слов перед гласным: гаг. *harpa* (< *arpa*) «ячмень»; *halma* (< *alma*) «яблоко»; *ha(j)ir*- (< *ajir*-) «выбирать»; *harmut* (< перс. *armut*) «груша»; *hişle*- (< *işle*-) «работать» и т.д.

Протетический *h*- перед анлаутным *e* возникает главным образом в заимствованных из иносистемных языков словах, например: *helbettä*, *helbetki* ~ тур. *elbette* (← араб. *albatta*) «конечно»; *hendezä* ~ тур. *endaze* (← араб. *andaza*) «локоть (мера длины)» и т.д. (Покровская, 1964, 72).

Протетический *j*- в гагаузском языке окказионально появляется главным образом перед узкими гласными *i*, *ı*, *u* и, по мнению специалистов, относится к отживаю-

щим явлениям (Покровская, 1964, 73). В.А. Мошков отмечал «йотирование» начальных гласных переднего ряда как одно из характерных явлений гагаузской фонетики (Мошков, 1904, II), однако для современного состояния это не столь характерно, так как одни и те же слова могут произноситься и без протетического согласного *j*-, например: *jinsan* / *insan* (~ тур. *insan*) «человек», *jilač* / *ilač* (~ тур. *ilač* ← араб.) «лекарство», *jüst* / *üst* «верх», *jüč* / *üč* «три», *jöküz* / *öküz* «бык», *ješek* / *ešek* «осел», *jekin* / *ekin* «слива», *jel* / *el* «рука», *jerik* / *erik* «слива», *jet* / *et* «мясо», *jev* / *ev* «дом», *jiz* / *iz* «след», *jin-* / *in-* «спускаться», *jirin* / *irin* «гний», *jürk-* / *ürk-* «пугаться, шарахаться», *jön* / *ön* «перед» и т.д. (Дмитриев, 1962, 222-227; Гафаров, 1969; Покровская, 1964, 73; СИГТЯ, 1984, 396). Перед полуширокими гласными переднего ряда *e*, *ö* нередко слышится неслоговой *j* или *ɟ*, образующий дифтонгоиды ¹*e*, ¹*ö* (Покровская, 1964, 42, 73). Перед начальными губными *o*, *ö*, *u* может возникать протетический *w*-, например, ^w*un* «мука», ^w*üčü* «дядя по линии матери», ^w*osa* «а это, оказывается», «или», ^w*uštu* «улетел», ^w*on* «десять», ^w*ölu* «сын», ^w*odun* «дрова», ^w*otuz* «тридцать» (Покровская, 1964, 42, 45, 73).

Узкие гласные *ɨ*, *i*, *ɨ̄* в гагаузском языке иногда звучат как йотированные *ji-*, *ji-*, *ju-*; в одних и тех же словах наблюдается параллельное употребление слов с начальным *j*- и без него, ср.: *jinsan* / *insan* «человек», *jisla-* / *isla-* / *isla-* «поливать», *jilač* / *ilač* «лекарство», *jič-* / *ič-* «пить», *jüzüm* / *üzüm* «виноград», *just* / *üst* «верх», «сливки» и т.д. Если в конце XIX в. В.А. Мошков отмечал наличие йотированных начальных гласных как одну из наиболее характерных черт гагаузской фонетики, то в современном языке наблюдается тенденция ослабления начального *j*- и переход его в неслоговой гласный *i*,

вследствие чего слова произносятся с дифтонгом *'e-*, ср.: *jekin* ~ *'ekin* ~ *ekin* «посев», *jel* ~ *'el* ~ *el* «рука», *jellī* ~ *'elli* ~ *elli* ~ «пятьдесят», *jeski* ~ *'eski* ~ *eski* «старый» *ješ* ~ *'eš* ~ *eš* «пара» и т.д. (Покровская, 1964, 45).

В современном гагаузском языке явно наблюдается тенденция к утрате протетического *j-*, которая захватывает и слова с начальным этимологическим *j-*. Л.А. Покровская отмечает, что анлаутный этимологический *j-* переходит в неслоговой гласный *i*, вследствие чего слова с начальным этимологическим *j-* звучат с дифтонгоидом *'e*, например: *jer* > *'er* «земля, место», *jedi* > *'edi* «семь», *ješil* > *'ešil* «зеленый», *jele* > *'elä* «грива», *jem* > *'em* «корм» и т.д. (Покровская, 1964, 45). Следовательно, есть основания считать, что в тюркских языках, видимо, довольно рано начался процесс ослабления и утраты консонантного элемента в составе анлаутных дифтонгоидов. Во всяком случае уже ранние тюркские памятники его практически не фиксируют.

Отмеченный В.А. Мошковым в гагаузском языке начальный йотированный гласный дал повод Н.К. Дмитриеву (1932-1933; 1962, 227) предположить, что начальный *je-* возник под влиянием русского и румынского языков, а другие начальные йотированные гласные переднего ряда образовались по аналогии с *je-*. «По русскому или румынскому образцу, – пишет Н.К. Дмитриев, – всякое гагаузское *e* в начале слова следует читать как *je*; и так как формы с *e* в начале слова в гагаузском многочисленнее, чем с другими гласными ..., то они, естественно, оказывали влияние и на другие звуки» (Дмитриев, 1962, 227; критику этого мнения см. Doerfer, 1959, 267). Т. Ковальский справедливо считает, что появление (равно как и исчезновение) начального *j-* перед этимологическими гласными переднего ряда, особенно перед *e*, можно одинаково считать и славянским влия-

нием, и тюркской чертой, так как это явление sporadически встречается и в тех тюркских языках, где славянское влияние не прослеживается (Kowalski, 1933, 22-23).

Итак, по наблюдениям Л.А. Покровской, выясняется, что начальные гласные *e* и *ö* в современном гагаузском языке произносятся как дифтонгоиды ¹*e*, ²*ö* / ¹*ö*; кроме того, для гагаузского языка характерен также начальный дифтонгоид ²*o*-, выступающий на месте этимологического инициального *o*. Эти три дифтонгоиды ¹*e*-, ¹*ö*- / ²*ö*-, ²*o*- представляют собой явление одного порядка: неслоговые *u*-, *ü*-, *i*- здесь являются как бы подступом к полушироким гласным *o*, *ö*, *e* (Покровская, 1964, 43).

По наличию восходящих дифтонгов ²*o*-, ²*ö*- / ¹*ö*, ¹*e* в анлаутной позиции на месте соответствующих этимологических *o*, *ö*-, *e* гагаузский язык сближается, с одной стороны, с тюркскими языками канглыйско-кыпчакской группы (казахским, каракалпакским, ногайским и др.), а с другой – с чувашским, в котором на месте гагаузских дифтонгоидов выступают соответствующие гласные с протетическими *v*- (перед губными гласными) и *j*- (перед негубными гласными).

Так, например, по характеристике Н.К. Дмитриева, в кумыкском языке гласный *o* в анлаутной позиции полностью совпадает с гласным *o* в гагаузском языке: «кумыкское *o*, так же, как *o* других тюркских языков кыпчакского типа, представляет собой нечто вроде восходящего дифтонга *uo*, т.е. комбинации *u* (*u* неслогового) с собственно гласным *o*. Звуковая ощутимость этого добавочного элемента (т.е. *u*) различна в зависимости от ударения и положения в слове: в коротких словах и под ударением (*от* «огонь», *онда* «там», *орам* «улица» и т.д.) эта особенность выражается ярче, чем в других

случаях, когда она почти неуловима на слух» (Дмитриев, 1940, 5-6).

Дифтонгизация анлаутных гласных отмечается в казахском (Досқараев, Мусабаев, 1951, 13), каракалпакском (Баскаков, 1952, 44), ногайском (Баскаков, 1940, 12) и ряде других языков. Остановимся на них подробнее.

С.В. Малов указывает на наличие сильно дифтонгизированных анлаутных гласных ^je, "o, "õ в каракалпакском языке. Он, в частности, отмечает: «Из гласных особого упоминания заслуживают начальные полуузкие e, o, ø, которые дифтонгизируются и произносятся как ^je, "o, "ø. Например, *je*ki «два», "ol «он», "ølyt «смерть». В отдельных индивидуальных случаях эта дифтонгизация так сильна, что я слышал и у меня имеется в записях: *je*ki «два», *je*ne «мать жены» и др.» (Малов, 1966, 13). Ж. Аралбаев отмечает, что в каракалпакском языке, по сравнению с казахским и ногайским, дифтонги *je*, *wo*, *wõ* сильнее выражены (Аралбаев, 1959, 149-151). Е.Д. Поливанов по этому поводу пишет: «Дифтонгизацию начальных полуузких в каракалпакском языке я называю максимальной потому, что здесь (как и в казахском, а, по-видимому, и в северо-хорезмском узбекском) дифтонг ^je, восходящий к начальному e, оказывается равным в физическом отношении не начальному комплексу *je* (исконно состоящему из двух фонем: *j* + e). Вполне параллельной к этому ^je нач. e оказывается и степень дифтонгизации, т.е. мощность начальных элементов в рефлексах двух других начальных полуузких: *wø* нач. ø, *wo* нач. o» (Поливанов, 1933, 11).

Н.А. Баскаков также обращает внимание на то, что гласные e, o, õ в абсолютном начале слова в каракалпакском языке представляют собой дифтонгизированные формы, иначе говоря, гласный e (орф. e) в своем начале име-

ет сонантный согласный звук *j*-, а гласные *o* и *ö* начинаются с сонанта *w*- (Баскаков, 1931, 13,16; 1952, 31-32).

Аналогичная картина по отношению к инициальным гласным *e*, *o*, *ö* наблюдается и в казахском языке, ср.: *ʲer* «муж, мужчина», *ʲekī* «два», *ʲendī* «теперь»; *ʷögiz* «вол», *ʷös-* «расти», *ʷöt* «желчь», *ʷöšir-* «погасить»; *ʷoq* «стрела», *ʷojla-* «думать», *ʷojna-* «играть», *ʷon* «десять», *ʷorīn* «место» и т.д. А. Джунибеков, например, отмечает, что дифтонгоидность *o* особенно сильно проявляется в анлаутном положении, когда начальный элемент звучит как *w*-, например, слово *on* «десять» фонетически реализуется как *won*, поэтому русскими на слух оно воспринимается как «вон» (Джунибеков, 1972, 61). Такое же произношение характерно для анлаутного *ö* в казахском языке. В начальном положении гласный *e* в казахском языке имеет *j*-образное начало, которое, по данным экспериментальных исследований А. Джунибекова, составляет около 40% общей длительности гласного (Джунибеков, 1972, 65-66).

Исследователи казахского и каракалпакского языков дифтонги *je-*, *wo-*, *wö-* обычно рассматривают как позиционные варианты соответствующих гласных *e*, *o* и *ö*, встречающиеся в начале слов. Однако такой точке зрения противоречит ряд фонетических и фонематических фактов и, прежде всего, данные экспериментальных исследований, которые однозначно указывают, что инициальные *e* [*je-*], *o* [*wo-*] и *ö* [*wö-*] в казахском и каракалпакском языках состоят из двух самостоятельных звуков (Джунибеков, 1969, 70-71; Даулетов, 1973, 96-98 и др.).

По данным кинофотосъемки, при произношении анлаутных губных гласных *o* и *ö* вначале отчетливо выделяется билабиальный согласный *w*, а затем уже следует гласные *o* и, соответственно, *ö*; точно так же при произ-

ношении инициального *e* сначала четко выделяется среднеязычный согласный звук *j*, а затем уже следует гласный *e*. Следовательно, во всех случаях произносятся два самостоятельных звука: сонант (*w*, *j*) и гласный (*o*, *ö*, *e*). Длительность произношения *je-*, *wo-*, *wö-* в среднем почти равна длительности бесспорно бифонематических сочетаний типа *le-*, *me-*; *lo-*, *mo-*; *lö-*, *mö-*. Кроме того, длительность *je-*, *wo-*, *wö-* почти вдвое превышает длительность гласных *e*, *o*, *ö*. Все это подтверждает вывод о том, что так называемые дифтонги *je-*, *wo-*, *wö-* состоят из двух фонем (подробнее см.: Джунисбеков, 1969, 70-71; Даулетов, 1973, 96-98).

В результате осциллографических, рентгенографических и спектрографических исследований А. Джунисбеков пришел к заключению, что в казахском языке не девять, а шесть гласных монофтонгов и три монофонемных дифтонга: «*e*, *o* и *ö* – монофонемные ложные восходящие дифтонги, состоящие из следующих составных компонентов: *e* – [*j* + *i*]; *j* – [*w* + *u*]; *ö* – [*w* + *ü*]» (Джунисбеков, 1980, 17, 21). Говоря иными словами, по сути мы здесь сталкиваемся со случаем своеобразного проявления протетических согласных. Кстати, впервые на это обратил внимание Н.К. Дмитриев. «Если своеобразная протеза в виде начального *й* [*j*], – пишет он, – могла иметь связь с кыпчакской (точнее с канглыйско-кыпчакской. – Ж.Т.) тенденцией появления *и* неслогового перед каждым начальным *e* (ср. казахское произношение ^и*eki* – «два», ^и*edi* – «он был» и т.д.), то кыпчакское *y* || *y* неслоговое перед каждым начальным *o* и *ö* (ср. ^у*он* – «десять», ^у*өл* – «умри» и т.д.) могло способствовать появлению протетического *в*. Немногие примеры на этот случай имеются в турецком языке: ср. тур. *vur*, аз. *вур* «бей» || тюрк. *ур* и др.» (Дмитриев, 1955, 286).

А.М. Щербак предполагает, что «такие тюркские языки, как гагаузский, казахский, каракалпакский, кумыкский, карачаево-балкарский и ногайский, находятся на пути к развитию соответствующей протезы. В названных языках на месте общетюркских широких лабиализованных гласных *o* (*ō*), *ö* (*ö:*) появились дифтонги и наблюдается тенденция к превращению их начального элемента в *w*...» (Щербак, 1970, 179-180).

Однако нельзя исключить и возможность того, что в некоторых тюркских языках в различных преломлениях сохранилось более старое состояние языка. Представленные в разных тюркских языках протетические согласные *h*-, *v*- и *j*- скорее всего явления одного порядка, развившиеся из анлаутного придыхательного приступа (гортанной смычки). Весьма показательна в этом отношении позиционная обусловленность разных вариантов протетических согласных: *h*- (*γ*-, *χ*-) обычно может появляться перед любыми гласными, *v*- (*w*-) – перед лабиализованными, *j*- перед нелабиализованными переднерядными. В гагаузском языке, например, протетический *w*- может появляться перед начальными губными гласными, а протетический *j*- перед узкими нелабиализованными *i*, *i*, а также перед лабиализованными *ï* и *ö* переднего ряда (Покровская, 1964, 42-45, 73). Поэтому данные протетические согласные соответственно можно квалифицировать как лабиализованный (*w*-) и палатализованный (*j*-) варианты протетического *h*-, спорадически появляющегося перед широкими (и не только) гласными. Спорадичность протетического *h*-, очевидно, обусловлена специфическими особенностями данного звука, произносящегося как легкое придыхание в начале слов (в середине и конце слов *h* совершенно исчезает): звук *h*- в анлаутной позиции звучит настолько слабо, что почти

не воспринимается на слух и самими гагаузами (Покровская, 1964, 57, 72-73).

Неопределенность константов в тюркологической науке относительно протетических согласных требует по возможности расширенного и углубленного изучения этого вопроса. Не претендуя на полноту охвата материала и глубину его анализа, здесь мы приводим только некоторые свои соображения относительно генезиса протетических согласных в стандартных тюркских языках и в чувашском.

Протетический *v*- зафиксирован в джушском говоре узбекского языка (Ахмедов, 1962, 8, 9, 17, 19), где он чаще всего появляется перед губными гласными *э, о, ö, и, ü*; ср.:

vəjuw «медведь»: узб. *ajiq*, каз. *ajuw*, др.-тюрк. *aduy, adıy, ajıy*, сал. *atıx* «медведь»;

vəta «отец»: узб. *əta*, каз. *ata*, др.-тюрк. *hata*, туркм. *ata*, диал. *āta*, тур., аз. *ata* «отец»;

vət «конь»: узб. *ət*, каз. *at*, др.-тюрк. *at*, гаг. *hat*, халладж. *hat*, с.-юг. *hat*, чув. *ut* «конь»;

vəlti «шесть»: узб. *əlti*, каз. *altı*, др.-тюрк. *alti*, халладж. *halta*, чув. *ulDā, ulttā* «шесть»;

vəç- «открывать»: узб. *əç-*, каз. *aş-*, др.-тюрк. *aç-*, с.-юг. *haş-*, чув. *uş-* «открывать»;

vəş «птица, еда»: узб. *əş*, каз. *as*, др.-тюрк. *aş*, туркм. *aş*, гаг. *āş*, халладж. *āş, āş*, якут. *as* «кушанье, еда, пища»;

von «десять»: узб. *ün*, диал. *ōn, oʷn*, каз. *ʷon*, др.-тюрк. *on*, туркм. *ōn*, гаг. *uon*, якут. *uon*, чув. *vun(ā)*, *von(nā)* «десять»;

vottis «тридцать»: узб. *üttiz*, каз. *ʷotiz*, др.-тюрк. *otuz*, туркм. *otuz*, халладж. *hottuz*, чаг. *oltuz*, кирг. *oltus*, як. *oltut*, чув. *vāDār* «тридцать»;

vördäk «утка»: узб. *ördäk*, диал. *ʷördäk, hördäk*, с.-юг. *jürdek*, гаг. *jördek*, туркм. *ö:rdek* «утка»;

vulim «мой сын»: узб. *oʻyil*, каз. *ül*, др.-тюрк. *oʻyul*, туркм. *oʻyul*, якут. *uol*, гаг. *öl*, чув. *iväl* «сын»;

vuzin «длинный»: узб. *uzun*, каз. *üzün*, туркм. *uzün*, диал. *uzzin*, чув. *vārām* «длинный», «долгий»;

vüč «три»: узб. *uč*, диал. *üč*, каз. *üş*, кар. *јіс*, хорас. *ič*, тур. диал. *ü:š*, халадж. *ič*, *ü:č*, чув. *vis(ě)* «три»;

vüčün «для», «ради»: узб. *üčün*, каз. *üşin*, др.-тюрк. *üčün*, туркм. *üčün*, як. *isin*, чув. – *šän / -šän* «для, ради, чтобы»;

vürk- «(ис)пугаться»: узб. *ürk-*, *hürk-*, каз. *ürk-*, туркм. *ürk-*, диал. *hürk-*, гаг. *jürük-*, аз. *hürk-*, чув. *ěřx-* «пугаться, понести» и т.д.

Вопросом происхождения начального *v-* в джушском говоре узбекского языка тюркологи специально не занимались. А.М. Щербак предполагает, что и здесь наиболее вероятен путь возникновения протезы из инкурсии. Что касается зависимости качественных особенностей протетического согласного от характера последующих гласных, то для джушского говора узбекского языка она не мотивирована только в случае с начальным *a*. Впрочем, если начальный *a* был хоть сколько-нибудь лабиализованным (ср. узб. *ɔ < *a*), зависимость от него качества протезы *v-* вполне реальна (Щербак, 1970, 181).

Для исконных слов чувашского языка характерны протезы *v-* и *j-*. Протетический *v-* в анлауте чувашских слов регулярно выступает перед этимологическими лабиальными гласными, а протетический *j-* – перед нелабиализованными, причем, они чаще всего появляются перед первичными анлаутными долгими гласными (см.: Щербак, 1970, 179-185; Федотов, 1980, 161-165; 1996, 180-184; СИГТЯ, 1984, 380-402), ср.:

1) протеза *v-*:

пратюрк. **ö:kü* «прорубь»: туркм. *öjü*, каз., к.-калп. *üki*, чаг. *ögü, ökü* ~ др.-булг. *vēkü* (→ венг. *vék*) > чув. *vak, vaGā* «прорубь» (Räsänen, 1969, 370; Егоров, 1964, 45; ЭСТЯ, 1974, 517; Федотов, 1996, I, 96; 2002, 49);

пратюрк. **ö:z* «середина, сердцевина», «сущность», «сам»: туркм. *öz*, якут. *üös*, гаг. *jöz*, каз. *öz* ~ чув. *var* «середина, сердцевина»; «внутренность»; «лучшая часть волокна»; «овраг» (Räsänen, 1969, 376; ЭСТЯ, 1974, 506-512; Федотов, 1996, I, 99-101; 2002, 50-51);

пратюрк. **öt* «желчь»: туркм. *öt*, диал. *öd*, гаг. *jöt*, якут. *üös*, каз. *öt* ~ чув. *vat* «желчь» (Räsänen, 1969, 376; Егоров, 1964, 102; ЭСТЯ, 1974, 504-505; Федотов, 1996, I, 102; 2002, 52);

пратюрк. **öjun* «игра»: туркм. *ojun*, якут. *öjñü, öñjü*, каз. *ojün* ~ чув. *vájä* «игра» (Räsänen, 1969, 359; Егоров, 1964, 48; ЭСТЯ, 1974, 435-437; Федотов, 1996, I, 104-105; 2002, 53);

пратюрк. **öküz* «бык»: туркм. *öküz*, якут. *oyus*, гаг. *jöküz, *öküz*, уйг. *höküz*, узб. *hükiz*, каз. **ögüz* ~ чув. *vā-Gār, māGār* «бык» ~ ср.-монг. *hüker, SH хукер, НУ хугер*, дагур. *хукур, hukure*, дунс. *fugie(r)*, монгол. *fugor*, минхэ *хукур* «бык» ~ венг. *ökör* (1325/1351: *vkur*, 1330: *wkur*, 1326/1470: *ewker; oker, wker, ewker, öker, eker*) «бык; вол; крупный рогатый скот» (Räsänen, 1969, 370: **(h)ökür*; Егоров, 1964, 48; ЭСТЯ, 1974, 521-523; Федотов, 1996, I, 105-106; 2002, 53; EDAL, II, 1168-1169);

пратюрк. **ol* (< **öl*?, ср. у W. Joki *o:l*) «он» ~ туркм. *ol*, узб. диал. *hu, wu*, каз. *ol* ~ чув. *väl, vālā* «он» (Егоров, 1964, 48; Räsänen, 1969, 360; ЭСТЯ, 1974, 444-446; Федотов, 1996, I, 106; 2002, 53-54);

пратюрк. **ūr-* «бить, ударять»: туркм. *ur-, wur-*, тур., аз., крым. *vur*, тур. диал. *vür-*, каз. *ūr-* ~ чув. *vār-* «бить», *vārān-* «броситься», *vārŽā* «война» (Егоров, 1964, 48-49);

Räsänen, 1969, 357; ЭСТЯ, 1974, 599-601; Федотов, 1996, I, 107-108; 2002, 54);

пратюрк. **uza-* «быть длинным, долгим», **uzun* «длинный»; **uzaq* «долгий, длительный»: туркм. *uza-*, якут. *uħa-*, каз. *ÿza-* ~ чув. *vāraħ* «долго», «длительный», *vārām* «длинный» (Егоров, 1964, 49, 50; Räsänen, 1969, 518; ЭСТЯ, 1974, 570-572; Федотов, 1996, I, 108-109, 110; 2002, 55);

пратюрк. **odyan-* «просыпаться»: туркм. *oĵan-*, якут. *usuyun-*, тув. *odun-*, каз. **oĵan-* ~ чув. *vāran-* «просыпаться» (Егоров, 1964, 49; Räsänen, 1969, 357; ЭСТЯ, 1974, 430-432; Федотов, 1996, I, 108; 2002, 54);

пратюрк. **uru* «семья», «род»: туркм. *urū*, якут. *urū*, лобн. *oĵoĵ*, с.-юг. *oru*, каз. (*u*)*ru* ~ чув. *vārā* «семья»; чув. *āru* «род» ← тат. *ÿru* «род» (Егоров, 1964, 49; Räsänen, 1969, 516; ЭСТЯ, 1974, 604-606; Федотов, 1996, I, 109; 2002, 55);

пратюрк. **orta* «середина»: туркм. *orta*, каз. **orta* ~ чув. *vāDa* (< **vārDa*, ср. *vārDaħ* «свойственник», «посредник» ~ тюрк. *ortaq*, каз. **ortaq* «общий») «середина» (Егоров, 1964, 51; ЭСТЯ, 1974, 474-476; Федотов, 1996, I, 112-113; 2002, 57);

пратюрк. **utan-* «стыдиться»: туркм. *utan-*, чаг. *utyān-*, кумык. *utan-* ~ чув. *vāDan-* «стыдиться, стесняться» (Егоров, 1964, 51; Räsänen, 1969, 517: < **ud* «стыд»; ЭСТЯ, 1974, 609-610; Федотов, 1996, I, 113; 2002, 57);

пратюрк. **otuz* «тридцать»: туркм. *otuz*, якут. *otut*, каз. **otiz*, чаг. *oltuz*, кирг. *oltuz* ~ чув. *vāDar* «тридцать» (Егоров, 1964, 51; Räsänen, 1969, 361; ЭСТЯ, 1974, 489; Федотов, 1996, I, 113-114; 2002, 57);

пратюрк. **ōr-* «вить, плести»: туркм. *ōr-*, аз. *hōr-*, гаг. *jōr-*, каз. **ōr-* «плести» ~ чув. *věr-* в составе *vėren* «веревка» ~ тюрк. **ōr-ken* «веревка» (Егоров, 1964, 52;

Räsänen, 1969, 373-374: < * (h)ä:r-; ЭСТЯ, 1974, 544-546; Федотов, 1996, I, 117-118; 2002, 59);

пратюрк. **üč* «конец»: туркм. *üč*, аз. *už*, тур. диал. *öč*, каз. *üš* ~ чув. *věš* «конец» (Егоров, 1964, 52; Räsänen, 1969, 508; ЭСТЯ, 1974, 611-612; Федотов, 1996, I, 119-120; 2002, 60);

пратюрк. **uč*- «летать»: туркм. *uč*-, алт. (туба) *üč*-, каз. *üš*- ~ чув. *věš*- «летать» (Егоров, 1964, 53; Räsänen, 1969, 509; ЭСТЯ, 1974, 612-613; Федотов, 1996, I, 119; 2002, 59);

пратюрк. **üt*- «палить, опливать»: туркм. *üt*-, к.-балк. *ijüt*-, ср.-кыпч. *üt*-, чаг. *üt*-, каз. *ijt*- «спалить (волосы)», башк. *öt*- «палить» ~ чув. *vět*- «палить, бить» (Егоров, 1964, 53; ЭСТЯ, 1974, 640; Федотов, 1996, 120; 2002, 60);

пратюрк. **üča* «крестец»: туркм. *üča*, тур. *uča*, якут. *иһа*, каз. *üšä* «филейная часть баранины» (Катаринский, 1897, 225) ~ чув. *vāča*, *věčē* «крестец, крестцовая кость» (Егоров, 1964, 53; ЭСТЯ, 1974, 566-567; Федотов, 1996, I, 120-121; 2002, 60);

пратюрк. **ö:č* «месть, вражда»: туркм. *ö:č*, якут. *ös*. узб. диал. *höč*, *ö:č*, аз. *öč*, каз. **öš* ~ чув. *věčē*, *věčē* «месть» (Егоров, 1964, 53; ЭСТЯ, 1974, 558-559; Федотов, 1996, I, 121; 2002, 60-61);

пратюрк. **ö:l* «влага», «мокрый»: туркм. *ö:l*, якут. *üöl*, туркм. диал. *hö:l*, *höl*, к.-калп. *höl*, уйг. *höl*, узб. *hül*, хорас. *hēl*, уйг. *jöl*, каз. **öl* ~ чув. *vil* «влага», *vil šiv* «роса» (ЭСТЯ, 1974, 524-525; EDAL, II, 1169);

пратюрк. **ö:l*- «умирать»: туркм. *öl*-, тур. диал. *ö:l*-, кыз. *ö:l*-, гаг. *jöl*-, с.-юг. *jül*-, *jul*, сал. *ul*-, *ü*-, каз. **öl*- ~ чув. *vil*- «умирать» *vēler*- «убивать» < тюрк. *ölür*- (Егоров, 1964, 51, 53-54; Räsänen, 1969, 371; ЭСТЯ, 1974, 525-527; Федотов, 1996, I, 115, 122-123; 2002, 58, 61);

пратюрк. **ō:r* «верх»: туркм. *ō:r*, с.-юг. *jür*, каз. *ör* ~ чув. *vir* «верх», ср. еще *vērlēk* «жердь» < тюрк. *örlük* «стяг, мачта»: *virlē* «сильный» < **örli* «имеющий верх»; *virGēš* «грива, возвышенное место» ~ каз. **örkeš* «горб у верблюда»; ср. каз. **öre* «место, куда кладут курут для высушки»; «высота лошади, когда она встает на задние ноги»; «сила»; «возможность, способность (человека)»; **örle-* «подниматься вверх» (Räsänen, 1969, 373; ЭСТЯ, 1974, 542-544; Федотов, 1996, I, 118-119, 124; 2002, 59, 62; EDAL, II, 1173);

пратюрк. **ört* «пожар», «пал»: туркм. *ört*, гаг. *jörtlen*, якут. *ört*, каз. **ört* ~ чув. *virt* «пожар (в степи)», «пал»; *vi(r)tle-* «дразнить» (< **ört-le-* «раздражать, распаливать») (Егоров, 1964, 55; Räsänen, 1969, 375; ЭСТЯ, 1974, 550-551; Федотов, 1996, I, 125; 2002, 62);

пратюрк. **ölč(e)*- «мерить», **ölč* «мера»: туркм. *ölče-* тур. *ölč-*, гаг. *jölč-*, каз. **ölče-* ~ чув. *viš-* (< **vilš-*) «мерить, взвешивать», *viže* (< **vilže* < **ölček*) «мера» (Егоров, 1964, 55; Räsänen, 1969, 371; ЭСТЯ, 1974, 529-230; Федотов, 1996, I, 125-126; 2002, 62-63);

пратюрк. **üč* «три»: туркм. *üč*, кар. г. *jič*, каз. *üč* ~ чув. *viš*, *vižē* «три», *viššē* (< тюрк. **üčegü*) «три, тройка», ср.-булг. *wäž*, *wüž* «три» (Егоров, 1964, 55; Räsänen, 1969, 518; ЭСТЯ, 1974, 641-642; Федотов, 1996, I, 126-127; 2002, 63);

пратюрк. **ört-* «покрывать»: туркм. *ört-*, тур. *ört-*, узб. диал. *hörä-*, гаг. *jört-*, сал. *öxt-*, куман. *ört-* ~ чув. *vit-* (< **virt-* «крыть, покрывать») (Егоров, 1964, 55; Räsänen, 1969, 375; ЭСТЯ, 1974, 551-552; Федотов, 1996, I, 127; 2002, 63);

пратюрк. **öt-* «проходить», «проникать»: туркм. *öt-*, с.-юг. *jüt-*, каз. *öt-* ~ чув. *vit-* «проникать», «просачиваться», «пронимать» (Егоров, 1964, 55; Räsänen, 1969,

376; ЭСТЯ, 1974, 554-555; Федотов, 1996, I, 127; 2002, 63);

пратюрк. **ötün-* (< **öt-kün-*) «просить», «умолять»: туркм. *ötün-*, др.-тюрк. *ötkün-*, уйг. *ötän-*, кар. *öten-*, каз. **ötin-*, гаг. *jödün-* ~ чув. *viDēn-* «просить», «молить», «умолять» (Егоров, 1964, 56; Räsänen, 1969, 376; ЭСТЯ, 1974, 557-558; Федотов, 1996, I, 127-128; 2002, 63);

пратюрк. **öl / *ül* «основание», «основа», «дно», ср.: туркм. *oltan*, др.-тюрк. *oldan*, уйг., кирг. *ultan*, якут. *ölteŋ*, кумык. диал. *ortan* «подошва», каз. **ülтан* ~ чув. *vulä* «ствол»; *välta* (~ тур. *olta*) «удочка» (т.е. «ствол удочки») (см.: Федотов, 1996, I, 130; 2002, 65; Егоров, 1964, 57; ср.: ЭСТЯ, 1974, 448-451; 587-591; EDAL, I, 616; Щербак, 1997, 161, 232; Doerfer, 1965, 117-118);

пратюрк. **ōn* «десять»: туркм. *ōn*, узб. (диал.) *ōn* (в составе *ōnaqi* «двенадцать»), якут. *uon*, узб. диал. *oʷn*, тур. диал. *ōn* (в составе *ōŋ gūn*), каз. **on* ~ чув. *vin*, *von*, *vān* «десять»; *vinnā*, *vonnā*, *vāʷnnā* «десятка» (< тюрк. **onoŋu*) ~ ср.-булг. *vaʷn* ~ *von* «десять» (Егоров, 1964, 57; Räsänen, 1969, 362; Федотов, 1996, I, 130-131; 2002, 65; ЭСТЯ, 1974, 455-456; Clauson, 1959, 20-25);

пратюрк. **ōp-* «пожирать», «заглатывать»: як. *uop-*, тур. *op-*, каз. **op-* ~ чув. *vip-*, *vāp-* «пожирать», «проглатывать, заглатывать»; *vipkān* «прожора»; «название злого духа»; *vuBār* (< тюрк. **obur* ~ *ıpır*, гаг. *hobur*) «упырь, название злого духа» (Егоров, 1964, 57; Räsänen, 1969, 363; ЭСТЯ, 1974, 464-465; Федотов, 1996, I, 131-132; 2002, 65-66);

пратюрк. **ot* «трава»: туркм. *ot*, якут. *ot*, с.-юг. *ut*, каз. **ot* ~ чув. *uDā*, *ut*, диал. (верх) *vuDā* «трава», «сено» (Егоров, 1964, 279; Räsänen, 1969, 366; ЭСТЯ, 1974, 481-483; Федотов, 1996, II, 294-295; 2002, 364);

пратюрк. **ōt* «огонь»: туркм. *ōt*, с.-юг. *ōt*, узб. диал. *ōd*, якут. *uot*, аз. *od*, тур. диал. *od*, *öd*, каз. **ot* ~ чув. *vit*,

диал. *vit*, *vāt* «огонь» (Егоров, 1964, 57, 58; Räsänen, 1969, 366; ЭСТЯ, 1974, 483-484; Федотов, 1996, I, 133-134; 2002, 66);

пратюрк. **ōtun* «дрова», «топливо»: туркм. *ōdun*, тур., гаг., аз. *odun*, кирг. *otun*, каз. **otīn* ~ чув. *vuDā*, *vut* «дрова» (Егоров, 1964, 57; Räsänen, 1969, 366; ЭСТЯ, 1974, 421-422; Федотов, 1996, I, 134; 2002, 66);

пратюрк. **ōčaq* (< **ōt-čaq*) «очаг»: туркм. *ōžaq*, якут. *osoχ*, тур. *ožak*, аз. *ožag*, гаг. *ožäk*, каз. **ošaq* ~ чув. *vužax*, *vāžax* «очаг», «горнушка» (Егоров, 1964, 58; Räsänen, 1969, 356; ЭСТЯ, 1974, 422-425; Федотов, 1996, I, 134-135; 2002, 67);

пратюрк. **or-* «жать, пожинать»: туркм. *or-*, тур. *ora-*, каз. **or-* ~ чув. *vir-* «жать», «косить» (Егоров, 1964, 59; Räsänen, 1969, 364; ЭСТЯ, 1974, 468-469; Федотов, 1996, I, 137; 2002, 68);

пратюрк. **orun* «место»: туркм. *orun*, якут. *oron*, каз. **orin* ~ чув. *virān* «место», «постель» (Егоров, 1964, 59; Räsänen, 1969, 365; ЭСТЯ, 1974, 477-479; Федотов, 1996, I, 137-138; 2002, 66) и др.

2) протеза *j-*:

пратюрк. **āyir* «тяжелый»: туркм. *āyir*, салар. *āyār*, *āyīr*, уйг. *eγir*, якут. *iar*, каз. *awīr* ~ чув. *jivār*, *jāvār* «тяжелый» (Егоров, 1964, 82-83; Räsänen, 1969, 8; ЭСТЯ, 1974, 85-86; Федотов, 1996, I, 178-179; 2002, 89);

пратюрк. **ayač* «дерево»: туркм. *ayač*, аз. *ayač*, гаг. *āč*, др.-тюрк. *jyač*, *γāč*, тув. *ijač*, уйг. *jaγač*, узб. *jγuč*, лобн. *jyač*, кирг. *žyač*, с.-юг. *jγāč*, каз. *ayač* ~ чув. *jivāš*, диал. *jāvāš*, *juš* «дерево» (Егоров, 1964, 83; Räsänen, 1969, 7; ЭСТЯ, 1974, 71-73; Федотов, 1996, I, 179; 2002, 89);

пратюрк. **ī:l-* / *īl-* «прицеплять, привязывать»: туркм. *īl-*, к.-калп. *il-*, каз. **īl-*, гаг. *jiliš-* «прицепляться» ~ чув. *jāl-*

в составе *jälä* (< **ilig*) «петля» (Егоров, 1964, 73-74; Ramstedt, 1949, 56-57; ЭСТЯ, 1974, 343-346; Федотов, 1974, 190; 2002, 90);

пратюрк. **ini* «младший брат»: туркм. *ini*, с.-юг. *ini*, *ene*, *ni*, чаг. *inäk*, каз. *inī* «младший брат» ~ чув. *jāmāk* (< **ini-k*) «младшая сестра» (семантика в чув. «перевернута» по табуистическим соображениям) (Räsänen, 1969, 172; ЭСТЯ, 1974, 362-363; ошибочно: Ramstedt, 1922-1923, 20; Егоров, 1964, 74; Федотов, 1996, I, 182; 2002, 91);

тюрк. **izan* «межа»: ног. *izan*, тат. *izan*, башк. *ïdan*, кумык. *hizan* «межа», «граница» ~ чув. *jāran* «межа», «грядка» (Егоров, 1964, 75; ЭСТЯ, 1974, 647-648; Ramstedt, 1949, 71-72; 157, 112, 144; Poppe, 1960, 81; Федотов, 1996, I, 185; 2002, 92);

пратюрк. **üzengi* ~ **ezeṅgi* «стремля»: туркм. *üzengi*, гаг. *jözengi*, каз. *üzengi*, тув. *ezeṅgi*, с.-юг. *ezeṅi*, хак. *izeṅe*, якут. *iseṅe*, *iṅese* ~ чув. *jārana* (< **ireṅe*; *ēZenGē* ← ср.-кыпч.) «стремля» (Егоров, 1964, 76; Ramstedt, 1957, 67, 149; Räsänen, 1969, 524; Poppe, 1960, 82; ЭСТЯ, 1974, 623-625; СИГТЯ, 1997, 548-549; Róna-Tas, 1982, 120-122; Федотов, 1996, I, 185-186; 2002, 92);

пратюрк. **ırqaq* «крюк, петля»: др.-тюрк. *ıryaq*, каз. *ıryaq*, тат. *ıryaq* ~ чув. *jāryaḡ* «крюк», «вешалка» (Егоров, 1964, 76; Федотов, 1996, I, 186; 2002, 92-93);

пратюрк. **īs* «запах»; «угар»: туркм. *īs*, узб. *is*, аз. *his*, башк. *jīṣ*, *iṣ*, якут. *īs*, каз. *is* ~ чув. *jās* «дым», «копоть»; «угар», «чад» (Егоров, 1964, 76; ЭСТЯ, 1974, 379-380, ср. также: 380-382; Федотов, 1996, I, 186-187; 2002, 93);

пратюрк. **it-* «толкать», **itir-* «толкать»: туркм. *it-* «таскать за собой», *it-*, *iter-*, аз. (диал.) *id-* (< **it-* ?), *kap. ijt-*, *hit-*, уйг. (диал.) *išt-*, каз. *ijter-*, гаг. *jitir-* «толкать» ~ чув. *jāt-* «поднимать (на себя)», «таскать»; *jāDārila-*

«поднимать тяжести», «нести» (Егоров, 1964, 76; Räsänen, 1969, 174; ЭСТЯ, 1974, 386-387; Федотов, 1996, I, 187; 2002, 93);

пратюрк. **it* ~ **it* «собака»: туркм. (*j*)*it*, якут. *it*, тур. *it*, аз. *it*, ног. *ijt*, к.-калп. *ijt*, уйг. (диал.) *išt*, с.-юг. *ešt*, сал. *išt*, каз. *ijt* ~ чув. *ju*, *juDā*, *jāDā* «собака» (Егоров, 1964, 83; Räsänen, 1969, 174; ЭСТЯ, 1974, 385; Федотов, 1996, I, 187-188; 2002, 93);

пратюрк. **ik*- «веретено»: туркм. *ik*, диал. *ijk*, *iq*, тур. *ij-*, аз. *ij-*, кирг. *ijik*, узб. *jik*, *žik*, уйг. диал. *jik*, лобн. *jik*, др.-тюрк. *jig*, с.-юг. *žik*, к.-калп. *ijik* ~ чув. *jěGe* «веретено» (Егоров, 1964, 77; Räsänen, 1969, 170; ЭСТЯ, 1974, 336-337; Федотов, 1996, I, 190; 2002, 94);

пратюрк. **ēgeg* «напильник»: туркм. *ige*, крым. *ege*, тур. *eje*, чаг. *egek*, уйг. *igāk*, якут. *igī*, карач. *jejew*, каз. *egew* ~ чув. *jěGe(w)* «подпилок» (Егоров, 1964, 77; Räsänen, 1969, 38; ЭСТЯ, 1974, 326-328; Федотов, 1996, I, 190; 2002, 94);

пратюрк. **ekiz* «близнецы, двойня»: туркм. **ekiz*, аз. *ākiz*, гаг. *ikiz*, якут. *igirie* (← монг.), каз. *egiz* ~ чув. *jěGēr* «двойня», «пара», «близнецы» (Егоров, 1964, 77; Ramstedt, 1949, 195, 248; Räsänen, 1969, 39; ЭСТЯ, 1974, 252-254; Федотов, 1996, I, 191-192; 2002, 95);

пратюрк. **ıyır* «седло», **ıyırçaq* «седелка»; якут. *ıyır*, кирг. *yır*, туркм. (диал.) *ıyıržak*, к.-балк. *ıyırçaq*, куман. *jıyırçaq*, каз. *ıyırşaq* ~ чув. *jěner* «седло», (*j*)*ěneržek* «седелка» (Егоров, 1964, 78-79; Räsänen, 1969, 166; ЭСТЯ, 1974, 658-659; Федотов, 1996, I, 195; 2002, 96-97);

пратюрк. **ijn* «берлога»: туркм. *hın*, халадж. *hın*, др.-тюрк. *in*, *jin*, кирг. *ijin*, якут. *in*, каз. *in* ~ чув. *jěně* «нора», «берлога» (Егоров, 1964, 79; Ramstedt, 1949, 73; Räsänen, 1969, 172, ср. также 264; Федотов, 1996, I, 195-196; 2002, 97; EDAL, I, 620);

пратюрк. *i:z ~ *iz «след»: туркм. i:z, тур. iz, аз. iz, гаг. jiz, кар. т. jiz, jiz, с.-юг. jǎz, каз. i'z ~ чув. jēr «след» (Егоров, 1964, 79; Räsänen, 1969, 175; Poppe, 1960, 81; ЭСТЯ, 1974, 646-647; Федотов, 1996, I, 198; 2002, 98)

пратюрк. *iduiq «священный»: якут. itiq, др.-тюрк. iduiq, тув. idiq, хак. izix, кирг. ijiq, тел. ik ~ чув. jārāx, jērēx «божество», «дух» (Егоров, 1964, 80; Räsänen, 1969, 164-165; Рамстедт, 1957, 128; ЭСТЯ, 1974, 649-650; Федотов, 1996, I, 199-200; 2002, 98-99; EDAL, I, 611);

пратюрк. *irtun < *irtuyun «гумно, ток»; туркм. indir (< irtin), хак., саг. ürdün, хак., шор. ürtün, алт. ediren, ног indir, башк. irđin, каз. idän «пол» ~ чув. jēDem (< jirdün < *jirtun) «ток, гумно» (Егоров, 1964, 80; Räsänen, 1969, 167, 523; ürt(ü)gün; ЭСТЯ, 1974, 656-657; Федотов, 1996, I, 201; 2002, 99; Ахметьянов, 1989, 56; 2001, 76, 253);

пратюрк. *āci- «прокисать, киснуть»: туркм. āža-, тур. aži-, аз. aži-, кирг. ači-, кар. к. eči-, якут. asij-, каз. aši- ~ чув. jūš- «бродить, киснуть», jūžē (< *āciy) «горький, кислый» (Егоров, 1964, 82; Räsänen, 1969, 4; ЭСТЯ, 1974, 89-93; Федотов, 1996, I, 206-207; 2002, 101-102);

пратюрк. *eš ~ ? *ēš «товарищ»: тур. eš, алт. ēš, гаг. ješ, 'eš, др.-тюрк. eš, iš, каз. es (Будагов, I, 194-196), ног es ~ чув. jūš «семья», «чета», «коллектив» (Егоров, 1964, 83-84; Räsänen, 1969, 50; ЭСТЯ, 1974, 313-315; Федотов, 1996, I, 208; 2002, 102);

пратюрк. *em «лекарство»: туркм. em, якут. em, с.-юг. jem, каз. 'em ~ чув. jum (< *am) «знахарство», jumzā (< *amci) «знахарь, лекарь», im «лекарство» ← тат. (Егоров, 1964, 348-349; Räsänen, 1969, 41; ЭСТЯ, 1974, 270-271; Федотов, 1996, II, 485 (ошибочно), 486; 2002, 457);

пратюрк. *ā(r)s «горностай»: тур. as, др.-тюрк. ās, as, к.-балк. aγaz (? < aq as), алт. aγas (< aq as), кирг. ars,

aris, arsi, тур. диал. *ars* «хорек» ~ чув. *jus* «горностай», «ласка» (Егоров, 1964, 351; Räsänen, 1969, 28; ЭСТЯ, 1974, 191-192; Doerfer, 1965, 57; Федотов, 1996, II, 493; 2002, 461);

пратюрк. **aq-* «течь»: туркм. *aq-*, аз. *aḡ-*, тув. *haq-*, с.-юг. *ḡaq-*, каз. *aq-* ~ чув. *jux-* «течь» (Егоров, 1964, 352; Räsänen, 1969, 12; ЭСТЯ, 1974, 118-120; Федотов, 1996, II, 495-496; 2002, 461-462);

пратюрк. **ēl* «народ», «племя»: туркм. *il*, тур. *il*, др.-тюрк. *el, il*, аз.(диал.) *äl*, гаг. *jel, 'el*, каз. *'el*, кирг. *el* ~ ср.-булг. *jal*, чув. *jal* «общество», «народ» (Егоров, 1964, 352; Räsänen, 1969, 39; ЭСТЯ, 1974, 339-343; Doerfer, 1965, 198; Федотов, 1996, II, 497-498; 2002, 463);

пратюрк. **īd-* «посылать»: туркм. *iber-* (<*ijeber-*), якут. *īt-*, др.-тюрк. *id-, īz-*, тув. *it-*, хак., шор. *is-*, алт. *ij-*, каз. *žiber-* (< **ije ber-*) «посылать» ~ чув. *jar-* «посылать», «класть», «отпустить»; *jara par-* (~ тюрк. **ida ber-*) «пустить в ход» (Егоров, 1964, 354; Räsänen, 1969, 164; ЭСТЯ, 1974, 332-333; 322-324: *i:ber-*; Федотов, 1996, II, 503; 2002, 466);

пратюрк. **āt* «имя»: туркм. *āt*, якут. *āt*, узб. диал. *ād*, аз. *ad*, сал. *ad*, др.-тюрк. *at*, каз. *at* ~ чув. *jat* «имя» (Егоров, 1964, 354-355; Räsänen, 1969, 30; ЭСТЯ, 1974, 198-199; Федотов, 1996, II, 505; 2002, 467) и др.

Вопрос о происхождении протетических согласных *v-* и *j-* в чувашском языке относится к числу полемичных, тем не менее многие тюркологи считают их появление в болгаро-чувашском языке относительно древним явлением. Так, например, согласно исследованиям О. Прицака, протеза *v-* известна уже как минимум с V века (Pritsak, 1954, 124-135). Во всяком случае протетический *v-* отмечается уже в составе болгаро-чувашских лексических заимствований в венгерском языке (венг. *váj-* «выдалбливать» ← др.-булг. **wāj-* ~

тюрк. **ōj*- «долбить, выдалбливать»; венг. *vályú, válu* «кормушка для скота» ← др.-булг. **wālaw* ~ тюрк. **ōluq*, чув. *valak* «желоб», ср. якут. *uoluq* «ямочка на шее над грудной костью, под кадыком»; венг. *vék* «прорубь» ← др.-булг. **wēkü* ~ тюрк. **ō:kü*, туркм. *ōgü*, к.-калп. *iki*, чув. *vak, vaGā* → тат. *bākē*, башк. *mākē*, мар. *vakē, vākī* «прорубь» и др.), а также в лексике Именника дунайско-булгарских князей, ср.: *въчем* ~ *вечем* = *wāčēm* «третий», полностью соответствует волжско-булгарскому *večēm* «третий» ~ чув. *vižēm* «третьего (дня)» (Munkácsi, 1886-1887, 473; 1906, 250-254; Németh, 1930, 126; Palló, 1959, 239-258; 1961a, 217-219; 1961 б, 33-34; 1963, 180-184; Палло, 1985. 74-78; Pritsak, 1955, 34, 46, 71-76, 78; Федотов, 1996, 180-184).

По отношению к чувашским протетическим согласным споры вызывает главным образом причина, обусловившая делабиализацию гласного в начале слова и развитие протезы (Palló, 1961б, 33, 34). Так, например, В.В. Радлов связывал появление протетического *v*-с дифтонгизацией начальных гласных (Radloff, 1883, 167) и, очевидно, рассматривал дифтонгизацию как основную причину данного явления.

В одной из своих ранних работ Г.Й. Рамстедт писал, что протетический *v*-, так же как и *j*- развился из анлаутного придыхательного приступа или инкурсии под влиянием сильно развитого внешнего сандхи, то есть для устранения интервокального зияния (хиатуса) на стыке слов (Ramstedt, 1915, 73-74). Инкурсия («придыхательный приступ»), характерная для анлаутного гласного в тюркских языках с древнейших времен, по мнению, Г.Й. Рамстедта, после гласного звука предыдущего слова превращается в *j*-, подобно тому, как внутри слова появляется *-j-* для устранения зияния; перед губными

гласными данное явление находит выражение в образовании протетического *v-*.

Аналогичную точку зрения высказал и Б.А. Серебренников (Serebrennikov, 1966, 65), в другой своей работе он обосновывает зависимость типов протез от влияния предшествующих согласных (Серебренников, 1968, 48).

В данном объяснении Г.Й. Рамстедт, а вслед за ним Б.А. Серебренников, А.М. Щербак (1970, 179-185) и др., признают наличие в пратюркском анлаутного «придыхательного приступа», который, по мнению Н.А. Баскакова, мог быть либо результатом более позднего появления, либо результатом исчезновения этимологических согласных и их субститутом – *j*, *w*, *h* (СИГТЯ, 1984, 381).

Что касается внешнего сандхи, то, как правильно подчеркивает Н.А. Баскаков, оно существует во всех тюркских языках, однако не вызывает появления протетических согласных. Да и для чувашского языка это объяснение недостаточно, так как сандхи отмечается здесь в тех случаях, когда протетические согласные не появляются (СИГТЯ, 1984, 381 и след.).

Итак, непосредственно связанная с так называемым «законом Рамстедта – Пеллио» проблема происхождения анлаутных протетических согласных *h-*, *j-*, *v-(w-)* в тюркских языках до сих пор не получила однозначного решения. Существуют две основные теории их сущности и генезиса. Согласно одной из них, начальные согласные *h-*, *j-*, *w-*, спорадически появляющиеся в ряде тюркских языков перед анлаутными гласными, являются рудиментарными рефлексам древних этимологических согласных, исконно существовавшими уже на ранних стадиях развития тюркских языков и исчезнувшими в большинстве тюркских языков по мере ослабления и затухания консонантного элемента, но сохранившимися

следы исчезновения либо в виде дифтонгоидных элементов (например, в диалектах каракалпакского, казахского, ногайского и других языков), либо в виде долготы анлаутного гласного (например, в туркменском, якутском, халаджском и других языках), либо во вторичном появлении их в связи с воздействием и влиянием соседних языков (например, в гагаузском языке под влиянием контактных славянских и румынского языков или в узбекских диалектах под влиянием иранских языков) и т.д. Эта точка зрения, пропагандируемая Н.А. Баскаковым (см. СИГТЯ, 1984, 380-402), наиболее близко примыкает к закону Рамстедта-Пеллио, но она не имеет под собой надежной эмпирической базы. Так, например, совершенно непонятно, почему все протетические согласные в сущности являются щелевыми фонемами, отсутствовавшими в тюркском языке вообще (*h*, *v*), либо в начальной позиции (*j*-)?

Согласно другой, более широко распространенной в тюркологии теории, анлаутные согласные *h*-, *j*-, *v*- (*w*-) являются неэтимологическими протетическими согласными и появились в отдельных тюркских языках относительно поздно в результате специфического развития дифтонгоидных призвуков анлаутного гласного (Radloff, 1883, 167), либо наличием анлаутного придыхательного приступа и инкурсии под влиянием внешнего сандхи на стыке двух слов (Ramstedt, 1915, 73-74; Серебренников, 1966, 57-65; Щербак, 1970, 179-185; 1997, 53-54). Последняя точка зрения представляется более вероятной.

В тюркологии, как было уже отмечено, существует вместе с тем мнение, что анлаутный тюркский *h*- является рефлексом общеалтайского смычного **p*- или щелевого **ϕ*- (см.: Räsänen, 1961, 146-148; Doerfer, 1969, 17; 1971, 163-165; 1985, 148 и след.). Это мнение широко распространилось в форме так называемого «закона

Рамстедта – Пеллио». Однако показательно, что точка зрения самого Г.Й. Рамстедта, согласно которой протетические согласные развились из анлаутного придыхательного приступа под влиянием сандхи (Ramstedt, 1915, 73-74), противоречит другой установленной им закономерности, тесно связанной с проблемой протетических согласных в тюркских и, шире, других алтайских языках, согласно которой фонетическое развитие слова в алтайских языках идет как бы по противоположному пути – от согласного в анлауте к его постепенной элизии и утрате: $*p- \sim *p' > h- > \emptyset$ (Ramstedt, 1916-1920, 1-10, 238-251).

Между тем, анализ репрезентативного эмпирического материала со всей очевидностью показывает, что появление «протетических» согласных в тунгусо-маньчжурских ($h- \sim f- \sim \varphi- \sim p-$), монгольских ($h- \sim f-$) и тюркских ($h- \sim j- \sim v-$) языках происходило вполне автономно в каждом из них, а потому не может проецироваться на праалтайский уровень. «Аттакирование начального гласного с придыханием» (выражение П.М. Мелиоранского) – явление универсальное и встречается в языках самых разных систем, оно сыграло важную роль в образовании протетических согласных. Консонантные протезы известны многим языкам, в частности славянским, балтийским, иранским, финно-угорским и другим (Щербак, 1970, 183; Серебренников, 1974. 98-99; Федотов, 1996а, 181-182). Примечательно, что состав консонантных протез в разных языках приблизительно одинаков: $h-$ ($\sim \gamma- \sim \chi-$), $j-$, $v-$ ($\sim w- \sim f- \sim p-$), ср.: белор. (диал.) *óзера, воз'ура, ʎоз'ара, hoz'ero*, ст.-слав. *ícezero*, рус. *озеро*, болг. *ézero*, сербохорв. *jèzero*, словен. *jèzero*, чеш. *jezero*, словац. *jazero*, польск. *jezioro*, в.-луж. *jezor*, н.-луж. *jazor*; укр. (диал.) *в'улиця, г'улиця, һ'улиця, ј'улиця, улица*, белор. *в'улка*, др.-рус. *ули-*

ца, *улка*, в.-луж. *wulica* «улица, переулок»; рус. *восемь*, укр. *вісім*, ст.-слав. *осмь*, болг. *осъм*, словен. *osem*, чеш. *osm*, в.-луж. *wosom*, н.-луж. *wosum*, праслав. **osmь* «восемь» < и.-е. **oktō(u)*, авест. *ašta*, греч. *ὀκτώ*, лат. *octō*, гот. *ahtáu*, тох. *okadh* «восемь»; рус. *угол*, укр. *вугол*, белор. *вугол*, др.-рус. *уг(ъ)ль*, словен. *vogaľ*, польск. *węgieľ*, лат. *angulus* «угол»; и т.д.; иран.: в шугнанско-рушанской группе начальные гласные прикрываются факультативным согласным приступом – обычно нефонологического типа *h-* (перед *a*, *ā*), а также *w-* (перед гласными заднего ряда) и *j-* (перед переднерядными гласными), например: шугн. *(w)ulčak* «пядь (мера длины)», *(j)ik-* «вот, именно»; рушан. *wumr* «жизнь», *jilōž* «средство»; *hádriš* «адрес» (ОИЯ, 1987, 283); в язгулямском гласные в начале слова обычно прикрываются нефонологическим *h-*; ср.: *(h)awál* «сначала», *(h)ow* «открытый», *(h)amba* «там», *(h)izzo* «стыд», *(h)uvd* «семь»; исторически протетические *w-* и *j-* (*waχk'* «сухой», *jūg* «смолол») фонологизировались и теперь таковыми не являются (ОИЯ, 1987, 380); ср. также осет.: ирон. *jīw* (< **īu*), дигор. *jēw* (< **ēu*) ~ авест. *aēva* «один»; ирон. *īχ*, дигор. *jeχ*, н.-перс. *jaχ* ~ авест. *aēχō* «лед»; дигор. *jevged*, ирон. *ævgid* (< иран. **abi kaita*) «поручительство»; дигор. *jevgi*, ирон. *ævstaw* «попеременно, взаймы», дигор. *jegas*, ирон. *ægas* «целый, здоровый»; дигор. *womi*, *omi*, ирон. *ūm* «там»; дигор. *wosæ*, *osæ*, ирон. *ūs* «жена, женщина»; дигор. *wozun*, ирон. *ūzun* «качать» ~ др.-инд. *ōhati*, *ūhati* «двигает»; в начале слова перед гласными *e*, *i* в дигорском *w-* часто чередуется с *j-*, например: *winum* ~ *jinum* «видеть»; *welun* ~ *jelun* «вращать, кружить» и т.д. (см. ОИЯ, 1987, 560-561); афг. *jam* «я есть», *vič* «сухой»; *hōr* «огонь»; курд. *hasp* (< иран. **aspa-*) «лошадь», *haur* «облако», *wāsān* «так» (ср. также протезу *h-* в перс. и белудж. и протетические *v-* и *j-* в других иран-

ских языках и диалектах, см. *Gründriss der iranischen Philologie*. – Strassburg, 1898-1901. – Т. I. – S. 97, 208, 209, 236, 256, 257, 298, 388); ф.-угор.: коми-зыр. *vom*, *vōm*, коми-перм. *öm* ~ удм. *im*, мар. *umša* «рот»; мар. *βadar* ~ фин. *uder*, морд. *odar* «вымя», мар. *βoštār* «прут» ~ венг. *ostar*, манс. *aštār*, *aštār* «кнут, плетть»; коми-зыр. *vojir*, коми-перм. *oter*, *otir*, удм. *otir* «люди, народ»; коми-зыр. *vož* др.-перм. *uož*, коми-язв. *už*, удм. *waž* «ранний, рано»; коми-зыр. *vož*, верх.-сыс. *ož*, удм. *vajiž*, эрз. *ažija* «оглобля» и др. (см. Лыткин, Гуляев, 1970); цыган. *jag* ~ хинди *āg*, рус. *огонь*, др.-инд. *agnih*, «огонь»; цыган. *jakχ*, хинди *akh*, др.-инд. *aksi*, рус. *око* «глаз»; голланд. *herinnering* ~ нем. *Erinnerung* «воспламенение» и т.д.

Объединяющей разные языки чертой является примерно одинаковый состав протетических согласных: *h-* (*γ-*, *χ-*, *f-*, *p-*), *v-* (*w-*), *j-*, а также нерегулярность появления протез внутри групп родственных языков. Примечательно также сходство фонетических условий и самого процесса образования согласных: *h-* (*γ-*, *χ-*) могут появляться перед любыми гласными, *v-* (*w-*) обычно развивается перед губными, а *j-* – перед мягкорядными. Такое положение вещей наводит на мысль о вторичном характере протетических *v-* (*w-*) и *j-* и об их развитии из более раннего *h-* (*γ-*) в соответствующих позиционных условиях, то есть, перед лабиализованными гласными **h-* > *w-*, а перед палатальными **h-* > *j-*; ср.: уйг. *hōküz*, узб. *hūkiz*, гаг. *jöküz*, **öküz*, каз. **ögiz*, чув. *vāGār* «бык»; аз. *hōr-*, каз. **ör-* «вить, плести», чув. *vēren* «веревка»; туркм. диал. *hō:l*, *höl*, уйг. *höl*, узб. *hül*, хорас. *hēl*, к.-калп. *höl*, уйг. *jöl*, каз. **öl*, чув. *vil* «влага», *vil šiv* «роса»; кумык. *hizan*, тат. *īzan* ~ чув. *jāran* «межа»; аз. *his*, туркм. *īs*, башк. *jīš*, *iš*, каз. *is*, чув. *jās* «дым, копоть»; гаг. *jiz*, кар. *jiz*, *jiz*, с.-юг. *jäs*, каз. **iz*, чув. *jēr* «след» и т.д.

В тюркских, а также и в некоторых других иносистемных языках появлению протетических согласных предшествует дифтонгизация начальных гласных. Совпадение состава протетических согласных, близость фонетических условий образования и сходства в характере проявления свидетельствуют о том, что возникновение протез в разных языках – тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и других – имело одни и те же причины (Щербак, 1970, 184). Варьирование, то есть наличие или отсутствие начальных *v- ~ w-, j- . h-* в анлауте тюркских слов, имеющих в большинстве современных языков вокалическое начало, по мнению Н.А. Баскакова, объясняется общей тенденцией утраты этих звуков и в тех случаях, когда начальные *w- ~ v-, j- h-* являются нормой для некоторых конкретных тюркских языков (СИГТЯ, 1984, 398). Надо заметить, что анлаутный *h-* даже в тех тюркских языках, в которых он появляется достаточно часто, на письме не фиксируется. Это обусловлено тем обстоятельством, что звук *h-* в начальной позиции произносится как легкое придыхание и звучит настолько слабо, что почти не воспринимается на слух даже носителями языка. В определенных позициях этот звук усиливается, переходит в *v- (w-)* (перед губными гласными) и *j-* (перед палатальными гласными) и проявляется в виде соответствующих протез (например, в чувашском языке).

На данном этапе развития тюркской компаративной фонологии трудно судить, когда появился этот придыхательный приступ в тюркских языках. Вполне допустимо, что он имел место уже в пратюркском. Хотя древнетюркские памятники и не фиксируют начальный *h-*, но имеются косвенные данные, позволяющие считать это явление достаточно архаичным. К таким данным прежде всего относятся показания древнебулгар-

ского языка, в котором, судя по Именнику дунайско-булгарских князей, а также древнебулгарским заимствованиям в венгерском языке (примеры см. выше), уже развился протетический *v*-, восходящий, по всей видимости, к более раннему *h*- (перед анлаутными лабиальными гласными). Между тем следует отметить, что этот слабый *h*- («легкое придыхание», «гортанный приступ», «инкурсия») никогда не имел фонематического значения и появлялся факультативно. Так, например, часть древнебулгарских заимствований в венгерском не содержит протетического *v*-, хотя в соответствующих чувашских словах он появляется. В древнетюркской письменности это легкое «придыхание», по всей вероятности, графически никак не обозначалось, как, впрочем, и во многих современных тюркских языках (протетические согласные и дифтонги отмечаются главным образом только в специальных фонетических, фонологических и диалектологических исследованиях). Но это ни в коей мере не является основательным доводом для отрицания наличия придыхательного приступа или инкурсии в древнетюркском языке. Более того, разносторонний анализ репрезентативного эмпирического материала дает основание для предположения, что на определенном этапе исторического развития тюркских языков своеобразная инкурсия для вокалического начала слова была обязательной, которая, в зависимости от различных обстоятельств в отдельных тюркских языках приобретала конкретное звуковое качество или сохранялась в несколько неопределенном виде, не получая конкретного звукового (и графического) выражения (Щербак, 1997, 49).

Итак, на основании предпринятого анализа фактического материала можно сформулировать некоторые основные положения о природе и путях развития проте-

тических согласных в тюркских языках. При этом мы исходим из положения о наличии уже в пратюркскую эпоху своеобразного придыхательного приступа или инкурсии перед анлаутными гласными, которую, по традиции, условно обозначаем символом *h*-.

В ходе самостоятельного развития отдельных тюркских языков на базе инкурсии (гортанной смычки *h*-), в зависимости от качества последующих гласных, в отдельных языках образовались восходящие дифтонги *je*, *wo*, *wö* (например, в канглийско-кыпчакских, гагаузском и др.), а в других – протетические согласные *v*- (перед губными гласными) и *j*- (перед узкими нелабиальными и переднерядными гласными) (например, в болгаро-чувашской группе, джушском говоре узбекского языка, гагаузских диалектах и др.), в халаджском, некоторых огузских, карлукских и тобаских языках инкурсия проявляет себя в виде протетического *h*- и т.д.

Репрезентативный эмпирический материал тюркских языков не дает никаких оснований возводить протетические согласные *h*-, *v*- и *j*- к пратюркскому **p*- и, тем более к праалтайскому **p*- ~ *f*-.

Представленные в ряде монгольских языков протетические согласные (ст.-п.-монг. *h*-, монгол. *f*-, *χ*-, *š*-, дагур. *h*-, дунсян. *h*-, *f*-, *χ*-, баоань. *h*-, *f*-, *χ*-, *š*- и т. д.), а также монгольский и бурятский малозаметный инициальный гортанный звук (придыхание) также обязаны своим происхождением «инкурсии со слабым придыханием» (Владимирцов, 1929, 54) и не могут быть возведены к праалтайскому **p*-.

Тунгусо-маньчжурский анлаутный **h*- (эвенк. *h*-, маньчж. *f*-, нан., ульч., орок. *p*- и т.д.) также связан с явлением аспирации. Развитие инициального согласного в тунгусо-маньчжурских языках происходило в таком направлении: *h*- > *χ*- > *f*- > *p*-), а не в обратном, как

это утверждается Г.Й. Рамстедтом и его последователями.

Инкурсия со слабым придыханием, появление гортанной смычки перед анлаутными гласными, аспирация начального гласного и т.п. – явления одного порядка и широко распространены в самых разных языках. Появление анлаутного *h*- наблюдается во всех классификационных группах алтайских языков, но явление это не генетического, а типологического порядка, оно развивалось в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках параллельно, но независимо друг от друга.

Аспирация начальных гласных в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках охватила также тюркские лексические заимствования в монгольских, и монгольские – в тунгусо-маньчжурских. Следовательно, появление инкурсии со слабым придыханием было живым явлением во времена тюркско-монгольских и монгольско-тунгусо-маньчжурских языковых контактов.

Следует признать, что во взаимодействующих языках факты, являющиеся следствием внутреннего развития и адаптации иноязычных элементов, могут совмещаться с фактами, целиком представляющими внешнюю форму заимствованных слов в языке-источнике. Однако трудно допустить, чтобы в тюркских словах, попадавших в монгольские языки на уровне прамонгольского состояния, начальный **p*- изменялся в *h*-, а в тех же словах, заимствованных значительно позднее тунгусо-маньчжурскими языками, он восстанавливался (Щербак, 1989, 134).

Предпринятое критическое осмысление фонетического закона Рамстедта – Пеллио, а также оригинальной концепции Г. Дёрфера о пратюркском **p*- (~ халадж. *h*-) показывает, что они не подтверждаются реальными

фактами тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Практически все трехчленные (тюркско-монгольско-тунгусо-маньчжурские) внутриалтайские межгрупповые лексические сближения при ближайшей проверке в лучшем случае оказываются заимствованиями, а в других случаях – случайными совпадениями или просто ошибочными сближениями (примеры см. выше).

В тюркском праязыке надежно восстанавливается во всех позициях, включая начало слова, губной смычный **p-* (Щербак, 1970, 93 и след.) или **b-* (Рясянен, 1955, 145; подробнее см. СИГТЯ, 1984, 179-185), рефлексами которого в современных тюркских языках являются никогда не исчезающие *p* и *b* (*m*). Если принять позицию Г. Дёрфера, возникает необычная ситуация, когда в одной фонологической системе оказываются два звука *p*, принципиально не отличающиеся друг от друга и не находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции (Щербак, 1989, 134; 1997, 53), но ведущих себя совершенно по разному: **p- > *b- ~ m-* и **p- > h- > ø*. Все это свидетельствует о том, что для реконструкции в тюркском праязыке дополнительного начального **p-* (якобы давшего в халаджском *h-*) и возведения к нему среднемонгольского *h-* (дагур. *h-*, *χ-*, монгор., дунс., баоань. *h-*, *χ-*, *f-*, *š-* и т.д.), а также тунгусо-маньчжурского *h-* (эвенк. *h-*, маньчж. *f-*, нан., ульч., орок. *p-* и т.д.) нет убедительных оснований.

ПРОБЛЕМА АНЛАУТНОГО ГУБНОГО СМЫЧНОГО В ТЮРКСКОМ ПРЯЗЫКЕ

Типичными тюркскими губными согласными считаются *p*, *b* и *m*. В начальной позиции тюркологи восстанавливают либо глухой **p*-, либо звонкий **b*-. Другие губные и все губно-зубные согласные (*v*, *w*, *f*), встречающиеся в современных тюркских языках и отчасти в древних, появились в результате преобразования других звуков и вследствие заимствования значительного количества слов из иносистемных языков.

В анлаутной позиции в большинстве современных тюркских языков выступает звонкий или полувзвонкий губной смычный *b*-, только в чувашском, хакасском, шорском и чулымско-тюркском языках выступает относительно сильный глухой *p*-. В ряде тюркских языков под влиянием последующих назализованных согласных или, реже, независимо от этого, *b*- изменился в *m*-. В азербайджанском, турецком и гагаузском языках наблюдаются единичные случаи спирантизации начального *b*- > *v*- (например, *ver*- «давать», *var*- «идти»). В современных огузских, карлукских и кыпчакских языках в начале собственно тюркских слов наряду с *b*- изредка выступает глухой *p*- (чаще всего перед последующими через гласный глухими (сильными) шумными согласными).

Согласный *b* в тюркских языках является звонким билабиальным смычным. Считается, что в анлаутной позиции, начиная с древнетюркских памятников, согласный *b*- представляет результат озвончения древнего **p*- на ранних этапах праязыкового состояния. В середине

слова, особенно в интервокальной позиции, встречается редко, часто наблюдаются случаи, когда в данной позиции этот звук переходит в *v*, *w*, и *u*. Относительно наличия в тюркском праязыке согласного *b* в инлаутной позиции перед и после согласных утверждать что-либо определенное трудно, так как отсутствуют убедительные примеры как в письменных памятниках, так и в современных языках. Встречающийся в современных тюркских языках интервокальный *-b-*, скорее всего, является результатом озвончения праязыкового *-p-* (ср.: тур. *tepe*, но каз. *töbe* «холм» и т.п.).

Вопрос о наличии звонкого *-b* в абсолютном исходе пратюркского слова является полемичным. Встречающиеся в языке древнетюркских памятников немногочисленные слова с конечным *-b* в тюркских языках более поздней формации дают различные рефлексy, напр.: др.-тюрк. *āb* (**āβ*) ~ др.-уйг. *āv*, тур. *ev*, узб. *oj*, каз. *ūj*, тат. *ěj*, тоф. *ög*, шор. *üg*, чув. *av* (в составе *avlan-* «жениться») «дом». Поэтому ряд специалистов для пратюркского состояния реконструируют билабиальный **w* (**β*); напр.: **āβ* «дом», **āβ* «охота», **sāβ-* «любить» (см., напр., Щербак, 1970, 171). Не совсем ясно, являются ли колебания в отражении ауслатного **-β* следствием наличия в праязыке двух вариантов данного согласного – веларного и палатального, или же такие колебания обусловлены очень древним чередованием его в определенных позиционно-комбинаторных фонетических условиях со спирантом **γ* ~ **g* (*γ'*) (Щербак, 1970, 171; СИГТЯ, 1984, 184-185).

В тюркологии существует широко распространенная точка зрения, устанавливающая наличие в тюркском праязыке оппозиции по признаку глухости / звонкости или силы / слабости для анлаутных смычных согласных. Сторонники этой точки зрения считают, что в

данном отношении турецкий язык, имеющий в анлауте и глухие, и звонкие смычные согласные, древнее языка орхонских и енисейских памятников (Pedersen, 1903, 531). О. Прицак полагает, что в алтайских языках в анлауте некогда была оппозиция сильных и слабых шумных смычных, но уже в тюркском праязыке *p*- утратился и вследствие этого древнетюркский *b*- не образовал привативной оппозиции (Pritsak, 1961, 142). Однако случаи исчезновения пратюркского инициального **p*-, которому придается большое значение в традиционной алтаистике (закон Рамстедта – Пеллио), в тюркских языках не установлены.

Первичность глухих смычных или же, если быть более точным, их ранний характер в качестве типологической черты тюркских (resp. алтайских) языков принимается многими специалистами, хотя употребление их в анлауте современных тюркских и монгольских языков вроде бы указывает на противоречивость данного положения.

В.В. Радлов, например, исходя из особенностей уйгурского алфавита (Radloff, 1897, 23), хотя и допускал возможность различия *p*- и *b*- диалектов в тюркских языках уже в VIII веке, однако для древнетюркского анлаута восстанавливал только глухие согласные и потому при дешифровке древнетюркской письменности (Radloff, 1897, 39), в частности «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни, где глухие и звонкие лабиальные *b*, *p*, *f*, *v* обозначались одной графемой, во всех начальных положениях поставил только глухие смычные *p*- и *t*-.

Опираясь на рифмы в стихах «Кутадгу билиг», В. Томсен исправил ошибку В.В. Радлова и, предполагая тождественность соотношения согласных в уйгур-

ском и древнетюркском, допускал для уйгурского анлаута звонкий лабиальный *b*- (Thomsen, 1901, 241-259).

В.А. Богородицкий в своих работах последовательно проводил мысль о том, что в тюркских языках в древности в начале слова употреблялся звонкий согласный *b*-, а оглушение *b*- > *p*-, например, в чувашском языке, считал относительно поздним явлением (Богородицкий, 1953, 11). Надо заметить, что В.А. Богородицкий не углублялся в алтайскую древность и исходил из пратюркского состояния.

Г.Й. Рамстедт в целом ряде своих алтаистических исследований считал допустимым для древнетюркского анлаута наряду с глухими *t*-, *k*-, *q*-, и звонкий *b*- (*m*-), являющийся рефлексом глухого праалтайского **p*-.

К противопоставлению начальных звонких и глухих в тюркском праязыке склоняется К.Г. Менгес. Он допускает, что пратюркский и древнетюркский языки не имели начальных звонких согласных, за исключением *b*-; тем не менее языки юго-восточной (огузской) группы различали начальные *d*- и *g*- даже на древних стадиях их развития (Menges, 1968, 86).

Н.Н. Поппе допускает в общеалтайском наличие звонких смычных *b*-, *d*-, *g*-, однако в пратюркском, по его мнению, из этих согласных сохранилось лишь одно *b*-; *g*- совпало с *k*-, а *d*- совпало с *j*- и другими согласными (Porre, 1960, 20).

Б.А. Серебренников утверждает, что глухое начало слова является одним из типологических особенностей языков агглютинативного строя (Серебренников, 1965, 19). Он также считает, что на разных этапах тюркского праязыка начальный *p*- был довольно распространенным смычным согласным, и исторически предшествовал начальному звонкому *b*- (Серебренников, Гаджиева, 1979, 41-43).

А.М. Щербак решительно высказывается против гипотезы о существовании в тюркских языках коррелятивной оппозиции согласных по признаку глухости / звонкости или силы / слабости в начале слова. Начало слова – самая сильная позиция в слове, так как именно здесь сосредоточено наибольшее количество информации. Поэтому различие качества согласных по глухости / звонкости (или силе / слабости), по мнению А.М. Щербака, должно интерпретироваться не как реликт исчезнувшей оппозиции, а как следствие внутридиалектной и междиалектной альтернации аллофонов одних и тех же фонем (Щербак, 1970, 95). Отсюда можно заключить, что А.М. Щербак допускает в пратюркском языке наличие глухих и звонких аллофонов **p-* ~ **b-*, причем это противопоставление, по его предположению, не имело какой-либо фонологической значимости.

Тщательно проанализировав поведение анлаутных смычных, в том числе и междиалектное и межъязыковое варьирование *p-* ~ *b-* в тюркских языках, Н.З. Гаджиева приходит к заключению, что «в тюркском праязыке в начале слова существовали только глухие согласные. Это было обусловлено наличием сильного экспираторного удара на первом слоге» (Гаджиева, 1973, 9). Гипотеза о существовании в начале пратюркского слова лишь одного звонкого **b-*, по мнению Н.З. Гаджиевой, «совершенно несостоятельна, так как находится в противоречии с законами типологии языков – звонкий согласный только одного типа в начале слова существовать не может» (Гаджиева, 1973, 10).

Дальнейшее развитие анлаутных смычных согласных в тюркских языках происходило по пути стихийного и нерегулярного озвончения первоначально глухого начала слова. Связано это с тем, что глухое начало сло-

ва приводит к целому ряду лингвотехнических неудобств: «Оно ограничивает дистинктивные возможности языка, ибо исключает противопоставление фонем по глухости и звонкости. Начало слова несет больше информации по сравнению с его концом. Поэтому звуки начала слова должны быть особенно четко различимы на слух, а в этом звонкие смычные, как известно, обладают несомненным преимуществом перед глухими. Благодаря этому обстоятельству в отдельных тюркских языках и диалектах произошло стихийное и нерегулярное озвончение глухого начала слова, тогда как в других языках и диалектах продолжало сохраняться в отдельных случаях прежнее состояние. Только стихийностью этой тенденции можно объяснить совершенно необычный разноречивый в отражении древних *p*-, *t*-, *k*-, наблюдаемый в диалектах современных тюркских языков. Неубедительность гипотез о существовании начальных звонких в тюркском языке объясняется тем, что они не подтверждаются языковыми данными» (Гаджиева, 1973, 10).

Процесс озвончения начальных смычных, видимо, получил достаточно широкое развитие уже на позднем этапе праязыкового тюркского состояния (СИГТЯ, 1964, 176). Озвончение первоначальной глухости неравномерно касалось всех анлаутных согласных, но наиболее последовательно и глубоко отразилось в дальнейшем изменении начального губного *p*-. Н.З. Гаджиева в цитированной работе достаточно убедительно раскрыла связь глухого начала слова с сильным экспираторным ударением, падавшим в пратюркском языке на первый слог слова (Гаджиева, 1973, 8-10). «Стихийное и нерегулярное озвончение первоначально глухого начала» тюркского слова, по всей вероятности, связано с продвижением ударения с первого слога на последние. В ходе историче-

ского развития, благодаря агглютинативному строю тюркских языков, слова и словоформы все более и более удлинялись и, вследствие этого появилось второстепенное ударение на последнем слоге – аффиксальной морфеме, несущей важную информационную нагрузку. В конце концов уже в позднепратюркском ударение окончательно сдвинулось на конец слова. Следовательно, в языке появилась необходимость дополнительного маркирования начала слова. Эта задача была решена озвончением начальных смычных (а также аспирацией инициальных гласных). Очевидно, что звонкие смычные особенно четко различимы на слух и в этом отношении обладают несомненным преимуществом перед глухими (Гаджиева, 1973, 10). На первых этапах своего развития озвончение инициальных согласных, видимо, имело место только в анлауте многосложных (трех и более) слов, но постепенно расширяло свои позиции. Этим, очевидно, объясняется нерегулярность озвончения первоначально глухого начала тюркского слова.

Чрезвычайно важно отметить, что Н.З. Гаджиевой удалось установить взаимосвязь аспирации инициальных гласных с ослаблением начальных глухих согласных в тюркских языках.

Итак, из обзора специальной литературы видно, что в вопросе о том, каково было начало слова в тюркском праязыке, допускало ли оно одновременно как звонкие, так и глухие согласные или только глухие, в современной тюркской фонологии нет единого мнения. Существующая специальная литература по данной проблеме позволяет выделить три основные гипотезы:

1) в тюркском праязыке были представлены в начале слова как глухой **p*-, так и звонкий **b*- (Х. Педерсен, Г. Дёрфер);

2) в тюркском праязыке был представлен только один губной согласный – звонкий **b-* (Н.Н. Поппе, В.А. Богородицкий, М. Рясянен, О. Притсак и др.);

3) в тюркском праязыке в начале слова звонкие согласные были запрещены, а потому в анлаутной позиции мог быть только глухой **p-* (В.В. Радлов, Б.А. Серебренников, Н.З. Гаджиева, А.М. Щербак и др.).

Наиболее фундированной и отвечающей современным лингвистическим представлениям является последняя гипотеза. Однако при этом, очевидно, следует исходить из высказанного в свое время К.Г. Менгесом предположения о наличии в начале тюркского слова не собственно глухих и звонких смычных, а так называемых *fortes* и *lenes*, то есть сильных и слабых или, точнее говоря, полуглухих // полувзвонких. Он, в частности, недвусмысленно заявляет, что в тюркских языках противопоставлению глухие / звонкие предшествовала более архаическая оппозиция слабые / сильные; в другом месте, употребляя термин *lenes* (слабые), он в скобках поясняет *voiced*, то есть полувзвонкие (Menges, 1968, 83, 86, 87, 101). Здесь уместно также вспомнить высказывание А.М. Щербака о том, что противопоставление в тюркском праязыке глухих и звонких аллофонов в начале слова не имело какой-либо фонологической значимости.

По мнению специалистов, «очень интенсивный процесс соноризации» начального **p-* > **b-* совершался еще в праязыке и анлаутный **p-* озвончился довольно рано, на позднем этапе праязыкового состояния» (СИГТЯ, 1984, 179, 182).

Вместе с тем следует учитывать, что в истории тюркских языков имели место случаи вторичного оглушения начального *b-* под влиянием иноязычных суб-

стратов, например, в сибирско-татарских диалектах, кыргызской (хонгоройской) группе (хак., шор., чулым., с.-юг.), чувашском. Весьма интересно, что в письменных памятниках указанных языков на месте инициального глухого *p*- очень часто, а в некоторых источниках последовательно употребляется в начале слова звонкий *b*-, например: хак. *bala* «дитя», *baba* «отец», *baltı* «топор», *baу* «аркан», *balyaç* «грязь», *biçaq* «нож», *bedže* (кач.), *biže* (саг.) «сестра», *buydaj* «пшеница», *bulut* «облако», *burun* (кач., саг.) «прежде» (словники Г.Ф. Миллера, Ф.П. Аделунга и др., см. Боргояков, 1981, 50); чув. *bürt* «изба» (вм. *pürt*), *burnat* «живой» (вм. *purnat* «живет»), *boldar* «деверь» (вм. *pulDär*), *baru* «дань» (вм. *paru*), *bujan* «богатство» (вм. *pujan*); *bar* «один» (вм. *për*), *bicze* «брат» (вм. *piçe*) и т.д. Однако во многих памятниках формы чувашских слов приводятся крайне нерегулярно: одни слова с начальным звонким *b*-, а другие – с глухим *p*-. В отношении других начальных согласных подобный разнобой не замечается (см. Сергеев, 2004). Надо полагать, неразличение иноязычными (немецкими, русскими) исследователями XVIII-XIX веков глухости / звонкости начального *p*- в хакасском, шорском, чувашском и некоторых других тюркских языках является убедительным свидетельством в пользу предположения А.М. Щербака об отсутствии фонологической значимости противопоставления начальных глухих / звонких или сильных / слабых лабиальных смычных.

Примерно такая же ситуация с анлаутными губными наблюдается и в монгольских языках.

В современных монгольских языках фонема *p*- имеет весьма ограниченное употребление; она встречается только в начальной позиции слога, преимущественно в начале слова, в составе заимствованных или звукоподражательных и образных слов. Вместе с тем звонкий *b*-

является одним из самых распространенных звуков. Б.Я. Владимирцов характеризует халха-монгольский *b*- как слабый губно-губной звонкий неполного образования, который на слух производит впечатление среднего между русским *б* и *п* (Владимирцов, 1929, 61, 385). По мнению Г.Д. Санжеева, губно-губный слабый смычный *b* в монгольских языках в начале слова является абсолютно взрывным (Санжеев, 1953, 86). Согласный *b*- в калмыцком языке часто имеет начальную глухость в начале слова, реже полную глухость или полную звонкость (Грамматика калмыцкого..., 1983, 28). Следовательно, можно предполагать, что в прамонгольском языке противопоставление начальных глухих / звонких или сильных / слабых лабиальных смычных **p-* / **b-* не имело фонологической значимости. Иными словами, начальные лабиальные смычные в пратюркском и прамонгольском мало чем отличались друг от друга.

В монгольских языках согласный *b* представляет собой билабиальный слабый твердый звук и является самым распространенным. Артикулируется он смычной или щелевой преградой между губами при слабом напряжении губных мышц. В интервокальном положении, благодаря слабому мускульному напряжению, не успевает образоваться смычка, поэтому он произносится с щелевой преградой. Смычные же варианты (аллофоны) употребляются в анлауте, в конце слога в инлауте и в исходе слов. Показательно, что фонема *b* в монгольских языках в исходе изолированного слова, в исходе слога внутри слова перед глухим согласным произносится глухо (подробнее см.: Владимирцов, 1929, 385 и след.; Санжеев, 1953, 86; Бураев, 1987, 40 и след.).

Монголоеды полагают, что *b* первоначально был глухим губным смычным звуком. Так, например, Н.Н. Поппе по этому поводу пишет следующее: «Со-

гласные *b*, *d*, *g* в противоположность соответствующим сильным (т.е. *p*, *t*, *k* – Ж.Т.) были неаспирированными. По этой причине возможно, они относились к сильным смычным не как $*b : *p = *d : *t = *g : *k$, а как $*p : *p^f = *t : *t^f = *k : *k^f$. Но, несмотря на это, во всей специальной литературе они обозначаются как $*b$, $*d$, $*g$ (Роппе, 1960, 20). Следует также отметить, что по исследованиям Ш. Лувсанвандана и В.М. Надеяева, в современном (халха-)монгольском языке почти всюду в начальной позиции согласный *b*- проявляется в глухих вариантах (Лувсанвандан, 1975, 8-9; Надеяев, 1957, 129).

По свидетельству И.Д. Бураева, бурятские говоры, особенно хоринский, легший в основу литературного языка, также дают глухие варианты *b*- в инициальной позиции (Бураев, 1987, 42). Это явление имеет определенную историческую значимость в свете того факта, что в современном чувашском, хакасском, шорском и некоторых других языках в анлауте представлен только глухой вариант данного согласного, ср.: чув. *puś*, хак. *paś*, шор. *paś* «голова»; чув. *pulā*, хак. *paliχ*, шор. *paliq* «рыба», чув. *pül-*, хак. *pöl-*, шор. *pöl-* «делить», чув. *pěl-*, хак. *pil-*, шор. *pil-* «знать» и т.п., при стандартных тюркских соответствиях со слабым (звонким) анлаутом, ср.: др.-тюрк., туркм., тат. *baś* «голова»; др.-тюрк., туркм., *balıq* «рыба»; др.-тюрк., тур., аз. *böl-*, тат. *bül-* «делить»; др.-тюрк. *bil-*, тур., аз. *bil-*, тат. *běl-* «знать» и т.п.

Если даже можно признать глухое начало слов в чувашском вторичным явлением, то аналогии в тюркских языках сибирского и центрально-азиатского региона служат достаточно весомым аргументом в пользу признания приоритета пратюркского глухого анлаута (см., например, Щербак, 1970).

Алтаисты	ортодоксального	направления
(Г.Й. Рамстедт,	Н.Н. Поппе,	М. Рясянен,

Б.Я. Владимирцов, В.И. Цинциус, М.Р. Федотов и др.) исходят из предпосылки, что фонема *b- в этом же качестве функционировала в древнемонгольском, письменномонгольском, пратюркском, древнетюркском и пратунгусо-маньчжурском языках (Ramstedt, 1957, 56-58 и др.).

Между тем, реальный эмпирический материал тюркско-монгольских лексических соответствий, которым оперируют алтаисты всех направлений, показывает, что для решения алтаистической проблемы качество инициального губного *b- или *p- принципиального значения не имеет. Во всяком случае, и тюркские, и монгольские, и тунгусо-маньчжурские материалы в анлаутной позиции содержат звонкий вариант губного согласного *b-, ср.:

каз. *бай* (*baɣ*) «богач», «богатый» ~ пратюрк. **bāj* «богатый», «знатный»: др.-тюрк. *baɣ*, туркм. *bāj*, якут. *bāj*, чув. *pujan* «богатый» ~ монг. *bajan* «богатый» ~ эвенк. *bajan* «богатый»; в настоящее время монгольские формы считаются тюркизмами, а эвенкийские – монголизмами; вместе с тем в новейших исследованиях тюрк. **bāj* «богатый» сравнивается, в качестве гениинного на алтайском уровне, с монг. **biža-* (ср.: п.-монг. *bižayai*, х.-монг. *bižgai* «крепкий», «сильный» и т.д.) и тунг.-маньчж. **bežun* «десять оленей», «множество» (ср.: эвенк. *bežen* «десять оленей») и т.д. (EDAL, I, 340);

каз. *бақай* (*baqaj*) «бабка», «козон (надкопытная косточка лошади или рогатого скота)» ~ пратюрк. **baqañ*, др.-тюрк. *baqanaq*, карах. (МК) *baqajaq*, тур. *bakanak*, аз. *baqanaç*, башк. *bäqäl*, ног. *baqaj*, хак. *paɣajaç*, *taɣajaç*, чув. *paGälžak* (← ср.-кыпч.) «копыто; бабка; суставы в ногах животных» ~ п.-монг. *buɣulaɣ*, х.-монг. *bugäläg*, бур. *bagalsag*, *bagansaq*, дагур. *boGolžar*, калм. *bayälcäG* «плечо, плечевая кость, запястье» (Ramstedt, 1935, 28; Räsänen, 1969, 58; Clauson, 1972,

316-317; ЭСТЯ, 1978, 43-44; Дыбо, 1996, 227, 310; СИГТЯ, 1997, 286-287; EDAL, I, 324-325);

каз. *бақыр* (*baqır*) «медь» ~ пратюрк. **baqır* «медь»; «налет, патина»: др.-тюрк. (енис., др.-уйг., карах.) *baqır*, тур. *bakır*, аз. *раҳир* (оглушение **b-* > *p-* под регрессивной ассимиляцией следующего через гласный шумного *-χ-* < **-q-*), туркм. *baqır*, к.-балк. *baıır*, хак. *pāyār*, чув. *pāyār*, диал. *pākkār* «медь» ~ монг. **boki(r)* «налет, патина», «грязный»: п.-монг. *boki* «патина», *bokir* «грязный»; х.-монг. *бох*, *бохир* «тж»; ср. также: п.-монг. *baqar*, *baqur*, калм. *baḡār* «медь» (к монг. *boki* «налет, патина» ср. чув. *pāḡ* в *timēr pāhē*, *tāxlan pāhē*, *pāyār pāhē* «шлак (железный, свинцовый, медный)» ~ каз. *boq* «помет», «навоз», «спражнения», «нечистоты», «грязь» и т.п., см. ЭСТЯ, 1978, 183) (Ramstedt, 1935, 29; Räsänen, 1969, 58; Clauson, 1972, 317; ЭСТЯ, 1978, 45-46; СИГТЯ, 1997, 405-406; Щербак, 1997, 104; EDAL, I, 348-349);

каз. *балдақ* (*baldaq*) «эфес сабли»; «костыль»; «кольцо» ~ пратюрк. **baldaq* «рукоятка»; «стебель, ствол»; туркм. *baldaq* «стебель, ствол»; *baldak*, узб. *baldəq*, уйг. *baldaq*, тат. *baldaq*, башк. *baldaq*, к.-калп. *baldaq*, ног. *baldaq* «рукоятка» ~ монг. **bolčayu* «толстый, конец чего-либо»: п.-монг. *bolčayu*, х.-монг. *bolčū*, бур. *bulsū*, калм. *bulä* «закругленный, тупой наконечник стрелы»; «луковица»; ср. также: монг. *bulуу-* «вырывать с корнем», *bulуул-* «разбирать на части, расчленять», *bulж-* «быть расчлененным» (Lessing, 1960, 134, 137); п.-монг. *balday*, *barday*, х.-монг. *baldag*, *bardag* «эфес, рукоятка, набалдашник» ← тюрк. (Ramstedt, 1935, 59; Räsänen, 1969, 60; ЭСТЯ, 1978, 52; Эхмэтьянов, 2001, 34-35; EDAL, I, 349);

каз. *балдыз* (*baldız*) «младшая родная сестра или младшая родственница жены»; «шурин» ~ пратюрк. **baldır*, др.-тюрк. *baldız*, карах. (МК) *baldız* «младшая

сестра жены», *baldır* «ранний» (МК, I, 229; ДТС, 80). туркм. *bāldız*, кирг. *baldız*, якут. *balis*, чув. *puldār* «тж.» ~ монг. **balčir* «малолетний»: п.-монг. *balčir*, х.-монг. *balčir*, *balčirγan*, бур. *balšār*, калм. *balčār* «малолетний, маленький»; ср. также каз. *baldırγan* «растение со сладким, сочным стеблем», *baldırγan žas* «цветущая молодежь» ~ монг. *balčirγana* «борщевик» (Ramstedt, 1935, 32; Clauson, 1972, 332, 334; ЭСТЯ, 1978, 47-50, 53-54; СИГТЯ, 1997, 71, 306-307, 312; EDAL, I, 325-326, 349-350);

каз. *балтыр* (*baltır*) «икры ноги» ~ пратюрк. **baltır* «тж.»: др.-тюрк., др.-уйг., карах. *baltır*, карах. *baldır*, туркм. *baldır*, узб. *böldir*, тат., башк. *baltır*, хак., шор. *paltır*, тув. *ba'ldır*, якут. *baltır* «икра ноги» ~ монг. **bulčij* «мышцы (рук и ног)», п.-монг. *bulčij*, х.-монг. *bulčin*, бур. *bulšan*, калм. *bulčēŋ*, орд. *bulčij* «мышцы (рук и ног)» (монг. → кирг. *bulčuŋ*, якут., долг. *bulčij* и т.д.) (Ramstedt, 1935, 32,61; Räsänen, 1969, 61; ЭСТЯ, 1978, 54-55; Дыбо, 1996, 313; СИГТЯ, 1997, 283-284; Kałużyński, 1961, 94; Stachowski, 1993, 70; Doerfer, 1985, 137; EDAL, I, 350-351; Әхмәтъянов, 2001, 35);

каз. *бар* (*bar*) «есть, имеется», *barša* «весь, все» ~ пратюрк. **bār*, др.-тюрк. (орх., енис., др.-уйг.) *bar*, тур., гаг., аз. *var*, туркм. *bār*, сал. *bār*, халадж. *vār*, кар. *bar*, хак. *par*, як. *bār*, чув. *pur* «есть, имеется» ~ монг. **bari-* «брать руками, хватать»; ср.-монг. (SH, HY) *bari-*, (ИМ) *bāri-*, п.-монг. *bari-*, х.-монг. *bari-*, калм. *bār-*, баоань. *vār(ə)*- «брать, взять» (Ramstedt, 1935, 38; Räsänen, 1969, 62; Clauson, 1972, 353, 356-357; ЭСТЯ, 1978, 61-63; СИГТЯ, 1997, 326-327, 332-333; Старостин, 1991, 287; Федотов, 2002, 216-217; EDAL, I, 328);

каз. *бай* (*baw*) «завязка» ~ пратюрк. **bāy* «связка, веревка»: др.-тюрк. *bay*, туркм. *bāG*, хал. *bay*, тат. *baw*, як. *bāj* «связывать», чув. *pájav* «веревка», «завязка» ~ п.-

МОНГ. **ba-* «связывать»; х.-монг. *bay* «связка, веревка», тунг. *ba-* «свататься», «жениться» (Ramstedt, 1935, 57; в новейших исследованиях монгольские формы считаются тюркскими заимствованиями; см.: EDAL, I, 319);

каз. *бекіпе (bekīre)* «вид красной рыбы» ~ пратюрк. **bekre* «стерлядь»: туркм. *bekre*, ср.-тюрк. *bekre*, узб. диал. *bekre*, башк. *bikre*, к.-калп. *bekire* «осетр» ~ монг. **bekir* «стерлядь»: п.-монг. *beker*, х.-монг. *beḡer*, калм. *bekēr* «осетр» (Ramstedt, 1935, 41; Räsänen, 1964, 68; ЭСТЯ, 1978, 108; EDAL, I, 336-337);

каз. *бел (bel)* «поясница; талия», «спина, корпус (о животных)» ~ пратюрк. **bēl(k)* «поясница»; «горный перевал»: др.-тюрк. (енис., др.-уйг.) *bel*, карах. *bel*, тур., аз., гаг. *bel*, туркм. *bīl*, сал. *bil*, халадж. *bīel*, уйг. *bāl*, кар. *bel*, хак. *pil*, тув. *bel*, якут. *bīl*, чув. *pilēk* «поясница» ~ монг. **belkeḡü* «поясница»: п.-монг. *belkeḡü-sün* (Lessing, 1960, 98), х.-монг. *belḡūs*, бур. *belḡūhě(n)*, *belḡenseḡ* «широкий пояс», калм. *belkūsēn*, орд. *belḡūs* «поясница»; ср. также: монг. *bel* «талиа, спина, середина»; «пуговица» (Ramstedt, 1935, 42; Räsänen, 1969, 69; Poppe, 1960, 76; Clauson, 1972, 330; Doerfer, 1965, 416; ЭСТЯ, 1978, 135-137; СИГТЯ, 1997, 268-269; Дыбо, 1996, 119-121; Федотов, 2002, 211; EDAL, I, 337);

каз. *би (bij)* «танец, пляска», *bijle-* «танцевать, плясать», диал. *bijī-* «танцевать, плясать» ~ пратюрк. **būdi-* «танцевать»: др.-уйг. *būdi-*, карах. *būdi-*, тат. *běj-*, башк. *bějě-*, кумык. *biji-*, ног. *biji-*, якут. *bitij-* «танцевать» ~ монг. **būdūri-* «спотыкаться»: п.-монг. *būdūri-*, *būdūre-* (Lessing, 1960, 144); х.-монг. *būdrě-*, бур. *būder-*, калм. *būdēr-*, орд. *būdūr(e)-* «спотыкаться», «запинаться»; ср. также: ср.-монг. *būḡi-*, п.-монг. *būḡi-* «танцевать, плясать», *būḡig* «танец»; *bejele-*, х.-монг. *биелэ-* «исполнять народный танец» (Lessing, 1960, 95) (← тюрк.) (Ramstedt, 1935, 54, 66; Räsänen, 1969, 91; Clauson, 1972,

300, 302, 309; Doerfer, 1985, 78; ЭСТЯ, 1978, 131-132; Егоров, 1964, 145; Ramstedt, 1949, 152; EDAL, I, 365-366; Щербак, 1997, 111);

каз. *buik* (*bijik*) «высокий»; «величественный» ~ пратюрк. **bedük* «большой, крупный»; «высокий», др.-тюрк. (орх., др.-уйг.) *bedük*, карах. *bedük*, тур. *büyük*, гаг. *būk*, аз. *böyük*, туркм. *bejik*, халадж. *bidik*, *büdük* кирг. *bijik*, к.-балк. *mijik*, хак. *pözik*, шор. *mözük*, тув. *bedik*, чув. *parGa* «большой, крупный» ~ монг. **bediyü*, **büdüyün* «толстый»; п.-монг. *bü/idügün* (Lessing, 1960, 144), х.-монг. *büdün* «толстый, полный, крупный», бур. *büdün*, калм. *bü/ödün*, дунс. *biedun*, баоань. *beidoŋ* «толстый», «крупный» (Ramstedt, 1935, 66; Räsänen, 1969, 67; Clauson, 1972, 299-301; ЭСТЯ, 1978, 288-290; Poppe, 1960, 53; Doerfer, 1963, 234; EDAL, I, 334-335);

каз. *бой* (*boj*) «рост», «стан, корпус»; «длина», «протяжение, продолжительность» ~ пратюрк. **bod* «тело, стан, рост», «сам»: др.-тюрк. (орх., др.-уйг.) *bod*, карах. *bod*, *bođ*, туркм. *boj*, халадж. *bod*, хак. *pos*, шор. *pozi*, тув. *bot*, чув. *pěv-* / *pü* «тж.» ~ монг. **boda* «предмет, сущность, тело»: ср.-монг. *bodo*, п.-монг. *boda*, х.-монг. *bod*, бур. *bodo*, калм. *bodā* «форма, тело, предмет»; с также: монг. **beje* «тело, личность», «сам»; ср.-монг. *beje*, п.-монг. *beje*, х.-монг. *bije*, бур. *beje*, калм. *bī*, *bijē* «тело», «рост», «личность»; «сам» (Ramstedt, 1935, 47; 1957, 57, 98; Владимирцов, 1929, 261; Poppe, 1960, 21, 53, 66; Старостин, 1991, 79, 105, 376, 279; Doerfer, 1965, 358-361; ЭСТЯ, 1978, 176-178; Щербак, 1997, 68; EDAL, I, 335, 365);

каз. *бос* (*bos*) «пустой», «порожний», «свободный» ~ пратюрк. **boš* «тж.»: др.-тюрк., др.-уйг. *boš*, карах. *boš*, тур., гаг., аз., туркм. *boš*, сал. *boš*, халадж. *boš*, кумык. *boš*, с.-юг. *bos*, *pos*, хак., шор. *pos*, тув. *bo š*, якут. *bošxo* (< **boš-qa*), чув. *puš*, *pužā* «пустой, свободный» ~ монг.

**busa-ni* «становиться пустым»: х.-монг. *busni-* «разоряться, оскудевать», *bus* «не», «не-», «бес-»; *busay:* *χeseg-busay* «мелочь, безделица»; «маловажный» (БАМРС, I, 291-292), калм. *busñā-* «становиться скудным, пустым» (Ramstedt, 1935, 63; 1949, 186; Räsänen, 1969, 82; Poppe, 1926, 114; Clauson, 1972, 376; ЭСТЯ, 1978, 203-205; Clark, 1980, 41; Егоров, 1964, 170; Федотов, 2002, 222; EDAL, I, 368);

каз. *ботқа* (*botqa*) «каша»; «смесь, месиво»; «сечка, резка» ~ пратюрк. **botqa* «каша»: ср.-тюрк., ст.-кыпч. (At-Tuhf.) *butya*, тат. *bōtqa*, башк. *butqa*, кирг. *botqo*, хак. *potχi*, тув. *botqa*, якут. *butuyas*, чув. *pāDā* «каша» ~ монг. **budaya* «каша, суп»: ср.-монг. *buda'an*, (ИМ) *budan*, (МА) *budan*; п.-монг. *budaya(n)* (Lessing, 1960, 129), х.-монг. *budā(n)*, бур. *budā*, калм. *budān*, дагур. *badā*, *budā* «каша» (см.: Ramstedt, 1935, 57; Räsänen, 1969, 82; ЭСТЯ, 1978, 201-202; Әхмәтъянов, 2001, 54; Федотов, 2002, 198; EDAL, I, 356);

каз. *боя-* (*boja-*) «(по)красить» ~ пратюрк. **bodo-* «красить»: др.-тюрк. *bodo-*, карах. *bodo-*, тур. *boja-*, туркм. *boja-*, халадж. *boda-*, узб. *būja-*, уйг. *boju-*, *boja-*, тат. *buja-*, кирг. *bojo-*, алт. *pojo-*, тув. *budu-*, якут. *butuj-*, чув. *pēve-* «красить» ~ монг. **budu-* «красить»: ср.-монг. (МА) *buduiq* «краска»; п.-монг. *budu-* (Lessing, 1960, 130), х.-монг. *budā-*, бур. *buda-*, калм. *budā-*, дагур. *bodo-*, *bode-* *bodu-*, монгол. *budi-*, хуцзу, минхэ *buda-* «красить» (← тюрк.) (Ramstedt, 1935, 57; Räsänen, 1969, 77; Ряснен, 1955, 116; Владимирцов, 1929, 391; Clauson, 1972, 300; Егоров, 1964, 155; ЭСТЯ, 1978, 178-180; Doerfer, 1985, 94; Щербак, 1994, 181; 1997, 107-108; Федотов, 2002, 204; EDAL, I, 367-368);

каз. *бөге-* (*böge-*) «запрудить»; «преграждать», «препятствовать»; «задержать» ~ пратюрк. **bök-* «ставить плотину, затычку»: карах. (МК) *bök-* «запрудить», *bö-*

ken- «быть загороженным (о дороге)»; тур. диал. *böke-*, кар. т. *bök-lä-* «запирать, закрывать», кирг. *bögö-*, к.-калп. *böge-*, чув. *pëve-* (← ср.-кыпч.) «запрудить»; ср. уйг. *pok*, тат. *büki*, алт. *bök* «пробка» ~ монг. **bögle-* «затыкать», «предотвращать»: ср.-монг. *bokle-*, п.-монг. *bögle-*, х.-монг. *böglö-*, бур. *bügle-*, калм. *böglë-*, орд. *böglö-* «закупоривать, затыкать», «загораживать» (← тюрк. *böklä-* «тж.» – Ж.Т.) (Ramstedt, 1935, 54; 1957, 58; Poppe, 1960, 58-59; Doerfer, 1963, 229; Räsänen, 1969, 82, 83; Егоров, 1964, 146; Clauson, 1972, 324, 326; ЭСТЯ, 1978, 208-210; Федотов, 2002, 193, 203; EDAL, I, 371);

каз. *bөpi* (*bөri*) «волк» ~ пратюрк. **bö:rü* «волк»: др.-тюрк. (орх., ен., др.-уйг.) *böri*, туркм. *bö:rü*, сал. *püre*, халадж. *bīeri*, уйг. *böri*, кумык. *börü*, к.-балк. *börü*, хак. *pür*, шор. *pörü*, тув. *börü*, тодж. *börük*, якут. *börö*, чув. *pirë* (в *pir śirli*, *pir pužǎžǎ* «волчье лыко») «волк» ~ монг. **ber-* «волчонок»: ср.-монг. (SH) *borte čino*; п.-монг. *beltereg*, *belterge* (Lessing, 1960, 128); х.-монг. *beltrëg*, бур. *beltërgë*, калм. *beltërgë* (< **berteleg*) «волчонок» (Ramstedt, 1935, 42; Räsänen, 1969, 84; Clauson, 1972, 356; Doerfer, 1965, 333; ЭСТЯ, 1978, 219-221; СИГТЯ, 1997, 160; Щербак, 1997, 163; Абаев, I, 263; Аникин, 2000, 128-129; EDAL, I, 343-344);

каз. *буаз* (*būwaz*) «стельная (корова)», «жеребая (кобыла)» ~ пратюрк. **boγaz* «тж.»: др.-огуз. *töl-boγaz* «беременная», туркм. *boγaz*, аз. диал. *boγaz*, халадж. *poos*, ср.-тюрк. (МА) *boγaz*, *boγuz*, уйг. *boγaz*, тат. *būwaz*, кирг. *bōz*, к.-балк. *biwaz*, хак. *pōs*, тув. *bōs*, якут. *buos* «беременная (о животных)» ~ монг. **boγo-* «раб, слуга»: ср.-монг. (SH, HY) *bo'ol*, (ИМ) *bawa*, *b[a]wan*, (МА) *bual*; п.-монг. *boγol*, *boγul* (Lessing, 1960, 112), х.-монг. *bōl* «раб, холоп», *būrǰ* «раб во втором поколении»; бур. *bōl*, *bogōl*, калм. *bōl*, орд. *bōl* «раб»; ср. также: п.-монг. *boγus*, х.-монг. *bōs*, бур. диал. *bōs*, калм. *bōs* «стельная (о

корове)», «жеребая (о кобыле)», «суягная (об овце)» (← тюрк.) (Ramstedt, 1935, 53, 54; 1949, 57; Räsänen, 1969, 78; Doerfer, 1963, 212; 1965, 348; 1985, 89; ЭСТЯ, 1978, 169; Старостин, 1991, 295; Poppe, 1972, 96; EDAL, I, 366-367);

каз. *буын* (*būwūn*) «сустав», «поколение» ~ пратюрк. **boγut* «сустав»: карах. *boγun*, *boγut*, тур. *boγun*, *boγut*, туркм. *boGūn*, сал. *puγut*, уйг. *boγat*, кар. *biwun*, кирг. *tūn*, хак. *pin*, алт. *min*, *pūn*, чув. *pāvāt* «сустав», «сочленение» ~ монг. **bog-* «ключица, плечевая кость»: п.-монг. *boγtu* (Lessing, 1960, 111; Kowalewski, 1844, 1211), х.-монг. *bogt(o)* «лучевая кость», *buguj* «дистальный конец предплечья; предплечье, запястье»; бур. *bogto*, калм. *bōG*, *bokčē*, *boktā* «плечевая кость» (Ramstedt, 1935, 49, 53; Räsänen, 1969, 78, 86; Doerfer, 1965, №706, 799; 348-349; Clauson, 1972, 315, 316; ЭСТЯ, 1978, 170-171; СИГТЯ, 1997, 260; Дыбо, 1996, 226, 309; EDAL, I, 358-359);

каз. *бұғана* (*būγana*) «ложные ребра»; *būγana qabīrγa*, *būγana süjek* «ключица» ~ пратюрк. **boqana* «ложные ребра»: башк. *būγana*, кирг. *boqono*, хак. *poγana*, алт. *boγono sō:k* «короткие (ложные) ребра», «ребро у ключицы» ~ монг. **bogoni* «первое ребро»: п.-монг. *boγuni* «короткий», «низкий», «слабый» (Lessing, 1960, 113); х.-монг. *bogino xawirγa*, калм. *boγāni*, орд. *boGoni*, *boGono* «короткий», «краткий»; «первое короткое ребро» (тюрк. ← монг. – Ж.Т.) (Ramstedt, 1935, 49; ЭСТЯ, 1978, 305; СИГТЯ, 1997, 275-276; Дыбо, 1996, 5; EDAL, I, 370);

каз. *бұйыр-* (*bujūr-*) «приказывать», «распорядиться» ~ пратюрк. **bujur-* «тж.»: др.-тюрк., др.-уйг. *bujur-*, карах. *bujur-*, тур., гаг., аз., туркм. *bujur-*, уйг. *bujru-*, диал. *bujur-*, тат. *būjūr-*, алт. *bujur-*, чув. *pūr-* «приказывать, повелевать» ~ монг. **boj* «забота, уход»: п.-монг. *boi*

(Lessing, 1960, 113), х.-монг. *boj* «уход, попечение, работа» (Räsänen, 1969, 87; Рясänen, 1955, 54, 116, 166; Clauson, 1972, 387-388; Doerfer, 1965, 362, №815; ЭСТЯ, 1978, 245-247; Егоров, 1964, 171; Федотов, 2002, 224; EDAL, I, 369-370);

каз. *бұқ-* (*buq-*) «притаиться» ~ пратюрк. **buq-* «сидеть в засаде, прятаться»: туркм. *buq-*, узб. *biq-*, кирг. *buq-*, к.-балк. *buq-*, к.-калп. *buq-*, ног. *buq-*, якут. *bük-* «притаиться, прятаться» ~ монг. **büg-* «сидеть в засаде, прятаться, таиться»: п.-монг. *bügsi-* (Lessing, 1960, 126), *bögsi-*; х.-монг. *bügši-*, калм. *büg-*, даг. *bugši-* «устраивать засаду», «сидеть в засаде» (ср. тюрк. *bükšin-*, чув. *pěkšën-*, *pěškën-* «нагибаться» < тюрк. *bük-* «сгибать», «нагибать». – Ж.Т.) (Ramstedt, 1935, 66; ЭСТЯ, 1978, 248; 290-293; Егоров, 1964, 155; Räsänen, 1969, 91; Федотов, 2002, 204; EDAL, I, 370-371);

каз. *бұлақ* (*būlaq*) «родник, ключ» (< *būla-* «запирать, взмылить лошадь быстрой ездой»; «проливать слезы») ~ пратюрк. **bulaq* «родник, источник, колодец»: др.-тюрк., др.-уйг., карах. *bulaq*, туркм. *bulaq*, аз. *bulaq*, халадж. *bula:q*, тат. *būlaq*, хак. *puluq*, шор. *puluq*, тув. *bilaq*, чув. *pāla* «источник, родник, ключ» ~ монг. **bul(ka)-*, **bilka-* «мочить»; «вытекать из земли (о воде)»; «переливаться через край»: п.-монг. *bulqa-*, *bulqu-* «мочить»; *bulara-* «вытекать», *bilqa-* «переливаться»; х.-монг. *bulqa-* «мочить», бур. *bulqa-* «полоскать рот»; ср. также: монг. *bulay*, калм. *bulāg* «родник, источник» ← тюрк. (Щербак, 1997, 110) (Ramstedt, 1935, 45, 59; Räsänen, 1949, 234; 1969, 87; Doerfer, 1965, 355; Clauson, 1972, 336; Владимирцов, 1929, 326; ЭСТЯ, 1978, 257-258; Ramstedt, 1949, 211; Doerfer, 1985, 125; EDAL, I, 362);

каз. *бүк-* (*bük-*) «загибать, сгибать», «загнуть»; «подрубить края материи» ~ пратюрк. **bük-* «сгибать,

складывать, свертывать»; «сгибаться, кланяться»: др.-тюрк., карах. *bük-*, тур., гаг., аз., туркм. *bük-*, сал. *pöχ-*, уйг. *pük-*, тат. *bög-*, башк. *bögö-*, хак., шор. *pük-*, тув. *bük-*, чув. *pëk-* (*pük-* ← ср.-кыпч.) «сгибать» ~ монг. **böc-* «сгибаться», «кланяться»: ср.-монг. (SH) *bogotur*, (MA) *bukä-tu* «горбатый»; п.-монг. *bökeji-*, *böküi-* «гнуть» (Lessing, 1960, 126, 127); х.-монг. *böχ(ön)* «горб», *bögötör* «горбатый», *böχös böχös* «то и дело сгибаясь, склоняясь, кланяясь»; *böχij-* «сгибаться, наклоняться», «горбиться» (Räsänen, 1969, 91-92; Ramstedt, 1935, 55; 1957, 147; Poppe, 1960, 56; Clauson, 1972, 324; ЭСТЯ, 1978, 290-293; Федотов, 2002, 204; EDAL, I, 360-361);

каз. *бұрға (bürge)*, диал. *bürşe, burša* «блоха» ~ пратюрк. **bürge, *bürče* «блоха»: др.-тюрк., карах. (МК, ИМ) *bürge*, тур. *pire*, гаг. *pire*, аз. *pirä*, туркм. *büre*, узб. *burga*, уйг. *bürgä*, кар. *bürče*, к.-балк. *bürče*, кумык. *bürče*, ног. *bürşe*, чув. *pärža* «блоха» ~ монг. **bürge* «блоха», «вошь»: ср.-монг. (HY) *burge* «вошь», (ИМ) *birik* «блоха», (MA) *burkä* «блоха»; п.-монг. *bürge, büürge* «вошь»; х.-монг. *bürëg*, калм. *bürgä*, орд. *bürge* «блоха» (Ramstedt, 1935, 71; 1949, 198; Räsänen, 1969, 92; Clauson, 1972, 362; Егоров, 1964, 149; ЭСТЯ, 1978, 298-299; СИГТЯ, 1997, 182-183; Федотов, 2002, 196; Щербак, 1997, 111; EDAL, I, 363-364);

каз. *біл- (bil-)* «знать, понимать»; «узнать, проведать» ~ пратюрк. **bil-* «знать»: др.-тюрк. (орх., енис., др.-уйг.) *bil-*, карах. *bil-*, туркм. *bil-*, халадж. *bil-*, уйг. *bil-*, кумык. *bil-*, хак. *pil-*, шор. *pil-*, тув. *bil-*, якут. *bil-*, чув. *pël-* «знать» ~ монг. **bele-* «готовиться», «готовый»: ср.-монг. *belen*, (MA) *bilän* «готовый», п.-монг. *belen, beleken* «готовый», *bele-dke-* «готовиться»; х.-монг. *belde-*, *belen*, бур. *belen*, калм. *belën* «готовый», дагур. *belke-, belede-* «готовить»; ср. также: тюрк. *bilig*

«знание» → монг. *bilig* (Ramstedt, 1935, 42, 45; 1957, 106; Владимирцов, 1929, 173; Poppe, 1960, 21, 76; Räsänen, 1969, 75; Doerfer, 1963, 216; Clauson, 1973, 330-331; ЭСТЯ, 1978, 137-139; Щербак, 1997, 104, 106; Doerfer, 1985, 78; Федотов, 2002, 204; EDAL, I, 337-338);

каз. *bile-* (*bīle-*) «точить», *bīlew* (*qajraq*) «точильный брусок» ~ пратюрк. **bile-* «точить»: др.-тюрк., карах. *bile-*, тур. *bile-*, туркм. *bilev* «точильный камень», аз. *bilōw*, *bülōw* «точильный камень», уйг. *bilä-*, кар. *bile-*, кумык. *bile-*, тув. *bili-* «точить», чув. *pēlev* «точильный камень» ~ монг. *büle-* «колоть, надрезать (ножом и т.п.)»: п.-монг. *büle-* (Lessing, 1960, 146); х.-монг. *büle-*, калм. *bül-* «вонзать, воткнуть, колоть, прокалывать»; ср. также: монг. *bilegū* (← тюрк. **būlegü*) «точильный камень» (Щербак, 1997, 106) (Ramstedt, 1935, 66; 1949, 198; Räsänen, 1953, 20; Рясянен, 1955, 58; Clauson, 1972, 332-333, 341; ЭСТЯ, 1978, 142-143; Федотов, 2002, 205; EDAL, I, 361-362);

каз. *bīlek* (*bīlek*) «часть руки между локтем и пястью»; *bīlezik* «браслет» ~ пратюрк. **bilek* «запястье, предплечье»: др.-тюрк., др.-уйг., карах. *bilek*, аз. *biläk*, туркм. *bilek*, узб. *bilak*, уйг. *biläk*, кар. *bilek*, хак. *pīlek*, шор. *pilek*, тув. *bilek*, якут. *belencik*, *belennik* «тж.» ~ монг. **bejelej* «рукавицы»: п.-монг. *begelei* (Lessing, 94), х.-монг. *bēlij*, бур. *bēlej*, калм. *bēl'ē*, дагур. *bēli*, *bēl* «рукавицы» (ср. каз. *биялай* «перчатки, рукавицы». – Ж.Т.); ср. также: тюрк. **bilek jüzük* > **bilezük* > *bilezik* «браслет» → монг. *bülüšüg*, *bilüčüg*, *bilisüg* «тж.» (Ramstedt, 1935, 44; 1957, 109; Räsänen, 1969, 76; Doerfer, 1965, 145-146; Clauson, 1972, 338-339; Колесникова, 1972, 97-98; Дыбо, 1996, 172-175, 311; ЭСТЯ, 1978, 145-146; СИГТЯ, 1997, 250; Doerfer, 1985, 240; Clark, 1980, 41; Аникин, 2000, 149; EDAL, I, 343);

каз. *bip* (*bīr*) «один» ~ пратюрк. **bir* (**bīr*) «один»: др.-тюрк. (орх., енис., др.-уйг.) *bir*, карах. (МК, КБ, ИМ) *bir*, туркм. *bir*, сал. *pur*, *bir*, *pur*, халадж. *bi*, с.-юг. *bir*, хак. *pīr*, шор. *pīr*, тув. *bir*, якут. *bīr*, чув. *pēr*, *pērre* «один» ~ монг. **būri* «каждый, все»: ср.-монг. (SH, HY) *burī*; п.-монг. *būri* (Lessing, 1960, 148), х.-монг. *pūr*, бур. *būri*, калм. *būrə* «каждый, все» (Ramstedt, 1935, 67; 1957, 54; Räsänen, 1969, 76; Doerfer, 1965, 383-384; Clauson, 1972, 353-354; Егоров, 1964, 157; ЭСТЯ, 1978, 146-151; Федотов, 1996, I, 421-422; 2002, 205-206; Старостин, 1991, 73, 99, 277; Martin, 1996, 238; EDAL, I, 364);

каз. *nic-* (*pīs-* < **bis-*; оглушение **b-* > *p-* под регрессивной ассимиляцией следующего через гласный шумного согласного *-s-* < **-š-*) «взбалтывать кумыс»; *pīšek* «мешалка (для взбалтывания кумыса)» ~ пратюрк. **bil'či-* ~ **biš(e)-* «помешивать, взбивать (молоко масло), пахтать»: туркм. *pīšek* «сбивалка, пахталка»; узб. *pīškak* «тж.», тат. сиб. *pěš-*, башк. *běšē-*, *běškāk*, кирг. *biš-* / *biš-*, *biškek*, ног. *piskek*, якут. *bis-* «пачкать, мазать» ~ чув. *pěžer-* «бить, колотить» ~ монг. **bilča-* «размазывать(ся)»: п.-монг. *bilča-*, *bilče-* (Lessing, 1960, 103), х.-монг. *b'alca-*, бур. *bilsa-*, калм. *bilče-*, орд. *bilčal-* «раздавить, сплющить» (Ramstedt, 1935, 45; 1949, 2002; Miller, 1970, 129; ЭСТЯ, 1978, 309-310; EDAL, I, 342-343);

каз. *мықын* (*mīqīn* < **biqīn*, назализация инициального **b-* > *m-* вызвана регрессивной ассимиляцией ауслаутного носового *-n*) «бок» ~ пратюрк. **biqīn* «бедро, бок»: др.-тюрк., др.-уйг. *biqīn* «бедро»; карах. *biqīn* «бедро, бок», туркм. *biqīn*, узб. *biqīn*, уйг. *biqīn*, сиб. тат. *bīqīn*, кирг. *tiqīn* (< **biqīn*), к.-балк., *bīqīn*, хак. *pīqīti*, алт. *biqīn* / *tiqīn*, тув. *bīqīn* «бок», «бедро» ~ монг. **boqaγur* «зад, ягодицы»: ср.-монг. МА *boqa'ur*, ИМ *bayūr*, ЛН *baqayūr*, х.-монг. *buqar*, калм. *bokūr* «негодяй, плут, шельма», могол. *buqār*, баоань. *boGor* «ягодицы»

(Ramstedt, 1935, 50; Räsänen, 1969, 73; Clauson, 1972, 316; Doerfer, 1965, 301; ЭСТЯ, 1978, 304-305; СИГТЯ, 1997, 280; Дыбо, 1996, 6; EDAL, I, 359-360) и др.

Эмпирический материал свидетельствует, что начальный *b-, по крайней мере, в эпоху существования тюркско-монгольских языковых контактов, как в тюркских, так и монгольских языках имел абсолютно одинаковую качественную характеристику, т.е. противопоставление глухих и звонких аллофонов в анлаутной позиции ни в монгольских, ни в тюркских языках не имело никакой фонологической значимости.

Сравнительный анализ соответствий инициального b- между тюркскими и монгольскими языками не может служить диагностическим признаком для сепарации тюркизмов в монгольском от монгольских заимствований в тюркских языках, так как сохраняется как в том, так и в другом случаях без изменения, ср., например, монгольские заимствования в казахском языке:

каз. *баран* (*baran*) «темноватый (о масти лошади)» (Базылхан, 1984, 66; Räsänen, 1969, 62) ← монг. *barān* «темного цвета, мрачного оттенка»; п.-монг. *barayan* «темный», «черный» (см.: EDAL, I, 352; Рассадин, 1980, 12, 72);

каз. *болжал* (*bolžal*) «предугадывание», «предсказание», «предвидение» ← монг.: ср.-монг. *bolžal* «назначенное время, уговор»; х.-монг. *bolzol* «условие» < п.-монг. *bolži-*, *bolža-* «договариваться о сроке» (ЭСТЯ, 1978, 188-189; Щербак, 1997, 2000; EDAL, I, 351; Räsänen, 1969, 79 и др.);

каз. *босага* (*bosaya*) «порог» ← ср.-монг. *bosoğa*, *bosaya*, «порог», п.-монг. *busuya*, х.-монг. *bosgo* «порог» (Räsänen, 1969, 85; Doerfer, 1963, 227; ЭСТЯ, 1978, 197-198; СИГТЯ, 1997, 512; Щербак, 1997, 201; EDAL, II, 1097);

каз. *bodene (bödene)* «перепелка» ← ср.-монг. *bodena*, п.-монг. *bödüne*, х.-монг. *bödnö*, бур. *büdene*, орд. *bödönö* «перепелка» (Doerfer, 1963, 218; ЭСТЯ, 1978, 101-102; Щербак, 1997, 201; СИГТЯ, 1997, 309; EDAL, I, 321);

каз. *бүлдірге (büldirge)* «петля на рукоятке нагайки» ← ср.-монг. *büldürge* «петля нагайки» (Щербак, 1997, 201-202; Рона-Таш, 1987, 7, 12) и др.

Подводя итог нашим наблюдениям над историческим развитием губного анлаута в тюркских (resp. алтайских и урало-алтайских) языках прежде всего следует особо подчеркнуть, что глухое (слабое) начало слова является типологической универсалией языков агглютинативного строя. В настоящее время, несмотря на всю полемичность оппозиции тюркского (resp. урало-алтайского) анлаута по глухости – звонкости, первичность инициальных глухих смычных принимается большинством специалистов в качестве типологической черты агглютинативных (по крайней мере, тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, финно-угорских и уральских) языков, хотя употребление в анлауте большинства современных языков алтайской общности звонкого (слабого) *b*- вроде бы указывает на противоречивость данного положения: по инерции, как дань традиции, в тюркологических (resp. алтаистических) исследованиях все еще довольно часто отдается приоритет звонкому билабиальному *b*-, чем глухому *p*-. Тем не менее, динамика развития тюркского лабиального анлаута нам представляется как история фонологизации признаков «глухость – звонкость» // «сила – слабость» (**p*- > *b*-), «смычность – щелинность» (**p*- > *b*- > *v*-), «неназальность – назальность» (**p*- > *b*- > *m*-). Компаративно-контрастивные и типологические исследования языков агглютинативного строя показали, что на уровне пра-

языка (то есть в раннепратюркском или прототюркском) звонкие шумные согласные в анлауте были вообще исключены, что начало слова было глухим, сильным и что сонорность последовательно нарастала по направлению к концу слова. Напротив, сила артикуляции падала по мере движения от начала к концу слова (сильное начало и ослабленный конец) и падение ее было прямо пропорционально размерам слова: в конце двусложных слов шумные согласные оказывались более слабыми, чем в конце односложных. Такое распределение согласных в слове, квалифицируемое специалистами как «тенденция к восходящей звучности», не является случайным и носит характер относительной типологической универсалии (Щербак, 1994, 44).

Вместе с тем, одним из важных факторов изменения первоначального распределения анлаутных согласных по степени сонорности является, наряду с притоком заимствованных из иносистемных языков слов, взаимодействие конца и начала слов (внешнее сандхи: инициальный глухой согласный в положении конечного гласного предшествующего слова подвергается более или менее значительному озвончению. Влияние внешнего сандхи наиболее последовательно отражается на озвончении губных ($p > b > v$), в меньшей степени – переднеязычных (ср. частичное озвончение $t > d$ - и междиалектное колебание $t \sim d$ - в огузских и тобаских языках) и в еще меньшей мере – заднеязычных ($k > g$ -) и увулярных ($q > \gamma$ -). Зависимость объема озвончения начальных шумных согласных под влиянием внешнего сандхи от места их образования очевидна. Этой взаимозависимостью объясняется глобальное озвончение инициального губного смычного $*p$ - в большинстве тюркских (а также монгольских и тунгусо-маньчжурских) языков. Следует особо отметить, что озвончение инициального согласного в

условиях внешнего сандхи началось уже в пратюркском, по крайней мере, в его позднем состоянии. Очевидно, что в праязыковом состоянии, как и в большинстве современных тюркских языков, противопоставление анлаутного звонкого *b*- и глухого *p*- было индифференциальным и не имело какой-либо фонологической значимости. Поэтому мы восстанавливаем для пратюркского (равно как и для прамонгольского, пратунгусо-маньчжурского) состояния инициальный **p*- / **b*-, вернее даже **p*- ↔ **b*-, противопоставление которых не имело никакой смысло-разделяющей функции. Звонкость билабиального смычного в анлаутной позиции как в пратюркском (resp. «праалтайском»), так и в прамонгольском является только фонетическим (то есть акустическим) свойством, но никак не дифференциальным признаком. Данное положение подтверждают и современные тюркские (равно как и монгольские и тунгусо-маньчжурские) языки, для которых корреляция анлаутных губных *p*- ↔ *b*- не имеет никакого смысло-различительного значения. Звонкий анлаутный *b*- возник сперва как комбинаторный вариант глухого *p*- в определенных позициях, затем распространилась на более сильные (особенно на инициальные) позиции и охватывала все большее и большее число слов.

Первоначально звонкий аллофон *b* возникал только внутри слова, позднее он (как и звонкие аллофоны других шумных согласных) распространился сначала на середину и конец слова, а затем и на начало. Вследствие этого происходила фонологизация аллофонов и, в конечном итоге, появились симметрично соотносимые по признаку «глухость» ↔ «звонкость» ряды соответствий.

С взаимобусловленностью в потоке речи конца одного слова и начала другого связано и появление протетических согласных в начале праязыковых слов на начальные гласные, представляющие собой реализацию

междусловной паузы-смычки на уровне сегментных фонем (Щербак, 1994, 44). Отличительная особенность протетических согласных (на уровне типологических универсалий) – отсутствие регулярности их появления (ср. начальные *h-* ~ *χ-* ~ *f-* ~ *p-* в «алтайских» языках), объяснимое, с одной стороны, тем, что возникновение протетических согласных в начале слова не является единственным средством реализации междусловной паузы-смычки, с другой – действием таких факторов, как частотность употребления. Появление протетических согласных в начале этимологических слов на гласные – черта универсальная для многих языков мира, и при том, что особенно важно отметить, оно имеет тождественные истоки практически во всех языках (ср. появление протетических согласных в иранских, финно-угорских, славянских и др. языках). Анализ соответствующих материалов показывает, что появление протетических согласных в языках разных строевых систем отражает общую закономерность сильного начала слова, реализуемую в том или ином виде инкурсии.

Подводя итог всему сказанному выше, подчеркнем, что в тюркских (resp. монгольских, тунгусо-маньчжурских, а также уральских) праязыках в начальной позиции в слове надежно восстанавливается глухой билабиальный **p-*, отражением которого в современных языках являются никогда не исчезающие *p-* / *b-* (> *m-* перед последующими через гласный носовыми согласными).

Если подходить к рассмотренным выше фонетическим явлениям с позиций ортодоксальной алтаистики, возникает необычная в типологическом плане ситуация, когда в одной фонологической системе оказываются два идентичных звука **p-* в одной и той же позиции, принципиально не различающихся друг от друга и не

находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции, однако в историческом развитии дающих разные рефлексy: $*p- > b-$ и $*p- > h- > \emptyset-$. Такое в известных нам языках не обнаруживается.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема анлуатных губных согласных в алтайских (тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских) языках невероятно запутана вследствие стремления алтаистов ортодоксального направления во что бы то ни стало доказать постулируемое родство трех самостоятельных языковых семей – тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской. Решение сложной и до предела запутанной проблемы тюркского и, шире, алтайского анлуата возможно лишь на основе тщательного и глубокого изучения соответствующего репрезентативного эмпирического материала тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

Установленный на материалах всех трех языковых семей алтайской общности единственный фонетический закон, получивший название «закона Рамстедта – Пеллио», не выдерживает беспристрастной филологической критики. По справедливому замечанию А.М. Щербака, закон этот «в отношении тюркских языков может быть справедлив лишь в том случае, если он будет восприниматься не в его историко-лингвистической обусловленности, а в плане общих линий развития языка, обусловленных обстоятельствами физиологического порядка» (Щербак, 1959, 60).

Вопрос о том, каково было начало слова в тюркском праязыке, допускало ли оно одновременно как звонкие, так и глухие согласные или только глухие, относится к числу наиболее дискуссионных в тюркологической литературе. При этом выделяются три основные гипотезы: 1) в тюркском праязыке были как глухие, так и звонкие

согласные в начале слова (Х. Педерсен, В.М. Иллич-Свитыч, К. Менгес и др.); 2) в пратюркском в начале слова допускался только один звонкий согласный *b-* (Н.Н. Поппе, В.А. Богородицкий, М. Рясянен и др.); 3) в пратюркском языке в начале слова были только глухие согласные (В.В. Радлов, Э.Р. Тенишев, Н.З. Гаджиева, Б.А. Серебренников, А.М. Щербак и др.).

Анализ репрезентативного материала древних и современных тюркских языков показывает, что в пратюркском языке не было коррелятивной оппозиции согласных по признаку глухости / звонкости или силы / слабости в анлаутной позиции. Глухое начало слова является вообще одним из типологических универсальной языков агглютинативного строя. Сильное экспираторное ударение на первом слоге не способствовало работе голосовых связок и исключало возможность образования звонких согласных. Современное состояние тюркских языков, особенно их диалектов хранит немало косвенных признаков, указывающих на правомерность гипотезы о первоначальном глухом анлауте тюркского слова.

Процесс озвончения инициального **p-* мог начаться уже в тюркском праязыке. Есть основания полагать, что на позднем этапе пратюркского состояния шел интенсивный процесс озвончения **p-* > *b-*. Реконструкция инициального звонкого *b-* для более позднего пратюркского состояния подтверждается целым рядом косвенных данных, в том числе статистических, обнаруживаемых в материалах современных тюркских языков, а также письменных памятников. Озвончению инициального **p-* > *b-* способствовало, с одной стороны, продвижение ударения с первого слога на последующие в составе производных слов и словоформ, с другой – явление внешнего сандхи. Однако различие в качестве

начальных согласных по признаку глухость / звонкость или сила / слабость следует интерпретировать не как реликт исчезнувшей оппозиции, а как следствие внутридиалектной или междиалектной альтерации аллофонов одних и тех же фоном, причем противопоставление глухих и звонских аллофонов $p- \leftrightarrow b-$ в позднепратюркском не имело какой-либо фонологической значимости.

Такое же развитие претерпевал праязыковой инициальный $*p-$ в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках.

Праязыковой $*p-$ ни в тюркских, ни в монгольских, ни в тунгусо-маньчжурских языках никогда не исчезает, но во всех языках подвергается озвончению ($*p- > b-$), а в некоторых тюркских (огузских) языках – частичной спирантизации ($*p- > b- > v-$) или назализации ($*p- > b- > m-$ в основном перед последующими через гласный носовыми согласными).

Так называемый «фонетический закон Рамстедта – Пеллио» изначально построен на явно предвзятых постулатах и реальные фонетические процессы, имевшие место в ходе самостоятельного развития тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков интерпретирует в совершенно извращенном виде. Тщательная ревизия закона Рамстедта – Пеллио на репрезентативном эмпирическом материале тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языков показывает, что спорадически появляющиеся в начале слов согласные (т.-маньчж. $h- \sim \chi- \sim f- \sim p-$; ср.-монг. $h- \sim \chi-$, а также $h-, \chi-, f-, \xi-$ в изолированных монгольских языках; тюрк. (халадж.) $h-$ и т.п.) по своей природе являются протетическими и возникли в каждой классификационной группе так называемых алтайских языков в ходе их самостоятельного развития. Спорадическое появление протетических согласных в начале слов на этимологические гласные является еще

одной типологической универсалией, характерной для многих языков. Из истории звуковых изменений различных языков известно, что появлению протетических согласных благоприятствует начальное ударение, потому что оно создает так называемые приступы или инкурсии. Различные начальные звуки, нерегулярно появляющиеся перед этимологическими инициальными гласными, являются результатом аспирации – неосознаваемого процесса сохранения или предохранения гласных в условиях внешнего сандхи, функционально соответствующей их акцентуации. Отсюда становится понятным, что наиболее ранняя форма протезы представляла собою аспирацию, то есть придыхание. Следовательно, в ряду межъязыковых (междиалектных) соответствий протетических согласных $h-$ ~ $\chi-$ ~ $f-$ ~ $p-$ приоритет следует отдавать гортанному (или фарингальному) спиранту типа $h-$. Все остальные корреляции протетических согласных развивались позднее в результате закономерных позиционно-комбинаторных изменений изначального приступа или инкурсии. Следовательно, историческая динамика протетических согласных в отдельных классификационных группах так называемых алтайских языков происходила в следующих направлениях:

тюрк. $\emptyset > h-$ ~ $\chi-$ > $v-$ (перед губными гласными) ~ $j-$ (перед нелабиальными гласными в чувашском, перед палатальными – в части огузских);

монг. $\emptyset-$ > $h-$ ~ $\chi-$ (в среднемонгольском) > $f-$ ~ $\chi-$ (> \bar{s} - перед i) в изолированных монгольских языках;

т.-маньчж. $\emptyset-$ > $h-$ (эвенк., эвен.) > $\chi-$ (нег.) ~ $f-$ (маньчж.) ~ $\chi-$ > $f-$ > $p-$ (нан.), $p-$ (ульч.) и т.п.

При этом следует особо оговориться, что развитие протетических согласных в различных классификационных группах языков, традиционно объединяемых в

алтайскую общность, имеет не генинный, а только лишь универсально-типологический характер.

Большая часть межъязыковых или, вернее, межгрупповых сближений, приводимых алтаистами в пользу обоснования закона Рамстедта – Пеллио, при ближайшем знакомстве и всестороннем компаративно-контрастивном анализе оказывается тюркскими заимствованиями в монгольских и монгольскими – в тунгусо-маньчжурских, а это уже убедительно доказывает, что дополнительные инициальные согласные появились на монгольской и на тунгусо-маньчжурской почвах вполне автономно, в относительно поздние этапы их самостоятельного развития, а поэтому на их показаниях нельзя реконструировать праалтайский **p-*. Надо также отметить, что определенная часть межъязыковых сближений, приводимых в алтаистических исследованиях в подтверждение закона Рамстедта – Пеллио, носит явно случайный характер и, наконец, просто некорректна.

Концепция Г. Дёрфера о пратюркском инициальном **p-*, якобы отражающемся в халаджском в виде *h-*, по сути своей является своеобразной данью уважения авторитету Г.Й. Рамстедта и его последователей. Халаджский *h-* в сущности своей является протетическим, явно вторичным явлением и несомненно находится в одном ряду с протетическим *h-*, представленным в целом ряде живых тюркских языков – в азербайджанском, гагаузском, турецком, туркменском, саларском, сарыг-югурском, узбекском, уйгурском, кумыкском, каракалпакском и даже в тувинском. Поэтому, опираясь на протетический *h-* в халаджском, нельзя реконструировать инициальный **p-* для пратюркского состояния.

С учетом изложенных выше фактов и высказанных соображений фонетический закон Рамстедта – Пеллио воспринимается как недостаточно обоснованная, и даже

более того, явно ошибочная гипотеза, и все известные попытки использовать этот «закон» для подкрепления постулата о генетическом родстве тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков явно неудачны.

Компаративистика – область языкознания, требующая максимальной тщательности и большой точности; отсутствие того и другого делает сравнительные исследования бессмысленными.

НАЗВАНИЯ ЯЗЫКОВ, ДИАЛЕКТОВ, ГОВОРОВ

авест. – авестийский
аз. – азербайджанский
алт. – алтайский
англ. – английский
араб. – арабский
афг. – афганский
балк. – балкарский
баоань. – баоаньский
башк. – башкирский
болг. – болгарский
белор. – белорусский
белудж. – белуджский
бур. – бурятский
венг. – венгерский
в.-булг. – волжско-булгарский
в.-луж. – верхнелужицкий
гаг. – гагаузский
герм. – германский
голл. – голландский
гот. – готский
греч. – греческий
дагур. – дагурский
джурдж. – джурдженьский
дигор. – дигорский (диалект осетинского)
долг. – долганский
др.-булг. – древнебулгарский
др.-рус. – древнерусский
дунс. – дунсянский

и.-е. – индоевропейский
иран. – иранский
ирон. – иронский (диалект осетинского)
каз. – казахский
калм. – калмыцкий
камас. – камасинский
кар. – караимский
кач. – качинский
к.-балк. – карачаево-балкарский
кирг. – киргизский
кит. – китайский
к.-калп. – каракалпакский
койб. – койбальский
ком. – команский
коми-зыр. – коми-зырянский
коми-перм. – коми-пермяцкий
коми-язв. – коми-язвинский
конд. – кондомский
кор. – корейский
кр.-тат. – крымско-татарский
куман. – куманский
кумык. – кумыкский
курд. – курдский
кыпч. – кыпчакский
лат. – латинский
леб. – лебединский
маньчж. – маньчжурский
мар. – марийский
могол. – могольский
монг. – монгольский
монгор. – монгорский
нан. – нанайский
нег. – негидальский
нем. – немецкий

н.-луж. – нижнелужицкий
ног. – ногайский
ностр. – ностратический
орок. – орокский
ороч. – ороцкий
орх.-ен. – орхоно-енисейский
осет. – осетинский
перс. – персидский
п.-монг. – письменно-монгольский
польск. – польский
праалт. – праалтайский
прамонг. – прамонгольский
пратунг. – пратунгусо-маньчжурский
пратюрк. – пратюркский
рус. – русский
рушан. – рушанский
саг. – сагайский
салар. – саларский
санскр. – санскрит
саньч. – саньчуанский
сербохорв. – сербохорватский
сиб.-тат. – сибирско-татарский
слав. – славянский
слов. – словацкий
словен. – словенский
солон. – солонский
ср.-монг. – среднемонгольский
ст.-монг. – старомонгольский
ст.-слав. – старославянский
ст.-узб. – староузбекский
с.-юг. – сарыг-югурский
тат. – татарский
т.-маньчж. – тунгусо-маньжурский
тоф. – тофаларский

тох. – тохарский
тув. – тувинский
тур. – турецкий
туркм. – туркменский
тюрк. – тюркский
уд. – удегейский
удм. – удмуртский
узб. – узбекский
уйг. – уйгурский
укр. – украинский
ульч. – ульчский
ф.-уг. – финно-угорский
хак. – хакасский
халадж. – халаджский
цыган. – цыганский
чаг. – чагатайский
чеш. – чешский
чув. – чувашский
чулым. – чулымский
шор. – шорский
шугн. – шугнанский
ш.-юг. – шира-югурский
эвен. – эвенский
эвенк. – эвенкийский
язг. – язгулямский
якут. – якутский
япон. – японский

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Абаев В.И.

– **1958-1989:** Историко-этимологический словарь осетинского языка. – М.; Л., 1958-1989. – Т. I-IV; 2-е изд. – М., 1996.

Акбаев Ш.Х.

– **1963:** Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. – Черкесск, 1963.

Аникин А.Е.

– **2000:** Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М.: Новосибирск: Наука, 2000. – 768 с.

Аралбаев Ж.

– **1959:** Қарақалпақ тілінің дауысты фонемалары // *Қазақ ССР Ғылым академиясының Хабарлары: Филология және искусство тану сериясы.* – Алматы, 1959. – 1-2 (8-9) шығуы.

Асланов В.И.

– **1967:** Из этюдов по исторической фонетике азербайджанского языка (о фонеме *h*) // *Известия АН Аз ССР: Серия литературы, языка и искусства.* – Баку, 1967. – № 1.

Ахметьянов Р.Г.

- 1989: Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1989. – 200 с.

Әхмәтъянов Р.Г.

- 2001: Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2001. – 272 б.

Баскаков Н.А.

- 1931: Краткая грамматика каракалпакского языка. – Турткуль, 1931-1932.
- 1940: Ногайский язык и его диалекты. – М.; Л., 1940.
- 1952: Каракалпакский язык. Т. II. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 543 с.

Бекмұхаметов Е.Б.

- 1977: Қазақ тіліндегі араб-парсы сөздері: Түсіндірме сөздік. – Алматы, 1977. – 200 б.

Бишишев А.Г.

- 1963: «Первичные» долгие гласные в тюркских языках. – Уфа, 1963. – 127 с.

Богородоцкий В.А.

- 1953: Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. – Казань, 1953. – 220 с.

Боргояков М.И.

- 1981: Источники и история изучения хакасского языка. – Абакан, 1981.

Бураев И.Д.

- 1987: Становление звукового строя бурятского языка. – Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1987. – 184 с.

Владимирцов Б.Я.

- 1929: Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: Введение и фонетика. – Л.: Изд. Ленингр. Вост. ин-та, 1929. – 434 с.; Изд. 2-е. – М.: Наука; Гл. ред. Вост. лит-ры, 1989. – 449 с.

Гаджиева Н.З.

- 1973: Глухое начало слова в тюркском праязыке // *Сов. тюркология*. – Баку, 1973. – № 4. – С. 3-10.

Гафаров Б.Г.

- 1969: О явлении йотации в гагаузском языке // *Балканское языкознание*. – София, 1969. – Т. 11. – Вып. 2.

Данияров Х.

- Опыт изучения джекающих диалектов в сравнении с узбекским литературным языком (на материалах Самаркандской и Джизакской областей). – Ташкент: Фан, 1975. – 289 с.

Даулетов А.

- 1973: Фонематическая природа некоторых фонетических дифтонгов в современном каракалпакском литературном языке // *Сов. тюркология*. – Баку, 1973. – № 4. – С. 93-98

Дёрфер Г.

- 1972: О состоянии исследования халаджской группы языков // *Вопросы языкознания*. – М., 1972. – № 1.

Джунисбеков А.

- 1969: Акустико-артикуляционные характеристики гласных казахского языка // *Фонетика казахского языка*. – Алма-Ата, 1969.

- **1972:** Гласные казахского языка (экспериментально-фонетическое исследование). – Алма-Ата: Наука, 1972. – 94 с.
- **1980:** Сингармонизм в казахском языке. – Алма-Ата: Наука, 1980. – 78 с.

Дмитриев Н.К.

- **1940:** Грамматика кумыкского языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 205 с.
- **1955:** Фонетические закономерности начала и конца тюркского слова // *Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков*. – М., 1955. – Ч. 1: Фонетика. – С. 265-273.
- **1962:** Строй тюркских языков. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. – 607 с.

Досқараев Ж., Мұсабаев Ф.

- **1951:** Қазақ тілінің жергілікті ерекшеліктері. – Алматы, 1951. – I бөлім.

ДТС – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

Дыбо А.В.

- **1996:** Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: Соматические термины (плечевой пояс). – М.: Языки рус. культуры, 1996. – 389 с.

Егоров В.Г.

- **1964:** Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 355 с.

Иллич-Свитыч В.М.

- **1971:** Опыт сравнения ностратических языков: (Семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский): Введение. Сравнительный словарь. – М.: Наука, 1971.

- 370 с.; Изд-е 2-е,
испр. – М.: УРСС, 2003. – 370 с.
– 1984: Опыт сравнения ностратических языков:
Сравнительный словарь (p-q) (по картотекам авто-
ра). – М.: Наука, 1984. – 136 с.

ИМ (Ибн Муханна)

- см.: **Battal A. Ibnü-Mühenna Luḡati.** – Istanbul,
1934; **Мелиоранский П.М.** Араб филолог о ту-
рецком языке. – СПб., 1900; **Малов С.Е.** Ибн-
Муханна о турецком языке // *Записки коллегии
востоковедов.* – Л., 1928. – Т. III. – Вып. 2.

Катаринский В.В.

- 1897: Киргизско-русский словарь. – Оренбург,
1897. – 244 с.

Котвич В.Л.

- 1962: Исследования по алтайским языкам. М.:
Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – 371 с.

Кульманов Г.

- 1956: Некоторые фонетические особенности
геокленского диалекта туркменского языка // *Тру-
ды Института языка и литературы.* – Ашхабад,
1956. – Вып. 1. – С. 25-43.

Лувсанвандан Ш.

- 1975: Эртений монгол хэлний хамжин тэсрэх
уруулын чанга «и» гийгуулегч ба тууний цаашид
хэргэн хувирсань. – Улаанбаатар, 1975.

Лыткин В.И., Гуляев Е.С.

- 1970: Краткий этимологический словарь коми
языка. – М.: Наука, 1970. – 386 с.

Макаев Э.А.

- 1977: Общая теория сравнительного языко-
знания. – М.: Наука, 1977. – 205 с.

Малов С.Е.

- 1966: Заметки о каракалпакском языке. – Нукус, 1966. – 46 с.

Мейе А.

- 1938: Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М.; Л., 1938. – 510 с.

Мелиоранский П.М.

- 1900: Араб филолог о турецком языке. – СПб.: Типография Имп. АН, 1900. – LXXXIV + 122 + 85 с.
- 1904: Араб-филолог о монгольском языке // *Записки Восточного отделения Русского археологического общества*. – СПб., 1904. – Вып. XV. – С. 75-171.

МК (Махмуд Каишгари) – цит. по: Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.; **Clauson G.** An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford, 1972.

Мошков В.А.

- 1904: Словарь языка бессарабских гагаузов // *Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен*. – СПб., 1904. – Т. X. – Прил. II.

Наделяев В.М.

- 1960: Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции. – М.; Л., 1960.

Насыров Д.С.

- 1976: Становление каракалпакского общенародного разговорного языка и его диалектная система. – Нукус; Казань; Каракалпакстан, 1976. – 399 с.

ОИЯ – Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. – М.: Наука, 1979. Среднеиранские языки. – М.: Наука, 1981. Новоиранские языки: Западная подгруппа, прикаспийские языки. – М.:

Наука, 1982. Новоиранские языки: Восточная группа. – М.: Наука, 1987. Новоиранские языки: Северо-западная группа. I. – М.: Наука, 1991. Новоиранские языки: Северо-западная группа. II. – М.: Наука, 1987.

Ондасынов Н.Д.

– 1984: Арабша – казакша түсіндірме сөздік: (Қазақ тілініңдегі араб сөздері). – 1 том. – Алматы: Мектеп, 1984. – 255 с.

Палло М.К.

– 1985: Hungaro-Tscuwaschica: Протобулгарские письменные памятники и древнечувашские заимствования в венгерском языке // *Исследования венгерских ученых по чувашскому языку*. – Чебоксары, 1985. – С. 73-97.

Покровская Л.А.

– 1964: Грамматика гагаузского языка: Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1964. – 298 с.

Поливанов Е.Д.

– 1933: Некоторые фонетические особенности кара-калпакского языка // *Труды Хорезмской экспедиции*. – Ташкент, 1933. – 27 с.

Поппе Н.Н.

– 1925: Система глухих смычных в алтайских языках // *Доклады РАН*. – М., 1925. – С. 11-13.

– 1938: Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. I-II. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – IV – 452 с.

Рассадин В.И.

– 1980: Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – М.: Наука, 1980. – 115 с.

Решетов В.В.

- 1952: Кураминские говоры Ташкентской области. – Ташкент, 1952.
- 1959: Узбекский язык. – Ч. 1: Введение. Фонетика. – Ташкент: Гос. уч.-пед. изд-во УзССР, 1959. – 359 с.

Рона-Таи А.

- 1987: Алтайская теория и история среднемонгольских заимствований в чувашском языке // *Чувашский язык: история и этимология*. – Чебоксары, 1987. С. 6-16.

Рясянен М.

- 1955: Материалы по исторической фонетике тюркских языков. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 220 с.

Санжеев Г.Д.

- 1953: Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 240 с.
- 1977: Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1977. – 160 с.

Севортян Э.В.

- 1973: К источникам и методам пратюркских реконструкций // *Вопросы языкознания*. – М., 1973. – № 2. – С. 35-45.

Сергиевский М.В.

- 1952: Введение в романское языкознание. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1952. – 280 с.

Серебренников Б.А.

- 1956: К истории звуков чувашского языка // *Ученые записки Чуваш. НИИЯЛИЭ*. – Чебоксары, 1956. – Вып. 14. – С. 76-85.

- 1968: Об относительной самостоятельности развития системы языка. – М.: Наука, 1968.
 - 1974: Вероятностные обоснования в компаративистике. – М.: Наука, 1974. – 352 с.
- Серебрянников Б.А., Гаджиева Н.З.**
- 1979, 1986: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – Баку: Маариф, 1979. – 307 с.;
2-е изд. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1986. – 302 с.
- СИГТЯ** – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. – М.: Наука, 1981. – 484 с.; Синтаксис. – 1986. – 284 с.; Морфология. – М.: Наука, 1999. – 560 с.; Лексика. – М.: Наука, 1997. – 800 с.; Региональные реконструкции. – М.: Наука, 2002. – 767 с.
- Старостин С.А.**
- 1991: Алтайская проблема и происхождение японского языка. – М.: Наука, 1991. – 298 с.
- Сычева В.А.**
- 1976: Фонетические особенности арабских и персидских лексических заимствований в гагаузском языке // *Туркологические исследования*. – М.: Наука, 1976. – С. 212-229.
- Тенишев Э.Р.**
- 1963: Саларский язык. – М.: Наука, 1963.
 - 1976 а: Строй саларского языка. – М.: Наука, 1976. – 576 с.
 - 1976 б: Строй сарыг-югурского языка. – М.: Наука, 1976. – 307 с.
- ТМС** – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. – Т. 1. – Л.: Наука, 1975. – 672 с.; Т. 2. – Л.: Наука, 1977. – 992 с.

Тодаева Б.Х.

- 1960: Монгольские языки и диалекты Китая. – М.: Наука, 1960.
- 1961: Дунсянский язык. – М., 1961.
- 1964: Баоаньский язык. – М.: Наука, 1964. – 158 с.
- 1973: Монгорский язык: Исследование, тексты, словарь. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1973. – 392 с.
- 1981: Язык монголов Внутренней Монголии: Материалы и словарь. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
- 1986: Дагурский язык. – М., 1986. – 190 с.

Федотов М.Р.

- 1968: Булгарский язык и его отношение к некоторым финно-угорским языкам: (Заметки в области согласных звуков) // *Сов. финно-угроведение*. – Таллин, 1968. – № 1. – С. 53-66.
- 1980: Чувашский язык в семье алтайских языков. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. – Ч. 1. – 172 с.
- 1996: Чувашский язык: Истоки. Отношение к алтайским и финно-угорским языкам. Историческая грамматика. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1996. – 460 с.
- 2002: Этимологический словарь чувашского языка. – Изд. 2-е., испр. и доп. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. – 470 с.

Цинциус В.И.

- 1949: Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. – Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 342 с.
- 1984: Этимологии алтайских лексем с анлаутными глухими придыхательными смычными губ-

но-губным *п” и заднеязычным *к” // *Алтайские этимологии*. – Л., 1984. – С. 17-129.

Черных П.Я.

– 1993: Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: Рус. яз., 1993. – Т. I. – 622 с.; Т. II. – 560 с.

Чингэлтэй (Činggeltei)

– 1957-1958: Dumdadu ulus-taki mongyul törül-ün kelenügüd ba mongyul kelen-ü ayalyunuуu-d-un yerüngkei bayidal // *Mongyul kele bičig*. – Хухе-Хото, 1957. – № 11-12; *Mongyol teüke kele bičig*. Хухе-Хото, 1958. – № 2, 3, 6, 7, 12.

Шамырадов К.

– 1959: Ёмут диалектиниң гунбатар геплешигинде чекимсиз сеслеринң системасы (консонантизм) // *Дил ве эдебият институтының ишлери*. – Ашгабад, 1959. – III гойберилиш. – 110-153 б.

Шипова Е.Н.

– 1976: Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата: Наука, 1976. – 444 с.

Ширалиев М.Ш.

– 1983: Диалекты и говоры азербайджанского языка. – Баку: Элм, 1983. – 197 с.

Щербак А.М.

– 1959: Об алтайской гипотезе в языкознании // *Вопросы языкознания*. – М., 1959. – № 6. – С. 51-63.

– 1960: О методике исследования языковых параллелей: (В связи с алтайской гипотезой) // *Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов*. – М., 1960. – 15 с.

– 1970: Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л.: Наука, 1970. – 204 с.

- 1973: *Рец. на: Doerfer G. Khalaj Materials. Bloomington, 1971. – 338 p. // Сов. тюркология. – Баку, 1973. – № 2. – С. 111-115.*
- 1976: О некоторых спорных вопросах реконструкции фонологической системы тюркского праязыка // *Тюркологические исследования. – М., 1976. – С. 2-24.*
- 1989: *Рец. на: Doerfer G. Mongolo-Tungusica. Wiesbaden, 1989. – 307 s. // Вопросы языкознания. – М., 1989. – № 6. – С. 132-135.*
- 1994: Введение в сравнительное изучение тюркских языков. – СПб.: Наука, 1994. – 192 с.
- 1997: Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.). – СПб.: ИЛИ РАН, 1997. – 292 с.

ЭСТЯ – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974-1980. – Т. I-III; [Севортян Э.В., Левитская Л.С.]. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1989, 1997, 2000, 2003. – Т. IV-VII.

Aalto P.

- 1955: On the Altaic initial *p- // *Central Asiatic Journal. – Wiesbaden, 1955. – Bd. 1. – S. 8-16.*

Clark L.V.

- 1977: Mongol elements in Old Turkic? // *Jornal de la Société Finno-Ougrienne. – Helsinki, 1977. – Vol. 75. – P. 110-168.*

Clauson G.

- 1959: The earliest Turkish loan words in Mongolian // *Central Asiatic Journal. – Wiesbaden, 1959. – Vol. IV. – № 3. – P. 174-187.*
- 1972: *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford, 1972. – 989 p.*

DD – Türkiye’de halk ağzından söz derleme dergisi. – I-VI.
– Istanbul, 1939-1952.

Dmitriev N.K.

- **1932-1933:** Gagausische Lautlehre // *Archiv orientalni*. – Praha, 1932. – Vol. IV. – № 2. – S. 208-224; Vol. IV. – № 3. – S. 249-362; 1933. – Vol. V. – № 1. – S. 96-113.

Doerfer G.

- **1963:** Turkish and mongolian Studies. – London, 1963.
- **1963-1972:** Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963-1972. – Bd. 1-4.
- **1968:** Das Chaladsch eine archaische Türk-sprache in Zentralpersien // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. – Wiesbaden, 1968. – Bd. 118. – Hf. 1. – S. 79-112.
- **1969:** Das Chaladsch eine neudentdeckte archaische Türk-sprache // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. – Wiesbaden, 1969. Supplementa I. – S. 719-725.
- **1971:** Khalaj materials. – Bloomington: Indiana Universiti Publications, 1971. – 338 p.
- **1985 a:** Mongolo-Tungusica. – Wiesbaden, 1985. – 307 s.

Doerfer G., Tezcan S.

- **1980:** Wörterbuch des Chaladsch (Dialekt von Charrab). – Budapest, 1980. (*BOH*, 26).

EDAL – Etymological dictionary of the altaic languages by Sergei Starostin, Anna Dybo, Oleg Mudrak. – Brill Leiden, Boston, 2003. – T. 1-3.

Grönbech K.

– 1942: Komanischen Wörterbuch. Türkischer Wörtindex zu Codex Cumanicus. – Kopenhagen, 1942. – 314 s.

Grønbech V.

– 1902: Forstudier til tyrkisk lidhistorie. – København, 1902.

Grube W.

– 1900: Goldisch – deutsches Wörterverzeichnis mit vergleichender Berücksichtigung der übrigen tungusischen Dialekte. – SPb., 1990.

Hambis L.

– 1945: Grammaire de la langue mongole écrite. – Paris, 1945. – Part. 1.

HY (Houa-yiyi-yu) – Lewicki M. La langue mongole des transcriptions chinoises du XIVe siècle. Le Houa-yi-yi-yu de 1389. – Wrocław, 1949; Bd. II: Vocabulaire-Index. – Wrocław, 1959.

Kowalski T.

– 1933: Les Turcs et la langue turque de la Bulgarie du Nord-Est. – Krakow, 1933.

Lessing F.D.

– 1960: Mongolian-English dictionary. – Berkeley; Los Angeles, 1960. – 1217 p.

LH – Poppe N. Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift // *Известия АН СССР* – Л., 1927. – Вып. XXI. Сер. VI. – № 15-17.

Ligeti L.

– 1971: Histoire secrète des Mongols. – Budapest: Akadémiai kiadó, 1971. – 268 p.

Martin S.E.

- 1961: *Dagur Mongolian: Grammar, text and lexicon.* – Bloomington, 1961.

Melioranskij P.

- 1904: *Рец. на: Grønbech V. Forstudier til tyrkisk lidhistorie.* – København, 1902 // *Aus den Göttingischen gelehrten Anzeigen.* – 1904. – № 6.

Menges K.H.

- 1947: *Qaraqalpaq grammar. I. Phonology.* – New York, 1947. – 110 p.
- 1968: *The Turkic languages and peoples: An introduction to Turkic studies.* – Wiesbaden, 1968. – XIV + 248 p.

Miller R.A.

- 1971: *Japanese and the other Altaic languages.* – Chicago; London; University of Chicago Press, 1971. – 331 p.

Mostaert A., Smedt A.

- 1930: *Le Dialecte Monguor parlé par les Mongols du Kansu Occidental // Antropos.* – 1930. – Vol. 25. – № 3-4.

Munkácsi B.

- 1886-1887: *Ujább adalékok a magyar nyelv török elemeihez // Nyelvtudományi Közlemények.* – Budapest, 1886-1887. – XX köt.; 1890. – XXI köt.

Németh J.

- 1930: *A honfoglaló magyarság kialakulása.* – Budapest, 1930. – 2-е изд. – Budapest, 1991.

Palló M.K.

- 1959: *Hungaro-Tschuwaschica // Ural-Altäische Jahrbücher.* – Wiesbaden, 1959. – Bd. 30. – S. 239-258; II // *Ural-Altäische Jahrbücher.* – Wiesbaden, 1959. – Bd. 31 (см.: Палло, 1985).

- 1961 a: *Var* szavunk etimológiájához // *Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest, 1961. – 63 köt. – 217-219 l.
- 1961 6: Zur Frage des tschuwaschen *v*-Prothese // *Acta Orientaliae Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1961. – Bd. XII. – S. 33-44.
- 1963: A *váj* ige és az *áj* ~ *áj*- nomenverbum összefüggése // *Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest, 1963. – 65 köt. – 180-184 p.
- 1982: Régi török eredetű igéink // *Studia Uralo-Altaiica. Supplementum I.* – Szeged, 1982. – 271 p. + I-XII p.

Pedersen H.

- 1903: Türkische Lautgesetze // *Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft*. – Leipzig, 1903. – Bd. 75. – Hf. 3. – S. 535-561.

Pelliot P.

- 1925: Les mots à *h*- initiale, aujourd'hui amuie dans le mongol des XIIIe et XIVe siècles // *Journal Asiatique*. – Paris, 1925. – Vol. 206. – №. 1-2. – P. 193-263.

Poppe N.

- 1960: Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil I: Vergleichende Lautlehre. – Wiesbaden, 1960. – XI + 188 S. (*PLO. N. S.*, 3).

Pritsak O.

- 1954: Die sogenannte Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1954. – Vol. XXIV.
- 1955: Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. – Wiesbaden, 1955. – 101 s.

Radloff W.

- 1882: Vergleichende Grammatik der nördlichen Türkisprachen: Phonetik. – Leipzig, 1882. – Bd. I.
- 1883: Phonetik der nördlichen Türksprachen. – Leipzig, 1883.
- 1897: Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. – SPb., 1897.

Ramstedt G. J.

- 1915: Zur mongolischen-türkischen Lautgeschichte. III: Der *j*-laut und damit zusammenhängende Fragen // *Keleti Szemle*. – Budapest, 1915. – Bd. XVI. – XVI köt.
- 1916-1920: Ein anlautender Stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Ursprache // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsingfors, 1916-1920. – Bd. 32. – Hf. 2. – S. 1-10; 238-251.
- 1935: Kalmükisches Wörterbuch. – Helsinki, 1935. – 560 s. (*LSFU*, 3).
- 1949: Studies in Korean Etymology // *MSFOu*. – Helsinki, 1949. – Vol. 95. – 292 p.
- 1952: Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. II: Formenlehre. – Helsinki, 1952. – 262 S.
- 1953: Studies in Korean Etymology / *Ed. by P. Aalto*. – Helsinki, 1953. – Vol. II.
- 1957: Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I: Lautlehre. – Helsinki, 1957. – 192 S.

Räsänen M.

- 1955: Uralaltaische Wortforschungen // *Studia Orientalia*. – Helsinki, 1955. – Bd. XVIII. – Hf. 3. – 59 S.
- 1961: Türkische anlautendes *h*- als Überbleibsel des alten **p*- // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1962. – Bd. 33. – Hf. 1-2. – S. 146-148.

- 1969: Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. – Helsinki, 1969. – 2-e изд. – Helsinki, 1971. – 533 s.

Róna-Tas A.

- 1982: The periodization and sources of Chuwash linguistic history // *Chuwash Studies*. – Budapest, 1982. – P. 113-169.

Rozycki W.

- 1994: Mongol Elements in Manchu. – Bloomington, 1994.

Sauvageot A.

- 1930: Recherches sur le vocabulaire des langues ouralo-altaïques. – Paris, 1930. – XLII + 142 p.

Schiefner A.

- 1859: Buddhistische Triglotte d. h. sanskrit-tibetisch-mongolisches Wörterverzeichnis. – SPb., 1859.

SH – Haenisch E. Wörterbuch zu Manghol- un Niuca Tobca'an (Yüan-Ch'ao Pi-Shi), Geheime Geschichte der Mongolen. – Leipzig, 1939; Козин С.А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongyol-un niuča tobčiyar*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник: Т. 1. Введение в изучение памятника, пер., текст, глоссарий. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 619 с.

Shirokogoroff S.M.

- 1931 a: Ethnological and linguistical aspects of the Ural-Altaic hypothesis // *Reprinted from Tsing Hua Journal*. – Peiping, 1931. – Vol. 6. – P. 102-109.
- 1931 б: Notes on the bilabialization and aspiration of the vowels in the Tungus languages // *Rocznik Orientalistyczny* (1920-1930). – Lwów, 1931. – T. VII.

Serebrennikov V.

- 1966: Zur Frage nach dem Ursprung der protetischen Konsonanten *v* und *j* im Tschuwaschischen // *Acta Orientaliae Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1966. – Bd. XIX. – Hf. 1.

Sinor D.

- 1943: Ouralo-altaïque – indo-européen // *T'oung Pao*. – Leiden, 1943. – Vol. 37. – Livr. 5.
- 1977: Altaica und Uralica // *Studies in Finno-Ugric Linguistics in Honour of Alo Raun*. – Bloomington, 1977. – P. 319-331.

Stachowski M.

- 1993: Dolganischen Wortschatz. – Krakow, 1993.

Tezcan S.

- 1975: 1283 numaralı Tibetçe Pelliot el-yazmasında geçen Türkçe adlar üzerine // *Türk Dili Bilimsel Kurultayına Sunulan Bildiriler 1972'dan ayırması*. – Ankara, 1975. – 299-307 s.

Thomsen V.

- 1901: Sur la système consonnes dans la langue ouigoure // *Keleti Szemle*. – Budapest, 1901. – II köt.

TS – (Tarama sözlüğü)

- 1963-1969: XIII. yüzyıldan beri Türkiye Türkçesiyle yazılmış kitaplardan toplanan tanıklariyle tarama sözlüğü. – Ankara, 1963-1969. – I-IV cild.

Zajączkowski W.

- 1966: Język i folklor gagauzów z Bułgarii. – Kraków, 1966.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Современное состояние проблемы анлаутных губных согласных в алтайских языках.....	8
Ревизия фонетического закона Рамстедта – Пеллио	22
Концепция Г. Дёрфера об инициальном пратюркском *p-.....	35
фонетический закон рамстедта – Пеллио и свидетельства тунгусо-маньчжурских языков	39
Фонетический закон Рамстедта – Пеллио и свидетельства монгольских языков.....	50
Фонетический закон Рамстедта – Пеллио и свидетельства тюркских языков (К вопросу о происхождении протетических согласных в тюркских языках).....	72
Оценка концепции Г. Дёрфера о протюркском инициальном *p-.....	89
Закон Рамстедта – Пеллио и проблема протетических согласных в тюркских (<i>resp.</i> алтайских) языках	111
Проблема анлаутного губного смычного в тюркском п्राязыке.....	151
Заключение.....	180
Названия языков, диалектов, говоров	186
Список использованной Литературы и источников	190

Научное издание

ТУЙМЕБАЕВ Жансент Кансентович

**ПРОБЛЕМА АНЛАУТНЫХ ГУБНЫХ СОГЛАСНЫХ
В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ
(Ревизия фонетического закона Рамстедта – Пеллио)**

Подписано к печати 9.12.2004. Формат 84×108/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 7,85.
Усл. печ. л. 11,03. Тираж 1000 экз. Заказ №

АО «Издательский дом «Парад»
125993 Москва, ул. Правды, 24, офис 820.
Факс (495) 257-43-85, 257-40-02
e-mail: info.parad@mail.ru